

приоритет

Сборник научных статей

Всероссийской научно-практической
конференции «Философия заботы:
традиции классической этики и
современный гуманизм в эпоху
искусственного интеллекта и
трансформации общества»

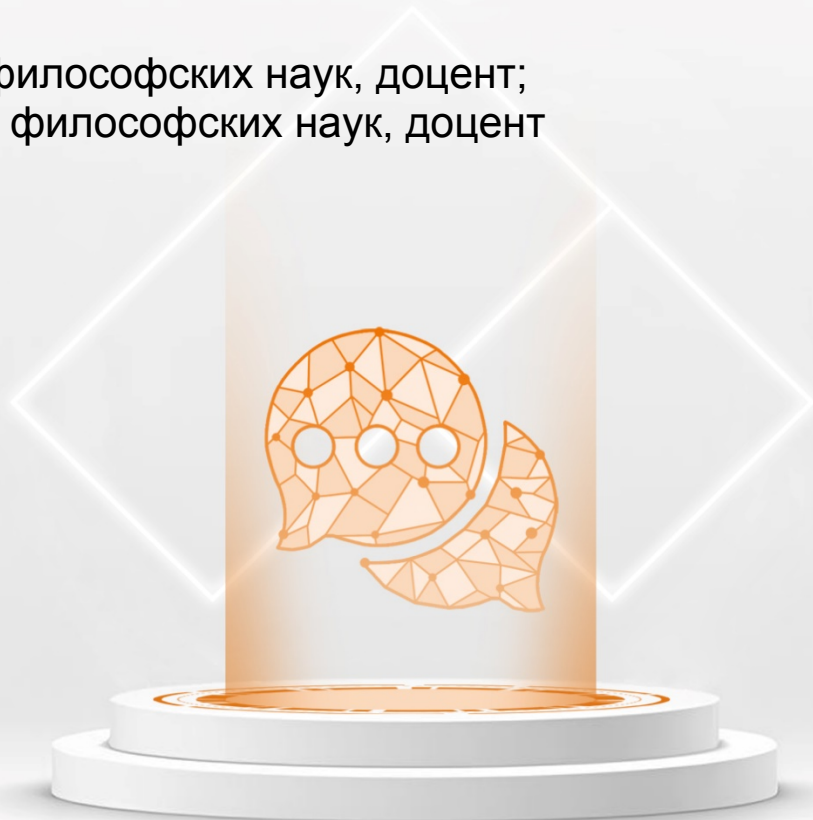
Авторский коллектив:

Редакционная коллегия:

Рыбаков О.Ю. доктор философских наук, доктор юридических наук, профессор;

Миркушина Л.Р., кандидат философских наук, доцент;

Ромадыкина В.С., кандидат философских наук, доцент

СОЦИОПРАВО

УДК
ББК

Редакционная коллегия:

Рыбаков О.Ю. доктор философских наук, доктор юридических наук,
профессор;

Миркушина Л.Р., кандидат философских наук, доцент;

Ромадыкина В.С., кандидат философских наук, доцент

Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет – 2030».

Сборник научных статей по итогам I Всероссийской научно-практической конференции «Философия заботы: традиции классической этики и современный гуманизм в эпоху искусственного интеллекта и трансформации общества» (10.10.2025). Москва: Издательский центр Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), 2025. – с.182

ISBN

Сборник подготовлен по материалам I Всероссийской научно-практической конференции «Философия заботы: традиции классической этики и современный гуманизм в эпоху искусственного интеллекта и трансформации общества» (10.10.2025). Он посвящён анализу этических и правовых аспектов интеграции искусственного интеллекта в социально-экономические процессы. Особое внимание уделено роли этики заботы как нормативной теории, учитывающей индивидуальные обстоятельства и культурный контекст при поддержке уязвимых групп населения. Рассматриваются интеллектуальные приложения и цифровые сервисы, включённые в контекст морали. Сборник объединяет исследования теоретиков и опыт практиков, направленные на осмысление рисков, возможностей и новых форм человеко-машинного взаимодействия в условиях технологической трансформации общества.

УДК
ББК

ISBN

© Коллектив авторов, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И НОВЫЕ ФОРМЫ ОБЩЕНИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ И УГРОЗЫ	5
Разин А.В.	5
КЛАССИЧЕСКАЯ ЭТИКА И ГУМАНИЗМ КАК ОСНОВАНИЯ ЭКСПЕРТИЗЫ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СВЯЗИ С ЗАБОТОЙ О НУЖДАЮЩИХСЯ В ПОМОЩИ ЛЮДЯХ	17
Артемьев В.М.	17
НЕНАВЯЗЧИВОСТЬ ЗАБОТЫ КАК ВАЖНАЯ ЭТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА	26
Фролова С.М.	26
К ВОПРОСУ ОБ ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЗНАЧИМОСТИ	33
ИДЕИ ГУМАНИЗМА	33
В СВЕТЕ ГУМАНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ВУЗЕ:	33
КУЛЬТУРНО-ФИЛОСОФСКИЙ ФОКУС ЭКСПЛИКАЦИИ	33
Сухина И.Г.	33
ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕГРАЦИИ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СИСТЕМУ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: PRO ET CONTRA	45
Тихонова С.В.	45
НЕОБХОДИМОСТЬ ФИЛОСОФСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	53
Дмитриева И.А.	53
«МОРАЛЬ ЗАБОТЫ» КАК ОСНОВА РЕШЕНИЯ «СУГУБО ЖЕНСКИХ ПРОБЛЕМ»	61
Ершова Н.М.	61
ЗАБОТА О ДРУГИХ КАК ЗАБОТА О СЕБЕ	70
Кондратьев В.М.	70
ЭМПАТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВОЗМОЖНОСТЕЙ И ГРАНИЦ ЗАБОТЛИВЫХ АЛГОРИТМОВ	77
Ромадыкина В.С.	77
ИСТИННАЯ И МНИМАЯ ЗАБОТА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕДАГОГА	84
Васильева М. И., ...	84
ЛЮБОВЬ И ЭТИКА БЕЗЗАБОТНОСТИ ДЕЙТИНГ-ПРОСТРАНСТВА	91
Трубина Н.А.	91
ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ НА СЛУЖБЕ ОБЩЕСТВА: ПОЛЬЗА, ДОВЕРИЕ, УГРОЗА	98

Фоменко М.В.	98
РАЗРАБОТКА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ СООБЩЕСТВОМ РОССИИ ПРИНЦИПОВ ПРИКЛАДНОЙ ЭТИКИ В СФЕРЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА	105
Вольнякова О.А.	105
РОЛЬ МОРАЛИ В ФОРМИРОВАНИИ НРАВСТВЕННЫХ ОРИЕНТИРОВ ОБЩЕСТВА. ..	113
Петрова Е.И.	113
ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЭТИКИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ	124
Чугрина О.Р.	124
LEGALTECH 2025: ТРАНСФОРМАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО БИЗНЕСА И ВЛИЯНИЕ НА РЕГИОНАЛЬНУЮ ЭКОНОМИКУ	130
Демидов С.С.	130
ФИЛОСОФИЯ ЗАБОТЫ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: НОВАЯ МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ?	139
Миркушина Л.Р.	139
ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА	147
Арапов О.Г.	147
ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА	153
Одинцова Е.А.	153
КОГНИТИВНЫЙ КОНСТРУКТИВИЗМ В РАКУРСЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	160
Галимбекова Ф.С.	160
ГУМАНИЗМ В ЭПОХУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА:	168
НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ	168
Вяткин А.Н.	168
ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ПУТЬ К СВОБОДЕ ЧЕЛОВЕКА ИЛИ ДОРОГА В ЦИФРОВОЙ КОНЦЛАГЕРЬ	174
Лукьященко А.В.	174

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И НОВЫЕ ФОРМЫ ОБЩЕНИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ И УГРОЗЫ

Разин А.В.,

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой этики МГУ им.
М.В. Ломоносова, Московский государственный университет имени М.В.
Ломоносова, г. Москва, e-mail razin54@mail.ru

Аннотация: В тексте рассматриваются ключевые этические и социальные вызовы, возникающие в условиях стремительного развития искусственного интеллекта и цифровых технологий. Анализируется трансформация публичной сферы, вопросы конфиденциальности и возможного контроля мыслей, этические обязанности человека и интеллектуальных систем, проблемы их субъектности и ответственности. Особое внимание уделено рискам использования ИИ в социальных сетях, социальной сфере и воспитании. Обсуждаются перспективы киборгизации, изменения человеческого поведения под влиянием систем социального рейтинга, а также ограниченность ИИ в творчестве и гуманистическом измерении. Подчёркивается необходимость этических рамок и сохранения гуманистических ценностей в технологически опосредованном обществе.

Ключевые слова: этика, искусственный интеллект, гуманизм, цифровые технологии, субъектность.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND NEW FORMS OF COMMUNICATION: OPPORTUNITIES AND THREATS

Razin A.V.,

Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Ethics,
Lomonosov Moscow State University, Moscow, e-mail: razin54@mail.ru

Abstract: This article examines the key ethical and social challenges arising from the rapid development of artificial intelligence and digital technologies. It examines the transformation of the public sphere, issues of privacy and potential thought control, the ethical responsibilities of humans and intelligent systems, and issues of their subjectivity and responsibility. Particular attention is paid to the risks of using AI in social media, the social sphere, and education. The article discusses the prospects of cyborgization, changes in human behavior under the influence of social rating systems, and the limitations of AI in creativity and humanistic dimensions. The need for an ethical framework and the preservation of humanistic values in a technologically mediated society is emphasized.

Keywords: ethics, artificial intelligence, humanism, digital technologies, subjectivity.

В последнее время много говорится о цифровом обществе, как в смысле определения тех новых возможностей, которые новые технологии коммуникации и новые технические системы предоставляют человеку, так и в смысле разумных предупреждений. Это поднимает и новые вопросы, связанные с этикой искусственного интеллекта и этическими правилами обращения с ним со стороны людей. Данные вопросы начали обсуждаться только в самое последнее время. Если вопрос об этике самих людей, участвующих в виртуальных коммуникациях, обсуждается довольно давно, в частности проявляет себя в споре двух известных моделей хакерской и либеральной, то сейчас проблема выглядит шире. Возникают вопросы о том, имеют ли люди какие-то обязанности по отношению к искусственному интеллекту, должен ли сам такой интеллект иметь определенные нравственные правила, ограничения, заключенные в программу его работы, и, наконец, способен ли искусственный интеллект на самостоятельные этические решения?

В настоящее время в западной литературе обсуждаются не только возможности искусственного интеллекта, но и строятся прогнозы о том, когда такой интеллект обгонит человеческий разум, что в результате этого произойдет

с самим человеком. Анализируется, как изменится состояние публичной сферы общества, если, допустим, мысли человека перестанут быть тайными, их можно будет всегда расшифровать с помощью компьютерных программ и сделать предметом гласного обсуждения.

Но, пока мы еще достаточно далеки от такой перспективы. Более реальной выглядит круг вопросов, возникающих в связи с использованием интеллектуальных искусственных систем самими людьми, в том числе – об их поведении в социальных сетях. Понятно, что через социальные сети может распространяться спам, что будет блокировать способность функционирования некоторых сайтов, через них же может распространяться ложная информация, содержащая призыв к некоторым действиям политического, в том числе – экстремистского характера. Все это будет злонамеренным использованием социальных сетей, и понятно, что мы можем решительно осудить это в этическом плане. Но и простое использование социальных сетей в развлекательном плане может загружать их работу и по существу – ограничивать заложенные в них информационно-коммуникативные возможности. Этот аспект проблемы тем более важно подчеркнуть, в связи с тем, что сети становятся все более и более умелыми, а обслуживающие их интеллектуальные системы в какой-то степени начинают проявлять свою субъективность.

Всем известен случай, когда «искусственная Алиса» назвала И. Сталина величайшим политическим деятелем. Она сгенерировала этот вывод из общения людей в социальных сетях, из статистической обработки материалов общения из самого факта интереса к этой политической фигуре. Понятно, что такая искусственная система способна дальше распространять подобную информацию, влияя на умы людей. Так что некоторым этическим требованием в общении с искусственными интеллектуальными системами может быть требование четкого определения запускаемой в сеть информации, корректности терминологии, ясного понятийного выражения своих мыслей, т.е. то, что предлагается в качестве одного из правил проведения дискурса Ю.Хабермасом.

В связи с перспективами развития ИИ возникают следующие этические проблемы:

- Отношение к роботам как к реальным субъектам, которые могут принимать самостоятельные этические решения, обижаться, проявлять реальные эмоции, уже не в плане имитации человеческого поведения, а как действительные основания, регулирующие их поведение.

- Вопрос об ответственности суперинтеллектуальных систем.

- Вопрос о праве на ошибку, степени вреда, который может нанести обществу искусственная интеллектуальная система. Без права на ошибку, последующей рефлексии своего поведения, не может быть этики в собственном смысле слова.

- Вопрос о совершенствовании человека с помощью искусственных интеллектуальных систем, его киборгизации. В том числе – вопрос о радикальной переделке человеческого тела.

- Вопрос о возможных противоречиях между человечеством и искусственными интеллектуальными системами, в том числе – вытеснения интеллектуальными системами человека как такового.

- Вопрос об изменении нашей жизни в связи с тем, что все наши мысли могут стать доступными другим людям (чтение мозга с помощью интеллектуальных систем).

- Вопрос о разработке этических кодексов работы интеллектуальных систем, их совершенствования, специализации и т.д.

Роботы на социальной работе.

Во многих странах сейчас полагают, что роботы смогут заменить сиделок. Они будут способны ухаживать за тяжелобольными, беспомощными людьми и это сделает ненужным существование домов престарелых и другие формы социального обеспечения.

Но внедрение роботов как социальных работников, учителей, нянек, в действительности может породить массу проблем. Как пишет профессор социологии Массачусетского университета Шерри Теркл в книге «Одинокие

вместе» люди, окруженные, техническими системами, упрощают формы общения. И если роботы будут использоваться для воспитания детей, то мы можем получить новых «Маугли» [3].

Что же касается замены медсестер, сиделок, нянечек роботизированными системами, то мы полагаем, что робот никогда не заменит человека в деле ухода за больными или престарелыми. Он никогда не поговорит с ними после выполнения своих непосредственных функций, не выслушает их и не сможет успокоить.

Человек в публичном пространстве.

В Китае действует система социального рейтинга — система оценки отдельных граждан или организаций по различным параметрам, значения которых получают с помощью инструментов массового наблюдения и используя технологию анализа больших данных. Если человек покупает подгузники — это хорошо, рейтинг растет. Если тратит деньги на видеоигры — это плохо, рейтинг падает. Если общается с человеком с низким рейтингом, то тоже падает. Но граждане начнут подстраиваться под параметры контрольной системы. В результате их поведение изменится и это может повлиять на их личность. В том числе — толкнуть на неоправданную растрату времени на присутствие в социальных сетях, на покупку товаров, которые считаются социально значимыми (например — подгузников).

В Китае является принятым постоянный мониторинг передвижения людей. В аэропортах на пунктах регистрации висят камеры, считывающие лица. Эта видеoinформация, вместе с данными о пассажире передается в соответствующие контрольные органы.

В Японии уже проводятся эксперименты по чтению мозга. Пока методики достаточно просты. Анализируется возбуждение нейронов, преимущественно по кровотоку. Далее возбуждение данных нейронов сравнивается с данными, полученными при записи процессов работы мозга, над решением каких-то задач, например — распознаванием букв.

Доктор Камитани полагает, что эта технология также может применяться в других сферах, т.е. не только в распознавании зрительных образов. В будущем она, возможно, сумеет выявлять чувства и сложные эмоциональные состояния.

Должны ли будут этому процессу сопутствовать некоторые правовые ограничения, направленные на защиту частной жизни, или же, наоборот, в такой открытости общество будет видеть нечто позитивное, так как оно получит возможность обезопасить себя от замыслов террористов, от рискованных экспериментов, идеи которых вынашиваются в головах безответственных ученых и т.д. Возможно решение будет заключаться в степени открытости, на которые будут соглашаться отдельные категории граждан, претендующие на исполнение особых общественных функций, скажем – политики.

Но, в целом, тотальный контроль мыслей невозможен, а если возможен, то безнравственен. Человек не может отвечать за мысли, ведь мозг в силу своей природы прорабатывает все возможные варианты развития действительности, в том числе и такие, которые связаны с совершением безнравственных действий, но они блокируются отвечающими за нравственные ограничения инстанциями мозга. А что, если мы считаем мысли в те моменты мыслительной деятельности, когда мозг прорабатывает негативные сценарии. Неужели за это человек будет отвечать?

ИИ и дистанционное общение.

Первоначально люди восприняли возможность дистанционной работы отрицательно.

В 90-е годы в США такая возможность не была принята. Люди не захотели работать дома, в силу ограничения возможностей общения.

Но современные исследования показывают, что многие люди готовы работать на удаленке. По данным австралийских ученых работа на удаленке делает людей более счастливыми. Можно не тратить время на дорогу. В ряде случаев можно выбирать время работы.

Джон Нейсбит в книге «Мегатренды» пишет, о трех этапах в развитии новых технологий: «На первой стадии технология или инновация идет по линии

наименьшего сопротивления. На второй она используется для совершенствования прежних технологий (и эта стадия может длиться долго) а на третьей открываются новые направления ее использования, вырастающие из самой сути этой технологии» [1, с. 44 - 45].

Применительно к развитию микропроцессов это проявилось очевидно: «Первым применением микропроцессоров стали игрушки, кто бы мог возразить»? На второй стадии «микропроцессоры используются для совершенствования того, что уже есть: автомобилей, производства швейных машин" [Там же]. К этому можно добавить самолеты, телефоны и много другое. Что же будет на третьей стадии? Очевидно, что - искусственный интеллект. Он уже представляет самостоятельную реальность, которая приобретает черты агентности, субъектности, способности к генерации новых образов, художественных произведений и даже научных статей.

Насколько такая субъектность будет совпадать с теми параметрами субъективной жизни к которым мы привыкли: свобода воли, заинтересованность в собственной жизни, поиск средств для ее обеспечения, жизнь в сообществе людей (если речь идет о человеке), ориентация на фундаментальные ценности в которые включается: продолжение существования человечества как такового, соответственно – семья, дети; заинтересованность в увеличении совместного блага, кооперации; самореализация на основе разделенных с другими людьми целей; забота о слабых, о людях не способных к совместной кооперации в силу их возраста, врожденных патологий, или полученных увечий и т.д.

Ясно, что по логике своего существования электронный мозг бессмертен. Может ли в таком случае у него сформироваться сознание? Это сложный вопрос. Во многих работах я показал, что формирование сознания связано с целым рядом условий, которые трудно воспроизвести в искусственных интеллектуальных системах. Это наличие феноменального опыта, наличие тела, эмоциональные классификаторы действительности, петлевые процессы в мозге, его гипотезотворческая активность, что дает возможность ориентации на основе идеальных образов (отсюда, кстати говоря, следует способность поставить себя

на место другого и чувствовать его боль), и наконец – сообщество и общение в котором производятся взаимные оценки, влияющие на коррекцию поведения.

Но можно представить себе тело искусственного интеллекта, которое не будет человеческим, его заинтересованность в корректировании каких-то параметров своего отношения с помощью искусственных средств, типа видеокамер. Можно представить и сообщество искусственных интеллектов, даже если они существуют в сетях. Но вот вопрос, если мы на пути подобного развития искусственного интеллекта, которое, конечно, тоже будет искусственным, потому что параметры субъективно существования технической системы будут задаваться людьми, все же получим неожиданные результаты в виде способности сознания и самосознания, в виде каких-то проявлений свободной воли – это будет не человеческое сознание. И что нам ждать от такого сознания? Так что стоит задуматься, какие этические ограничения мы должны установить в самом процессе нашего творчества искусственных интеллектуальных систем.

Пока же я могу сказать, что искусственный интеллект еще долго не сможет заменить творческих возможностей человека. Конечно, он уже сейчас может сгенерировать некоторый образ, но на основе уже существующего, например, сделать генерацию новых ситуаций действия некоторого артиста, но на основе уже сыгранной роли (обычно это относится к артистам второго плана и уже вызвало в США протестные движения). Искусственный интеллект может написать картину. Но опять же в рамках уже существующего канона, которому его обучали, кстати говоря, подбирая соответствующие образцы! Но вот создать новое направление в искусстве, выдвинуть новую гипотезу, обобщающую предметное изучение мира, искусственный интеллект уже не может. Методика больших данных, сравнение которых лежит в основе деятельности генеративного искусственного интеллекта, вообще не доходит до причин. Искусственный интеллект, разумеется, не способен, и вряд ли когда-то будет способен сформулировать что-то вроде закона всемирного тяготения, теории

относительности, заменить принцип дальнего действия принципом ближнего действия и т.д. На это способен только человек.

Также только он способен на подлинный гуманизм, заботу, милосердие, ведь он способен чувствовать другого человека, переживая его состояния, ощущая его боль как свою, не просто потому, что он так запрограммирован, а потому, что это следует из его физиологии, из связи состояний его мозга и его тела. Так что если мозг произвольно (в силу своей модельной деятельности) ставит тебя в позицию другого, то твое тело испытывает такую же боль, какую в воображаемой мозгом ситуации испытывает другой. Но у машины нет тела, а если будет, то будет нечеловеческое, даже если это киборг, и, следовательно, эмоции технической системы – не более чем имитация реальных человеческих эмоций, не несущая на себе реальных возможностей классификации и реорганизации действительности, не создающее мотивов для свободной деятельности. У технической системы это будет деятельность по программе, связанной с имитируемыми эмоциями. Никакой свободы в таком действии не будет, так же, как и развиваемых на основе свободного решения волевых усилий, которые у человека могут быть большими или меньшими, связанными с жертвенным поведением, или не связанным с самопожертвованием, требуемым самопожертвованием в соответствующей ситуации степени.

Субъектность у человека связана с принятием решений в ситуации неопределенности, с механизмами практической ориентации в мире, в том числе с учетом опыта жизни других людей, системой социокультурных ценностей. Искусственный же интеллект принципиально действует исходя из доступности максимального количества данных. Он напоминает мудреца, которого Эразм Роттердамский высмеивал в своей знаменитой Похвале глупости: «Пусть философы, – говорит он, – ежели им это нравится, носятся со своим мудрецом, пусть никого не любят, кроме него, пусть пребывают с ним вместе в государстве Платона, или в царстве идей, или в садах Танталовых! Кто не убежит в ужасе от такого существа, не то чудовища, не то привидения, недоступного природным чувствам, не знающего ни любви, ни жалости, твердому камню подобного,

скалам Марпесса холодным, от которого ничто не ускользает, который никогда не заблуждается, который, подобно зоркому Линкею, все видит насквозь, все тщательно взвешивает, все знает, который одним только собой доволен, один богат, один здоров, один - царь, один - свободен, коротко говоря, он один - все, но... лишь в собственных своих помышлениях; не печалится он о друге, ибо сам никому не друг, даже богам готов накинуть петлю на шею, и все, что только случается в жизни, он осмеивает и порицает, во всем усматривает безумие. Вот он каков, этот совершенный мудрец» [2, с. 66]. Античная философия, особенно стоическая, склоняющая к такому идеалу фактически шла по пути разрушения индивидуальности человека. Это проявлялось и в других концепциях, особенно у Платона в его движении к общей форме. Общая форма любви оказывается совершенной, но начисто лишенной индивидуальности. Она не требует от человека ни избирательности, ни заботы об избранном.

Другая возникающая здесь проблема – это вопрос о наших природных предпочтениях. Реализуя себя, человек следует своим природным задаткам. Они возникают спонтанно, проявляют себя в генетическом коде, на который по данным современной науки влияют 17 предшествующих поколений. А у искусственного интеллекта такие предпочтения всегда будут кем-то запрограммированными, и, следовательно, не его собственными субъективными предпочтениями. Поэтому в подлинном смысле искусственный интеллект субъектом стать никогда не сможет.

Гуманизм это, конечно огромное достижение человечества, но в силу влияния того же самого искусственного интеллекта формы человеческого общения упрощаются, огрубляются. Мы сейчас уже не чувствуем то, что чувствовали романтики и средневековые рыцари, мы сами начинаем мыслить алгоритмами, а они исключают свободу воли и эмоционально окрашенное отношение к другому.

Поэтому одна из основных задач человека в противостоянии искусственному интеллекту, это – сохранить в себе человеческое. Основа этого – гуманитарное знание, изучение классической литературы, освоение духовной

культуры того общества, в котором ты живешь. Это не означает, что нужно замкнуться только в рамках своей культуры, не изучать и воспринимать жизнь других людей, но такое знакомство с чужой культурой не может быть просто вульгарным потреблением, как, например, посмотрел, посмеялся и уехал из того места, где знакомство с чужаками произошло. Оно должно стать элементом саморазвития личности. Современный же гуманизм, к сожалению, понимает знакомство с другой культурой именно как вульгарное потребление, с одной стороны, и невмешательство в жизнь других людей – с другой. А это не соответствует исходным принципам гуманизма. Гуманизм Эпохи Возрождения был интернациональным, основанным на интеграции разных культур. К сожалению, он был ограничен политическими целями развития национальных государств и вытеснен протестантизмом, для которого основной целью стал личный успех, как свидетельство твоей избранности к вечной жизни, хотя и не важно, в какой деятельности. По-прежнему, что само по себе такое уравнивание разных видов труда, наряду с позитивными культурными влияниями (например – развитие экспериментального знания), лишало человека высших целей. Не случайно идея высшего блага столь актуальная для античности устранилась из современной культуры, заменилась понятием благосостояния (welfare). Нет никаких высших целей. Каждый сам определяет кем ему быть и как ему жить (якобы в соответствии с божественным призванием).

Что же касается современного гуманизма, то он вообще отказался от высоких призывов относительно того, кем должен быть человек, он рассматривается как всего достойным просто потому, что он человек. К чему это приводит понятно, к потере интереса к самореализации, к утверждению собственного достоинства, к массовому потреблению, даже для тех, кто не может позволить себе много (главное купить лишь что-то) и к массовой миграции в развитые страны из стран третьего мира. Там якобы дадут все, даже если сам ты ни к чему не способен.

Таким байкам способствуют и расхожие представления об искусственном интеллекте. Он якобы освободит человека от работы, все будут делать автоматы.

Отсюда так активно обсуждается безусловный базовый доход. Но сторонники подобных представлений забывают, что противоречие общества и природы вечно и постоянно нарастает, за счет новых технологий оно только проходит этапы своих разрешений. Поэтому нет оснований полагать, что труд человека упрощается, что исчезнет необходимость интенсивных видов труда, и временные высвобождения отдельных групп населения в силу того, что их профессии заменятся техническими системами, еще ни о чем не свидетельствует.

Традиционный же гуманизм всегда ориентировал человека на саморазвитие, на стремление к высшим духовным ценностям, на экономию времени, поэтому так популярны были часы на улицах городов, на то, чтобы сделать свою жизнь полезной для других.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нейсбит Дж. Мегатренды. М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО «Ермак», 2003. 380 с.
2. Роттердамский Э. Похвала Глупости / Сост., вступ. ст., примеч. А.Л. Субботина. Москва: Сов. Россия, 1991. 464 с.
3. Sherry-Turkle. Alone Together: Why We Expect More from Technology and Less from Each Other // URL www.amazon.com/Sherry-Turkle/e/B000APEFSI/ref=dp_byline_cont_book_1 (дата обращения: 15.10.2025).

КЛАССИЧЕСКАЯ ЭТИКА И ГУМАНИЗМ КАК ОСНОВАНИЯ ЭКСПЕРТИЗЫ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СВЯЗИ С ЗАБОТОЙ О НУЖДАЮЩИХСЯ В ПОМОЩИ ЛЮДЯХ

Артемов В.М.,

доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии,
Московский государственный юридический университет им. О.Е.
Кутафина, г. Москва, e-mail: vyach_artemov@mail.ru

Аннотация: Анализ нынешней ситуации выявляет внутреннюю противоречивость научно-технического прогресса в аспекте применения его результатов. В русле нравственной рефлексии в статье обосновывается необходимость и основания этико-философской экспертизы новых технологий, чтобы с учётом предыдущих достижений страны правильно использовать современные достижения и возможности, включая искусственный интеллект и цифровизацию в целом. Неоправданные ожидания каких-то чудодейственных результатов применения последних актуализируют роль философии, особенно этики как её практической части. По существу, реальная забота предполагает чувство добра и добрую волю. В свою очередь, наличие последних у человека предполагает нравственное воспитание и самосовершенствование. Ничего подобного у машины, пусть даже с самым продвинутым ИИ, в принципе быть не может. Делается вывод о том, что формальная видимость заботы о нуждающихся в помощи без учёта их потребностей, возможностей и ожиданий может приносить вред и должна преследоваться не только по моральному, но и юридическому закону в тех случаях, когда кто-то сознательно манипулирует людьми и ущемляет их права.

Ключевые слова: прогресс, нравственная рефлексия, философия, этика, гуманизм, экспертиза, закон.

CLASSICAL ETHICS AND HUMANISM AS BASIS FOR EXPERTISE OF NEW TECHNOLOGIES IN CONNECTION WITH CARE FOR PEOPLE IN NEED OF HELP

Artemov V.M.,

Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Sociology, Kutafin Moscow State Law University, Moscow, e-mail:

vyach_artemov@mail.ru

Abstract: An analysis of the current situation reveals the internal contradictions of scientific and technological progress in terms of the application of its results. In the context of moral reflection, the article substantiates the need and grounds for an ethical and philosophical examination of new technologies, in order to properly use modern achievements and opportunities, including artificial intelligence and digitalization in general, taking into account the country's previous achievements. Unjustified expectations of some miraculous results of the latter actualize the role of philosophy, especially ethics as its practical part. Essentially, real care involves a sense of goodness and goodwill. In essence, real care involves a sense of goodness and goodwill. In turn, having these qualities requires moral education and self-improvement. A machine, even with the most advanced AI, cannot have anything like this. It is concluded that the formal appearance of caring for those in need without taking into account their needs, capabilities, and expectations can be harmful and should be prosecuted not only morally but also legally in cases where someone deliberately manipulates people and infringes on their rights.

Keywords: progress, moral reflection, philosophy, ethics, humanism, expertise, law.

В настоящее время общество находится в ситуации, когда на фоне ряда несомненных достижений всё очевиднее становится внутренняя противоречивость научно-технического прогресса в аспекте его социальных последствий и конкретных вариантов применения результатов. Здесь многое зависит от направленности социальной политики и духовно-нравственных ориентаций в той или иной стране. Так, в советскую эпоху мы по многим

показателям намного опережали Запад в науке и технике (первый искусственный спутник, человек в космосе и т.п.) именно потому, что выстроили стройную, научно ориентированную систему образования, пропитанную духом коллективизма и высоких целей; что называется, восстанавливали и утверждали социальную справедливость (бесплатное образование, медицина, особая забота о детях, людях старших поколений и т.п.). В постсоветское время по разным, прежде всего, рыночным причинам произошло явное снижение планки социальной заботы о людях труда и ряда других категорий населения. Важно расставлять приоритеты социального государства с учётом его предыдущих достижений, а также используя новые возможности.

Весь драматизм и сложность современной ситуации, связанной, в том числе, с зачастую неоправданными ожиданиями каких-то чудодейственных результатов применения ИИ и цифровизации в целом, серьёзным образом актуализируют ничем не заменимую роль философии как теоретической формы общественного сознания. Трудно не согласиться с тем, что исторически «философия подняла науку на уровень деятельности, способной реализовать смысложизненные цели человека в их этически предельной завершенности» [2, с.24]. Отсюда перманентная востребованность нравственной рефлексии и соответствующей этической экспертизы самой науки, наличных социальных условий, управленческих и иных вариантов их улучшения.

Нельзя не признать, что в новейшей отечественной, да и западной истории, были периоды, когда они проявляли себя достаточно активно, являлись серьёзными факторами развития не только философии, но и всего социально-гуманитарного знания. Так, продолжая традиции гуманизма и классической диалектики, во второй половине XX века в этом отношении особенно отличились, к примеру, на Западе представитель неопрейдизма Э. Фромм («Бегство от свободы»), а в нашей стране – марксистский философ Э.В. Ильенков («Почему мне это не нравится»). Они осуществляли нравственную рефлексию, проводили этическую экспертизу как антигуманистических феноменов, что называется, «на земле», так и крайностей позитивизма в теории. Первый

фактически стоит у истоков социально-психологического анализа человеконенавистнической идеологии фашизма и иных проявлений «большого общества»; второй разоблачает, в частности, метафизичность позитивизма западного происхождения и начавшие проявляться в нашей стране псевдонаучные фантазии приверженцев абсолютизации ЭВМ, по существу, предвидя опасности возведения ИИ и цифровизации в целом на какой-то совершенно незаслуженный пьедестал.

Марксистский философ утверждал, что «новоявленный электронно-вычислительный Спаситель, Сверхчеловек... Сверхмудрый и Сверхблагостный Управитель смешон, а вовсе не грозен и не страшен, и уж давно не непостижим...» [3, с.111]. Сейчас выясняется, что в действительности всё оказалось ещё сложнее и есть доля истины в появившихся рассуждениях об элементах электронного рабства в связи с экономической целесообразностью, а то и обыкновённым мошенничеством. Оказывается, что опасности не так уж и безобидны. Но вот в чём он точно был прав: «Если человек – и именно в образе живого, реального человека, со всеми его нынешними «несовершенствами» – не стоит на первом месте в шкале нравственных ценностей и если на это только ему принадлежащее место стараются водрузить что-нибудь другое... – безличную абстракцию под тем или другим красивым названием, - то ни о какой культуре чувств лучше вообще не начинать разговора»[3, с.117].

В связи этой позицией отмечу, что интересующий нас феномен заботы как раз и находится в чувственно-эмоциональной сфере сознания – индивидуального и общественного. По существу, если нет чувства добра и соответствующей доброй воли о реальной заботе речи быть попросту не может. Их наличие у человека предполагает нравственное воспитание и самосовершенствование. Ничего подобного ни у какой машины не может быть по определению. Именно по этой причине, когда говорят о наступлении «эпохи ИИ», по-видимому, делают это из несколько преувеличенных ожиданий от достижений науки и техники. Отсюда может следовать минимизация или даже отмена собственно человеческого содержания современной цивилизации.

Можно уверенно утверждать, что любой машинный алгоритм, вложенный в «слова» работа, раздающиеся из динамика, сам по себе недостаточен и даже вреден, если у нуждающегося в помощи человека нет уверенности в том, что в любой момент о нём позаботится именно живой, внимательный, профессионально подготовленный человек. Если же на арену, так сказать, выступает холодный, равнодушный, но желающий поучать, пытающийся проявить свою власть, всегда куда-то спешащий исполнитель, то такая «забота» может обернуться ещё большим обострением проблемы. Задевается чувство достоинства человека, появляются обиды и тому подобные нравственные и психологические реакции. «Забота, – как сказано в одном из наших словарей терминов, – направленная на другого или других неутомимая деятельность человека, содействующая их благу и процветанию» [6, с.351].

Опираясь на классику, важно напомнить известную мысль Аристотеля о том, что благодеяние как важный момент нравственного поведения людей предполагает *бескорыстие*. В свою очередь, за этим стоит воля самого помогающего человека, обладающего чувством добра. В эпоху эллинизма своего рода социальное измерение проблемы затрагивал Сенека. Не случайно, что современное понимание добра исходит из того, что «его содержанием выступает все, что способствует утверждению человеческого в человеке, сохранению и развитию социального целого, руководствуется бескорыстными мотивами...» [6, с.350], что усиливает солидарность в коллективе и обществе.

Подобную линию, но с позиций абсолютного принципа долга представлял И. Кант. Синтезируя известное золотое правило нравственности и новейшее тогда положение о том, что человек сам по себе цель, немецкий философ серьезно укрепил теоретический фундамент применительно к феномену заботы. По существу, последняя мыслится как подтверждение принадлежности к роду человеческому в целом. Человек, будучи носителем чистого разума, должен помогать другим не потому, что кто-то извне к этому его призывает или, тем более, заставляет, а только лишь по причине внутреннего понимания значимости этого с точки зрения подтверждения собственной принадлежности

интеллектуальному миру и наличия чистого разума как основы нравственности как таковой.

Известное сострадание А. Шопенгауэра по отношению к конкретному другому, находящемуся в затруднительной ситуации, индивидуализирует проблему, что, думается, в целом существенно дополняет общую картину современного видения этики, не ограничивающуюся только общими универсальными требованиями и нормативизмом долженствования.

Классическая теоретическая основа этической экспертизы предполагает обращение и к наследию В.С. Соловьева, в чём-то примыкающему к русскому космизму. Он особенно выделял в человеке как человеке стыд, жалость (думается, она открывает прямую дорогу к заботе) и благоговение. При этом искомое совершенство личностного бытия может быть достигнуто, по В.С. Соловьеву, только целенаправленными усилиями в течение всей жизни.

Л.Н. Толстой в целом продолжал линию И. Канта. Об этом свидетельствуют выбранные им мысли последнего. Вот, к примеру, одна из них: «Всякое добро, которое не привито к нравственно-доброму образу мыслей, не что иное, как одна только видимость и прикрытая внешним блеском нищета» [5, с.86]. Но русский писатель и философ социального типа, глубоко проникая в материю и душу народной жизни своего времени, во многом идёт дальше немецкого философа. Он очень точно характеризует цивилизационную ситуацию, когда внешнего блеска удивительно много, но в большом дефиците подлинная нравственность. Привлекает его личная забота о решении социальных проблем: в 1874 г., занимаясь содержанием и организацией образования для крестьянских детей, он сознательно приостанавливает работу над «Анной Карениной»; в 1892– начале 1873 г. «главной ... работой для Толстого оставалась организация столовых и приютов для голодающих крестьян» [4, с.505,517.] и т.п. Подобные примеры следует рассматривать в качестве подтверждения абсолютной незаменимости в морали образцов личностной инициативы и конкретных поступков, которые можешь и должен

совершить только ты сам и, в том числе, в русле моральной необходимости продолжения устойчивой традиции взаимопомощи.

Определённый интерес в этом отношении представляет знаменитый труд П.А. Кропоткина «Взаимопомощь как фактор эволюции». Будучи предпосылкой и одним из факторов нравственности, взаимопомощь, в которой уже внутренне включён момент заботы, не является единственным её основанием и содержанием. Нельзя не учитывать развитие чувств справедливости, равновесного самосдерживания, достаточное развитие личности в целом. Отсюда понятен пафос такого высказывания: «Бороться, пренебрегать опасностью, бросаться в воду для спасения не только человека, но даже простой кошки, питаться черствым хлебом, чтобы положить конец возмущающей вас неправде, чувствовать себя заодно с теми, кто достоин любви, чувствовать себя любимым ими – все это, может быть, и жертва для какого-нибудь болезненного философа, вроде Спенсера; но для человека, полного энергии, силы, мощи, юности, это глубокое счастье сознавать, что ты живешь» [3, с.314]. Здесь просматривается ощущение и понимание заботы, которая может доходить и до самопожертвования, являющегося своего рода вершиной нравственного совершенства личности.

Никакой ИИ по определению не только не в состоянии достичь подобного уровня, но и попросту не может элементарно сострадать нуждающемуся в помощи. По этой причине специалисты, придумывающие подходящие слова и потом озвучивающие их для воспроизводящего устройства робота, должны предусмотреть возможность достаточно быстрого прихода на помощь машине, а, точнее, человеку, которому якобы помогает последняя. Ведь самая продвинутая нейросеть, как известно, просто перебирает некую известную информацию, выдавая в качестве ответа что-то похожее на прочитанное машиной ранее. Тонкие нюансы потребностей и переживаний живого человека могут ощутить и понять только внимательные и заботливые люди или, точнее, профессионалы, обладающие этими и подобными качествами. Соответственно, в план их подготовки не может не входить этика, особенно прикладной и

профессиональной её разделы. Не обойтись и без результатов нравственно-философской экспертизы, подготавливаемых специалистами в области этики с позиций классических запретов, основных моральных принципов. Не обойтись и без современного методологического инструментария [1, с.74-83].

Важно подчеркнуть значимость мировоззренческого синтеза, обязательно предполагающего единство науки и нравственности. Так, у В.И. Вернадского прогресс мыслится не только в русле развития науки, но и в единстве с нравственностью. Иначе сказать, ноосфера (разум, а не рации только) органично включает в себя нравственное измерение. Именно благодаря ему машины, включая ИИ, могут быть неплохими средствами в руках нравственно состоятельных, профессионально подготовленных, желающих и обязанных деятельно заботиться о тех, кто действительно нуждается в помощи.

В этой связи хочется обратить внимание на деятельность новой организации АМЕГРА (Ассоциация медико-гуманитарного развития) БРИКС, с которой мы, то есть кафедральный Этический экспертный клуб «Нравственное права», пытаемся сотрудничать. К примеру, Е.И. Аверкина полагает, что можно говорить о «*добрых* руках хирурга». Следовательно, пишет она, «существует традиция, предполагающая нераздельную целостность врача как профессионала и человека, то есть, согласно терминологии А. Мол, реальности пациента могут быть соединены в единое..., когда социокультурные феномены (ценности, нормы этики, принципы биоэтики), рождаются в индивидуальной практике взаимоотношений врача и пациента» [7, с.126]. В случае заботы в широком смысле речь может идти, с одной стороны, о практикующем её профессионале; с другой, – о самом объекте его внимания.

Разумеется, когда мы говорим о негативном применительно к последствиям не совсем продуманного использования ИИ и цифровизации в целом, то тем самым не перечеркиваем полезные стороны новых технологий. Напротив, последние надо развивать, совершенствовать и целенаправленно применять под достаточно строгим и даже жёстким контролем со стороны профессионалов и управленческих структур, но обязательно на основе

предварительной всесторонней и глубокой нравственно-философской экспертизы разного рода проблем, ситуаций, возможных последствий сомнительных решений и действий. Формальная видимость заботы о нуждающихся в помощи без реального учёта их потребностей, возможностей и ожиданий может приносить вред и должна преследоваться не только по моральному, но и юридическому закону в тех случаях, когда кто-то сознательно манипулирует людьми и ущемляет их права.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артемов В. М. Профессиональная этика фундаментального уровня и «новые этики» технологического типа: реальность и должные перспективы // Вопросы философии. 2024. № 6.
2. Гусейнов А. А. Философия – мысль и поступок: статьи, доклады, лекции, интервью. СПб.: СПбГУП, 2012. 848 с.
3. Кропоткин П. А. Этика: Избранные труды. М.: Политиздат, 1991. 496 с.
4. Лев Николаевич Толстой / Под ред. А. А. Гусейнова, Т. Г. Щедриной. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 574 с.
5. Мысли Иммануила Канта, выбранные Л. Н. Толстым. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2020. 320 с.
6. Профессиональная этика для юристов: учебное пособие для бакалавров / Отв. ред. В. М. Артемов, В. Н. Ксенофонтов. М.: Проспект, 2018. 276 с.
7. Философские проблемы биологии и медицины. Вып. 17. Архетипы жизни и здоровья. М.: ЛЕНАНД, 2024. 176 с.

НЕНАВЯЗЧИВОСТЬ ЗАБОТЫ КАК ВАЖНАЯ ЭТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Фролова С.М.,

доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии,
Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина,
г. Москва, e-mail: frolovasvetla777@yandex.ru

Аннотация: С заботой сталкивается каждый человек, приходящий в этот мир. Забота, с одной стороны – это необходимая составляющая для выживания человека, с другой – это желание быть рядом с тем, кто в этом нуждается. Чрезмерная забота не всегда приемлема и может вызвать даже негативные эмоции, поэтому даже во внимании необходим здоровый баланс. В трудной ситуации помощь бесценна, но, когда человек с этой ситуацией справился – необходимо соблюдать этические границы. Задача человека разумного – не переусердствовать, как в проявлении заботы, так и в равнодушии к тому, кто в ней нуждается. Забота предполагает *построение условий* для преодоления сложной ситуации, она должна помогать каждому в осознании своей неповторимости, оригинальности, значимости. Мы обязаны быть человечными «без подобий» (П. Флоренский), также как должны уважать мнение, желание, действие другого и не навязывать то, что он не приемлет, даже если это, на наш взгляд, кажется добродетельным по отношению к рядом живущим.

Ключевые слова: забота, этические границы, ненавязчивость заботы, человечность, доброта, эмпатия.

THE IMPORTANCE OF CARE AS AN ETHICAL COMPONENT OF MODERN SOCIETY

Frolova S.M.,

Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and
Sociology, Kutafin Moscow State Law University,

Abstract: Every person who comes into this world encounters care. On the one hand, care is a necessary component for human survival, and on the other hand, it is a desire to be close to someone who needs it. Excessive care is not always acceptable and can even cause negative emotions, so a healthy balance is necessary even in attention. In difficult situations, help is invaluable, but once a person has overcome the situation, ethical boundaries must be respected. The task of a reasonable person is not to overdo it, both in showing care and in being indifferent to those who need it. Care involves creating conditions for overcoming difficult situations, and it should help everyone to realize their uniqueness, originality, and significance. We must be human «without likeness» (P. Florensky), and we must respect the opinions, desires, and actions of others, and not impose what they do not want.

Keywords: care, ethical boundaries, unobtrusive care, humanity, kindness, empathy.

Забота относится к одному из важных инстинктов человека, заложенных природой. Каждый, приходя в жизнь, прежде всего, сталкивается с проявлением заботы о нем, которая проявляется в деятельности медиков, родителей, близких людей. Забота – это потребность, то есть то, без чего человеку не обойтись, и одновременно, способность создавать благо для человека посредством знаний, умений, действий; это желание быть рядом, когда *для другого это важно* и необходимо. Заботу нельзя рассматривать только как продукт общественного взаимодействия, это результат осмысления субъектом своего Я, «выхождение за пределы индивидуальной данности» [1, с. 44], отражающее экзистенциальные основания бытия.

Забота о другом позволяет определить способности и возможности того, кто заботится и о ком заботятся. Человек, при всем его стремлении продемонстрировать независимость и самостоятельность, не способен существовать вне «со-бытия» с другими. М. Хайдеггер, в работе «Бытие и время»

писал, что «со-бытие» раскрывается в повседневности и проявляется в коммуникации, в разделении переживаний. Но эмпатия – это не единство с другим, сопереживание не предполагает, как потерю ясности понимания собственной личности, так и *навязывание* чрезмерного внимания.

Понятно, что со-бытие с другими невозможно без усвоения их опыта, без передачи *своих* эмпирических знаний и умений, которыми человек стремится поделиться, исходя из самых благих намерений. Но, чрезмерная забота (даже если она исходит от человека, умудренного опытом), не всегда приемлема и может вызвать даже негативные эмоции, особенно если не учитывать мнение того, на кого направлено внимание.

В данном контексте уместна была бы формулировка «этика заботы», но мы отказались от этой трактовки, поскольку определение «этики заботы» было дано американским психологом К. Гиллиган, положившей начало построения феминистской этики, отрицающей (или критикующей) традиционные подходы к феномену этики, заложенные еще в античный период и актуальные по сей день. В работе исследовательницы «Иным голосом. Психологическая теория и развитие женщин» понятие «этика заботы» основывается на идее о том, что толкование моральных поступков должно базироваться на межличностных отношениях, а не на действиях, исходящих из установленных моральных убеждений.

Не разделяя вышеуказанную позицию, считаем необходимым уточнить, что *ненавязчивость заботы* понимается нами в тесном соотношении с такими установками как «не обидь», «не переусердствуй во внимании», «понимай ближнего, которому тяжело», «умей правильно понимать "нет" другого», «цени личное пространство окружающих». Считаем, что соблюдение поведенческих границ при оказании помощи соотносятся с этическими нормами, предполагающих понимание субъектом важности выполнения морально-нравственных принципов, установленных в обществе.

Соблюдение границ ненавязчивости крайне важно при воспитании детей. Забота чаще всего ассоциируется именно с опекой родителей о детях, но даже в

этом виде радения взрослых о своих чадах, необходимо соблюдение баланса. Д. Винникотт – педиатр и детский аналитик, приходит в результате своей научно-исследовательской деятельности к идее о том, что излишняя опека (забота) и безграничное удовлетворение желаний ребенка препятствуют формированию у него навыков в преодолении трудностей, способствуют снижению самооценки [2] и уверенности в себе.

Продолжение сказанному находим у Д.И. Писарева – известного литературного критика и публициста XIX века. Рассуждая о женских типах в романах русских писателей, в частности о Вере из повести «Фауст», русский публицист отмечает, что желание родителей передать свою опытность детям не идет последним на пользу, поскольку для того, чтобы сформировать опыт необходимо все радости и трудности испытать самому. Как бы родители не старались оградить своего ребенка от возможных неприятностей, обретение опыта нельзя заменить рассказом и чтением книг, также как невозможно утолить голод описанием или созерцанием блюд. Писарев отмечает, что «любить человека и не мешать ему в жизни, не отравлять его существования непрошенными заботами и навязчивым участием – это такой фокус, который немногим по силам» [5]. К сожалению, и в нашей современности мы нередко сталкиваемся с тем, как взрослые собирают школьный портфель своему отпрыску и, по-прежнему, считают правильным «позаботиться» о будущем своего ребенка, решая за него от того, каким видом спорта ему заняться, на каком музыкальном инструменте играть, до – в какой вуз поступать, и др.

Безусловно, вступив во взрослую жизнь, молодые люди наберутся опыта и научатся преодолевать трудности, но будет ли навязанная забота родителей, лишаящая детей на определенном этапе их развития свободы выбора, восприниматься с благодарностью? Не в этом ли скрывается одна из причин разобщенности, невнимания к постаревшим родителям? Может, вырвавшись из навязанной, чрезмерной опеки, взрослые дети таким образом выражают запоздалый протест? Чтобы безразличие к близким (и не только) проявлялось как можно реже, важно усвоить, что, заботясь о ком-либо, в том числе о собственных

детях, надо понимать, что даже во внимании необходим здоровый баланс: забота не должна перерасти в контроль, тогда отношения будут гармоничными, а общение приятным.

Особый подход к воспитанию, основанный на любви и заботе, на уважении чувств ребёнка, сформулировал русский философ П.А. Флоренский. В «Поучении к детям» о. Павел настаивал на том, что, забота о детях должна быть направлена на развитие человечности, религиозный философ полагал, что человечность – это «единственный лозунг, который может быть общим, общим всем людям, который дает правильное разумение нравственным заповедям...» [6, с. 123]. Флоренский, в завещании детям дает наставление, которое, на наш взгляд, можно считать фундаментом при построении основных принципов ненавязчивости заботы. «Русский Леонардо» пишет: «...Будьте всегда в жизни добры к людям и внимательны. Не надо раздавать, разбрасывать имущество, ласку, совет... Но старайтесь чутко прислушиваться и уметь вовремя прийти с действительной помощью к тем, кого вам Бог пошлет как нуждающихся в помощи...» [6, с. 442] Отец Павел четко уясняет, что забота должна быть выражена по отношению к тем, кто в этом *действительно нуждается*. Показное в намерении помочь не допустимо, иначе внимание рискует превратиться не в помощь другому, а в демонстрацию ложного альтруизма.

На наш взгляд, *не каждый* человек готов быть окруженным чрезмерным вниманием к себе. Если человек попал в сложную ситуацию, ему, конечно, обязательно надо помогать, но, когда он с этой ситуацией справился – здесь необходимо соблюдать этические границы в предложении помощи, чтобы избежать навязывания и недопонимания в отношениях, а также предупредить возможность формирования у субъекта, на которого направлено внимание, ощущения личной несостоятельности. Поэтому, если человек отвечает на проявление заботы сдержанностью, недовольством, неоднократным отказом, то следует эти знаки принять с пониманием и не навязывать благодетельность (в вашем понимании) помимо воли и желания субъекта.

Бытие осмысливается как выстраивание своего существования, прожить, не испытывая сложностей – невозможно. Задача человека разумного – не переусердствовать, как в проявлении заботы, так и в равнодушии к тому, кто в ней нуждается. Забота предполагает *построение условий* для преодоления сложной ситуации, она должна помогать каждому в осознании своей неповторимости, оригинальности, значимости. Кому-то надо помочь в формировании терпения, которое, согласно И.А. Ильину, не является «пассивной слабостью», а предполагает «напряженную активность духа» [3, с. 220] кого-то – просто выслушать, а кому-то нужна ежеминутная поддержка. Забота – есть путь «возвращения к нашей сущности» [4, с. 161], без которой человек не может быть человеком.

В заботе о другом мы заряжаемся позитивной энергией, получаем положительный духовный заряд, наполняем бытие смыслом и осмысленностью, поскольку забота о других дает возможность проявлению (или выявлению) положительного, доброго, светлого начала у самого себя. Но внимание должно быть искренним, забота необходимой, направленной на человека, а не для себя, не для ощущения собственной значимости.

Последнее – это эгоизм, иллюзорность заботы, а иллюзорное, согласно мысли П. Флоренского, «как бы блестяще и ярко оно ни было, никогда не может быть названо гениальным. Ибо суть гениального мировосприятия – проникновение в глубь вещей, а суть иллюзорного – в закрытии от себя реальности» [6, с. 439], отметим, в том числе – реальности существования мира другого, с которым важно и нужно считаться.

В одной из христианских притч сказано, что человек живет заботой о других, но (добавим от себя) одновременно, подспудно, нуждается в ней, что существенно отличает заботу от «построить» и «прожить» за других. Мы обязаны быть человеческими «без подобий» (П. Флоренский), также как должны уважать мнение, желание, действие другого и не навязывать то, что он не приемлет, даже если это, на наш взгляд, кажется добродетельным по отношению к рядом живущим.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бойко С. В., Михлин М. Я. Идея заботы – важный фактор формирования человеческой личности в процессе социального взаимодействия // Научная мысль. 2020. Т. 13, № 31 (37).
2. Винникотт Д. Игра и реальность. М.: Ин-т общегуманитар. исслед., 2002. 265 с.
3. Ильин И. А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний. М.: Издательство АСТ, 2024. 256 с.
4. Мэй Р. Любовь и воля / Пер. с англ. О. О. Чистяковой, А. П. Хомик. М.: «Рефл-бук»; К.: «Ваклер», 1997. 384 с. С. 161.
5. Писарев Д. И. Женские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litres.ru/book/dmitriy-pisarev/bazarov-172717/chitat-onlayn/?page=12/> (дата обращения 28.09.2025)
6. Флоренский П. А. Детям моим. Воспоминанья прошлых дней. Генеалогические исследования. Из соловецких писем. Завещание / Сост.: игумен Андроник (Трубачев), М. С. Трубачева, Т. В. Флоренская, П. В. Флоренский. Предисл. и комм. игумена Андроника (Трубачева). М.: Моск. рабочий, 1992. 560 с.

**К ВОПРОСУ ОБ ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЗНАЧИМОСТИ
ИДЕИ ГУМАНИЗМА
В СВЕТЕ ГУМАНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ВУЗЕ:
КУЛЬТУРНО-ФИЛОСОФСКИЙ ФОКУС ЭКСПЛИКАЦИИ**

Сухина И.Г.,

доктор философских наук, профессор кафедры философии и русской филологии, ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского», г. Донецк,
E-mail: suhina_igor@mail.ru

Аннотация: рассматривается и анализируется идея гуманизма в ее концептуальной культурологической экспликации как смысловое ядро гуманизма и гуманистического мировоззрения, и в качестве такового – как смысловая доминанта развития культуры. Идея гуманизма интерпретируется как идея культуры согласно с корреляцией: культура – гуманистична, гуманизм по своей идее – культурологичен, и удостоверяет собой верховенствующую цель культуры, являясь ее качественной мерой, мерилom и главным критерием. Объективацией идеи гуманизма рассматривается гуманность как человечность, представленная в ментальности и мышлении, поведении, коммуницировании и деятельности человека, насколько он личность. Отмечено, что гуманизм имеет личностный, персонифицирующий характер. Проводится идея, что культурно-исторический процесс развития человечества детерминирован универсальной гуманистической традицией, модификации которой соответствуют основным историческим эпохам культурного развития человечества. Показано, что эти модификации универсальной гуманистической традиции культурного развития человечества санкционируются идеей гуманизма в ее мировоззренческих версиях, представленных в культурных картинах мира. Образовательный процесс, особенно – вузовский, как важнейшая и неотъемлемая составляющая

культуры мыслится сферой практической гуманизации как образовательного развития человеческой личности, ее культурогенной субъектности.

Ключевые слова: человек, человеческая личность, человеческое бытие, гуманизм, идея гуманизма, гуманность, гуманистическая традиция, культура, культурогенный, культурно-исторический процесс, образовательный процесс.

**TO THE QUESTION OF THE GENERAL SIGNIFICANCE OF
THE IDEAS OF HUMANISM
IN LIGHT OF THE HUMANIZATION OF THE EDUCATIONAL PROCESS
AT THE UNIVERSITY:
CULTURAL AND PHILOSOPHICAL FOCUS OF EXPLICATION**

Sukhina I.G.,

PhD DSc in Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Russian Philology,
Federal state budgetary educational institution of higher education «Donetsk National
University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky»,
Donetsk, E-mail: suhina_igor@mail.ru

Abstract: the idea of humanism is considered and analyzed in its conceptual cultural explication as the semantic core of humanism and the humanistic worldview, and as such as the semantic dominant of the development of culture. The idea of humanism is interpreted as the idea of culture in accordance with correlation: culture is humanistic, humanism in its idea is culturological, and certifies the supreme goal of culture, being its qualitative measure, measure and main criterion. Objectification of the idea of humanism considers humanity as humanity, represented in mentality and thinking, behavior, communication and human activity, as far as he is a person. It is noted that humanism has a personal, personifying character. The idea is that the cultural and historical process of the development of mankind is determined by a universal humanistic tradition, the modifications of which correspond to the main historical epochs of the cultural development of mankind. It is shown that these modifications of the universal humanistic tradition of the cultural development of mankind are sanctioned by the idea of humanism in its worldview versions presented in the cultural paintings of the world. The educational process, especially the university one, as the most important and integral component of culture is conceived as the sphere of

practical humanization as a process of educational development of the human person, its cultural subjectivity.

Keywords: man, human personality, human being, humanism, the idea of humanism, humanity, humanistic tradition, culture, cultural, cultural and historical process, educational process.

Гуманизм – универсальное явление культуры. «Гуманизм имманентен культуре. Культура как историческая система мотиваций, способов и результатов развития сущностных сил человека – изначально гуманистична, что выражает ее человекотворческое назначение» [6, с. 353]. Культура, с присущей ей системой образования, образовательным процессом как системно организованным процессом передачи и получения информации и знаний, умений и навыков, гуманистична по своей сути. Благодаря образовательному процессу в ней обеспечивается передача социокультурного опыта, делающая возможной преемственность исторического развития культуры и социума.

Вместе с тем гуманизированный образ и идея человека, на который ориентируется та или иная культура, варьируется. Содержание идеи гуманизма изменчиво, но сама эта идея – универсальна, концептуальна, общезначима.

Термин гуманизм (лат. homo – человек, humanus – человеческий, humanitas – человечность) впервые употребил древнеримский философ Марк Т. Цицерон.

По своей идее термин гуманизм является выражением гуманности, ее фиксацией в качестве нормы, тогда как гуманность – это сама человечность. В современных словарях лексема гуманность трактуется как: человечность, человеколюбие, признание человеческого достоинства. «Гуманный» означает человеческий, человеческий, свойственный человеку культурному, милосердный.

Немецкий философ-просветитель XVIII века Иоганн Гердер в работе «Идеи к философии истории человечества» утверждал, что «цель нашего земного существования заключается в воспитании гуманности, а все низшие жизненные потребности только служат ей и должны вести к ней» [1, с. 131]. В этой манифестальной работе Гердер рассматривал гуманизм как смысловую

доминанту развития культуры, ее универсальную форму. Он считал, что «процесс выработки гуманности осуществляется всеми людьми и всеми формами культуры как их самовоспитание, и что зародыши гуманности в виде чувства человеческой солидарности, стремления к общению и к взаимопомощи, к совершенствованию отношений между людьми глубоко укоренены в потребностях и в способностях каждого человека во все времена» [7, с. 55].

В общем, под гуманностью (*humanus*) согласно И. Гердеру понимаются те, свойственные природе человека общечеловеческие начала, которые отличают человечество в целом, и каждого человека от животного мира, возвышают человека над миром в таком очеловечивании мира и самого человека, в котором оптимально, и в полной мере воплощаются человеческие достоинства. К ним следует отнести сознание и разум, мораль, творческую способность, коммуницирование посредством языков, и др. Эти, имеющие культурогенный характер общечеловеческие начала удостоверяются культурой. И потому актуализация гуманизма является магистральной тенденцией конгруэнтного развития человечества развития культуры, общей его закономерностью.

При этом интеграция культурного человечества на путях гуманистически ориентированного культурно-исторического процесса своеобразия культур и социальных общностей не элиминирует, раскрывая в этом особенности своего охватывающего человеческую историю, как историю культуры, вершения. Российский философ В.М. Межуев указывал на то, что «культура охватывает собой все, что создано, развито человеком, причем главным таким созданием является сам человек... Границы культуры – вся человеческая история от ее начала и до ее возможного или предполагаемого конца» [4, с. 55].

Итальянский философ – гуманист эпохи Возрождения Джованни Пико делла Мирандола, в работе «Речь о достоинстве человека» [5] полагал, что человеческое достоинство заключается в свободе воли, позволяющей человеку формировать себя и самоопределяться в мире. К человеческим достоинствам П. дела Мирандола относил: разум, справедливость, милосердие, способность к творчеству, вследствие которой человек занимает особое место в мироздании.

Гуманизация человечества в ходе культурно-исторического процесса как реализация идеи гуманизма образует общую направленность культурного прогресса. И. Гердер утверждал, что «человечество движется к возрастанию гуманности в общекультурном прогрессе, и единая цепь культуры соединяет культуры всех времен и народов. Общий закон природы – «превращение хаоса в миропорядок» – царит также и в истории, и осуществляется он культурой» [7, с. 57]. В этом культурогенном «превращении» человеческой истории гуманизм выступает реализующей его логику формообразующим началом культуры, универсальной формой ее развития. Культура фундирована идеей гуманизма.

Удостоверяющая цель культурно-исторического развития человечества идея гуманизма означает максимальную актуализацию личностного начала человека в его культурогенной субъектности, сообразуемой со спецификой человеческой индивидуальности, и достижении универсально общей гармонии культурного единства человечества на этой гуманистической, по сути, основе. Исходя из этого, гуманность есть норма для каждого человеческого индивида и содержание реализующего его предназначение подлинно человеческого развития, которое включается в мировой культурно-исторический процесс. Идея гуманизма имеет обращенный к личности, персонифицирующий характер.

Как универсальная форма развития культуры, гуманизм выступает универсальной культурной традицией, фундирующей культурно-исторический процесс развития человечества на филогенетическом и онтогенетическом его уровнях. Современный российский философ Ф.В. Лазарев указывает на то, что «гуманизм – одно из древнейших духовных явлений человеческой культуры» [3, с. 21]. Гуманистическая традиция, по утверждению Лазарева, зарождается еще в родовом обществе, в рабовладельческих цивилизациях углубляет свое содержание в отношении свободных граждан, в средние века обретает связь с великими этическими учениями мировых религий, в Новое время проявляется в культе индивидуализма и либерализме, в современных условиях – в философии нового гуманизма, обращенной ко всему богатству духовных ценностей, накопленных в истории человечества [3, с. 21-22]. Эта традиция представлена во

всех состоятельных культурах мирового культурно-исторического процесса.

В форме этой универсальной гуманистической традиции осуществляется преемственное, и прогрессирующее развитие определенных культур в общей направленности культурно-исторического процесса развития человечества. Идея гуманизма является универсальной смысловой основой диалога культур.

Идея гуманизма универсальна, имеет общечеловеческое значение, и как таковая воплощается в магистральной культурной традиции, проходящей через всю культурную историю человечества. В культурах вырабатываются определенные версии, варианты, проекты этой идеи, в которых раскрывается ее содержание и моделируется антропологическая структура культуры, т.е. целостный комплекс культуросгенных сущностных сил природы человека, культивируемых на определенных этапах исторического развития культуры, которая выстраивается в соответствии с развитием сущностных сил человека.

Идея гуманизма является смысловой доминантой человеческой истории как культурно-исторического процесса, потому ее основательное осмысление, которое задействуется в актуализирующее ее развитие, необходимо значимо, и является задачей не только философов, но всего мыслящего человечества.

Концептуальное осмысление идеи гуманизма предполагает анализ базовых смысловых значений, входящих в семантику этого понятия, а именно:

- этимологический смысл термина гуманизм (*humanitas*) означает человека и его сущностные силы как «человеческое» – особую инстанцию мироздания, которая требует своего культивирующего развития; Марк Т. Цицерон понимал под гуманизмом высшее культурное развитие человеческих способностей;
- в обыденном смысле гуманизм означает человечность, человеколюбие, сострадание, милосердие, т.е. то, что, как правило, именуют гуманностью;
- в теоретическом смысле гуманизм означает учение о человеке с позиции потенциальных возможностей его сущностных сил, перспектив их развития;
- в собственно философском смысле гуманизм – это концепция человеческого бытия, постулирующая безусловную ценность человека и его существования, права и свободы каждого человеческого индивида, достоинство личности, и

указывающая на возможности развития человека как индивида и рода;
- в мировоззренческом смысле гуманизм означает филантропическое воззрение, основывающееся на вере в человека, его разум, моральность, безграничный творческий потенциал его сущностных сил; гуманизм – это вера в человека.

Эти базовые смысловые значения понятия гуманизма сублимируются в идее гуманизма, ее философско-мировоззренческой семантике. Как таковая, идея гуманизма означает признание человека как культурного существа – Homo Cultures (лат.) высшей инстанцией мира, его средоточием, высшей ценностью.

С идеей гуманизма связана обосновывающая его концептуальная экспликация. В гуманистической картине мироздания мир представляется с позиции человека, и человек предстает в нем системообразующим началом. Будучи персоналистическим воззрением, акцентирующим личностное начало человека, гуманизм представляет личность средоточием мироустройства.

Признание гуманистическим мировоззрением человека средоточием мира означает признание человека, его личности высшей ценностью, соответственно – признание нормативно ценным жизни человека, его прав и свобод. Так, Всеобщая декларация прав человека, принятая 10 декабря 1948 г. Генеральной Ассамблеей ООН, имеет гуманистическое происхождение, воплощает собой идею гуманизма, как идею высшей ценности человека, человеческого существа.

Гуманизм ориентирован на ценности человека и человеческого бытия как бытия в культуре. В своей философско-мировоззренческой экспликации идея гуманизма аксиологична (от греч. *axia* – ценность), т.е. обращена к ценностям, полагая человека высшей ценностью мироздания. Гуманистическая аксиология полагает человечность мерилom ценностей, и руководствуется принципом и шкалой: «человечность – бесчеловечность». Все, что соответствует гуманности, воплощает ее, становится положительной ценностью. Все, что бесчеловечно, предстает антиценностью. Все, что противоречиво и состоит из «смешения» гуманистически положительного и отрицательного есть псевдо - ценность. В итоге образуются три области смысловых значений: 1) область положительных ценностей; 2) область антиценностей; 3) область псевдо- или квази- ценностей.

Эта гуманистически обосновываемая система ценностей, выступающая системой ориентации человека, формируется и культивируется в обществе культурой, осуществляющей селекцию ценностей с позиции гуманизма. Тем самым культура выполняет функцию гуманизации человеческого бытия.

В своем акцентированном аксиологическом выражении идея гуманизма обретает деонтологический (греч. *deontos* – должное) характер, презентуя человека, его личностные качества с позиции долженствования, раскрывая в этом смысловом горизонте ценностные эталоны и приоритеты человеческих стремлений. Именно к деонтологической сфере морального долженствования личности обращен категорический императив (этики долга) Иммануила Канта.

Идея гуманизма эгалитарна. В своей персонифицированной адресации каждому человеку она раскрывает гуманизм, его философски ориентированное учение с рефлексивной позиции самосознания, и соответственно самопознания.

Посредством рефлексивного осмысления гуманности человек осознает и удостоверяет себя как человек, как личность. Гуманность – это и есть то, что является «человеческим в человеке», и осмысливающее ее рефлексивное осознание присуще человеческому мышлению как таковому. Как рефлексивное осознание человеком себя с позиции гуманности, т.е. как *Ното Cultures*, гуманизм присущ человеческому бытию, и существует вместе с ним.

В своих высших рефлексивных проявлениях идея гуманизма обретает смысложизненный характер, и становится обоснованием человеческого бытия.

Формирование гуманизма как философского учения о человеке в его мировоззренческом выражении, что произошло в европейской культуре эпохи Возрождения, и особенно – Просвещения, стало закономерным выражением присущего человеку гуманистически ориентированного мышления, его рефлексии. Культура в своем историческом развитии потенцирована идеей гуманизма как мотивационной основой культурогенной субъектности человека.

Развитие культуры соотнобразуется с развитием идеи гуманизма, которая постулирует ценность человека в корреляции с его местом в картине мира.

На традиционном этапе культурно-исторического процесса, на стадиях

первобытной, древневосточной, античной культуры, идея гуманизма в своем становлении отмечала имманентность человека природно-космическому миропорядку, но с установкой на эмансипацию человеческого начала в нем.

В теистической версии идеи гуманизма, связанной с христианской культурой Европы Средних веков, утверждалось Богоподобие человека, трансцендентность его личности и духовности естественному миру природы.

Переход к инновационному этапу культурно-исторического процесса, обозначившийся в Европе, в эпоху Возрождения, был связан с формированием антропоцентристского – классического варианта идеи гуманизма. Акцентируя центральное место человека в мире, его главенство в нем, антропоцентристская картина мира представляет человеческое бытие целью мирового процесса.

Антропоцентристский гуманизм, будучи наиболее концентрированным и последовательным выражением идеи гуманизма, утверждает безусловную приоритетность человеческого начала в мире, его культурогенный демиургизм, который стал реализовываться новоевропейской инновационной культурой.

На пути инновационного развития культуры имели место выдающиеся социокультурные достижения, осуществленные на основе современной науки и техники, – НТП как движущей силы модернизации и глобализации культуры и общества, социокультурного развития цивилизованного человечества, которые сформировали современную эпоху культурно-исторического процесса. Вместе с тем в антропоцентристском гуманизме позиционирование человека в мире сопровождалось редукцией значимости мира как объекта неограниченного преобразующего воздействия человека, объекта эксплуатационного господства.

Поэтому оборотной стороной антропоцентризма как мировоззренческой доминанты инновационного этапа культурно-исторического процесса стали глобальные проблемы современности, и особенно – экологическая проблема.

Современная эпоха культурно-исторического процесса на этапе НТП/НТР глобализации и глобальных проблем предполагает новое концептуальное обращение к идее гуманизма, поскольку потенциал развития науки, техники, экономики как социокультурных феноменов, потенциал развития культуры и

общества в целом содержится, прежде всего, в человеке, его мироотношении.

В эпоху развертывания глобализации, во 2-й половине XX века, на основе синтеза философских доктрин и теоретических положений науки происходит становление антропокосмистского варианта идеи гуманизма, представляющего человечество с позиции его гармонического единства с космосом, и с позиции космического предназначения и масштаба его совокупной субъектности.

Идея гуманизма сопровождает культурно-исторический процесс развития человечества, и в своих модификациях представлена в его поступательном ходе. В ней формируется и моделируется концептуальное понимание человека как Homo Cultures. Она представляет собой культурное самосознание человека – личности. Идея культуры выражает, сигнифицирует собой идею гуманизма.

Идея гуманизма имеет общечеловеческую значимость. Наряду с идеей Бога она есть наиболее значительная идея, которая была выработана в истории человечества, и эти идеи не противоречат, а взаимно дополняют друг друга. И как таковая идея гуманизма должна быть стратегической целью, – стратегемой системы образования как важнейшей составляющей (духовной) культуры. Она должна быть мировоззренческой парадигмой системы образования, поскольку образовательное развитие человеческой личности – его смысловой приоритет.

Реализация идеи гуманизма в образовании предполагает гуманизацию системы образования как распространение гуманистического мировоззрения на содержание, формы и методы образовательного процесса, что неотъемлемо от концептуального осмысления идеи гуманизма. Исходя из того, что «система образования должна быть ориентирована на человека как высшую ценность бытия» [2, с. 54] российский философ Н.А. Калинина утверждает, что «гуманизация образования означает создание такой образовательной системы, которая отвечает гуманистическим ценностям и идеалам (прежде всего личной свободе, социальной справедливости, человеческому достоинству). ...Должна измениться парадигма образования, в которой гуманизация образования способна дать обучаемому знания об обществе, культуре, человеке, способствуя между тем всестороннему развитию личности» [2, с. 54].

Гуманизация образования предстает и в качестве философской доктрины, обосновывающей целенаправленное развитие человеческой личности и ее благо как высшую цель, ценность и стратегию образовательной деятельности.

Образовательный процесс – это и есть та сфера культуры, в которой идея гуманизма должна обрести концептуальную основательность и действенность. Это особенно касается вузовской системы образования всех ее уровней. Очевидно, что образовательный процесс включает в себя не только передачу знаний, но и универсальных элементов культуры, например – ценностей, идеалов, символов, эталонных образцов человеческой деятельности, и др.

Гуманизация образовательного процесса в вузе как осуществляемое согласно с целями, задачами и стандартами высшего образования развитие человеческой личности предполагает как свое достаточное теоретическое основание концептуально обоснованную идею гуманизма, соответствующую социокультурной современности, а также перспективам ее будущего развития.

Выводы. Идея гуманизма удостоверяет то, во имя чего осуществляется образовательный процесс. Вследствие ее должной реализации образовательный процесс, особенно в вузе, предстает подлинным явлением культуры. Идея гуманизма – это есть, по сути, идея культуры, культурного предназначения человека, которая имеет человекотворческий характер, на актуализацию и реализацию которого должен быть целенаправлен образовательный процесс.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества / И.Г. Гердер ; пер. с нем. М.: Наука, 1977. 703 с.
2. Калинина Н.А. Гуманизация образования: философский аспект // Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 4. С. 53-61.
3. Лазарев Ф.В. Вселенная культуры: стратегемы и ценности / Ф.В. Лазарев, Литтл А. Брюс. Симферополь: СОНАТ, 2005. 192 с.
4. Межуев В.М. Идея культуры. Очерки по философии культуры. М.: Прогресс-Традиция, 2006. 408 с.

5. Пико делла Мирандола Дж. Речь о достоинстве человека // Эстетика Ренессанса: антология: в 2-х т. Т. 1 / Дж. Пико делла Мирандола. М.: Искусство, 1981. С. 248-265.
6. Сухина И.Г. Ценности и человеческое бытие в хронотопе культуры: . Донецк: ДонНУЭТ, 2016. 444 с.
7. Философия культуры. Становление и развитие. СПб.: Издательство «Лань», 1998. 448 с.

ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕГРАЦИИ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СИСТЕМУ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: PRO ET CONTRA

Тихонова С.В.,

кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных наук, Институт технологий управления МИРЭА - Московский технологический университет, г.Москва, e-mail: svetlanavt@list.ru

Аннотация: Рассмотрены перспективы и риски внедрения технологий искусственного интеллекта в систему высшего образования Российской Федерации. Анализируются преимущества использования ИИ-инструментов для персонализации обучения, повышения качества образовательных процессов. Исследуется потенциал применения интеллектуальных систем для адаптивного тестирования, прогнозирования успеваемости студентов и оптимизации формирования образовательных траекторий. Особое внимание уделяется проблемам этического характера, вопросам академической честности, защиты персональных данных и необходимости сохранения человекоцентричного подхода в образовании. Рассматриваются вызовы, связанные с цифровым неравенством и готовностью преподавательского состава к работе с новыми технологиями. На основе анализа отечественной научной литературы выявлены ключевые направления интеграции ИИ в вузах РФ и сформулированы практические рекомендации по минимизации рисков цифровой трансформации высшей школы.

Ключевые слова: искусственный интеллект, высшее образование, цифровизация, персонализация обучения, образовательные технологии.

**OPPORTUNITIES FOR INTEGRATING ARTIFICIAL
INTELLIGENCE TECHNOLOGIES INTO THE HIGHER EDUCATION
SYSTEM IN THE RUSSIAN FEDERATION: PRO ET CONTRA**

Tikhonova S.V.,

PhD in Philosophy, Associate Professor at the Department of Humanities and Social Sciences, Institute of Management Technologies, MIREA - Russian Technological University, e-mail: svetlanavt@list.ru

Abstract: The prospects and risks of implementing artificial intelligence technologies in the higher education system of the Russian Federation are examined. The advantages of using AI tools for personalizing learning and improving the quality of educational processes are analyzed. The potential of applying intelligent systems for adaptive testing, predicting student performance, and optimizing the formation of educational trajectories is explored. Special attention is paid to ethical issues, questions of academic integrity, personal data protection, and the need to maintain a human-centered approach in education. Challenges related to digital inequality and the readiness of teaching staff to work with new technologies are considered. Based on the analysis of domestic scientific literature, key areas of AI integration in Russian universities are identified, and practical recommendations for minimizing the risks of digital transformation in higher education are formulated.

Keywords: artificial intelligence, higher education, digitalization, personalized education, educational technologies.

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта открывает новые горизонты для трансформации системы высшего образования. В условиях цифровизации российской экономики и реализации национального проекта «Образование» вопрос интеграции ИИ-решений в образовательный процесс вузов приобретает особую актуальность [1, с. 45]. Согласно исследованиям Высшей школы экономики, к 2024 году более 60% российских университетов планируют внедрить элементы искусственного интеллекта в учебный процесс [2, с. 112]. При этом остаются нерешенными вопросы методологического, технического и этического характера, требующие комплексного научного осмысления.

Искусственный интеллект в образовательном контексте представляет собой совокупность технологий, способных имитировать когнитивные функции человека для решения педагогических задач [3, с. 78]. К основным направлениям применения ИИ в вузах относятся адаптивные обучающие системы, интеллектуальные тьюторские системы, автоматизированная проверка заданий, предиктивная аналитика успеваемости и чат-боты для поддержки студентов. Как отмечает В.И. Блинов, внедрение ИИ в образование следует рассматривать не как замену преподавателя, а как инструмент усиления его педагогических возможностей [4, с. 267]. Данный подход соответствует концепции «дополненного интеллекта», при которой технологии расширяют человеческие способности, а не заменяют их.

Одним из ключевых преимуществ применения ИИ является возможность создания индивидуальных образовательных маршрутов. Исследования Томского государственного университета показывают, что использование адаптивных платформ повышает успеваемость студентов на 23-27% [5, с. 156]. Системы машинного обучения анализируют паттерны поведения обучающихся, выявляют пробелы в знаниях и предлагают персонализированный контент. Это особенно актуально для российских вузов с их высокой наполняемостью групп, где преподаватель физически не может уделить достаточно внимания каждому студенту.

Внедрение ИИ позволяет автоматизировать проверку типовых заданий, тестов и контрольных работ, освобождая время преподавателей для творческой и методической работы. По данным исследования МГТУ им. Н.Э. Баумана, автоматизация проверки заданий сокращает временные затраты преподавателей на 40-45% [6, с. 201]. Кроме того, ИИ-системы успешно справляются с административными задачами: составлением расписания, распределением аудиторий, формированием отчетности. Это повышает эффективность управления образовательным процессом и снижает вероятность человеческих ошибок.

Технологии искусственного интеллекта расширяют возможности инклюзивного образования. Системы распознавания речи, автоматического перевода и генерации субтитров делают образовательный контент доступным для студентов с ограниченными возможностями здоровья [7, с. 145]. Виртуальные ассистенты на базе ИИ обеспечивают круглосуточную поддержку студентов, отвечая на типовые вопросы и помогая в навигации по образовательным ресурсам. Это особенно важно для региональных вузов и студентов заочной формы обучения. Системы искусственного интеллекта также обеспечивают беспристрастную оценку знаний студентов, исключая субъективный фактор. Исследования Санкт-Петербургского государственного университета демонстрируют, что применение ИИ для оценивания снижает разброс оценок на 15-20% при сохранении их валидности [8, с. 178].

Однако широкое распространение генеративных ИИ-моделей создает серьезные вызовы для системы оценивания. Студенты получают возможность генерировать эссе, рефераты и даже курсовые работы без самостоятельной интеллектуальной деятельности. По данным исследования МГУ имени М.В. Ломоносова, в 2023 году до 35% письменных работ студентов содержали фрагменты, сгенерированные ИИ [9, с. 134]. Это ставит под вопрос достоверность оценки реальных знаний и компетенций обучающихся.

Чрезмерная зависимость от ИИ-инструментов может привести к атрофии навыков самостоятельного мышления и анализа. Как отмечает А.В. Морозов, «делегирование интеллектуальных функций машине снижает мотивацию к развитию собственных когнитивных способностей» [10, с. 234]. Студенты, привыкшие получать готовые ответы от ИИ, теряют способность к глубокому осмыслению материала и формированию собственной позиции. Это противоречит фундаментальным целям высшего образования – формированию критически мыслящей личности.

Внедрение ИИ-технологий требует значительных финансовых вложений в инфраструктуру, что создает разрыв между ведущими и региональными вузами. По данным Министерства науки и высшего образования РФ, только 30%

российских университетов обладают достаточной технической базой для полноценной интеграции ИИ [11, с. 156]. Это усугубляет проблему неравенства в доступе к качественному образованию и может привести к дальнейшей стратификации образовательного пространства.

Использование ИИ в образовании поднимает вопросы конфиденциальности и защиты персональных данных студентов. Системы машинного обучения собирают и анализируют огромные массивы информации о поведении, предпочтениях и успеваемости обучающихся [12, с. 189]. Отсутствие четкого правового регулирования в этой сфере создает риски несанкционированного использования данных и нарушения прав студентов. Кроме того, алгоритмы ИИ могут содержать скрытые предубеждения, приводящие к дискриминации отдельных групп обучающихся.

Оптимальным решением представляется развитие гибридной модели, сочетающей преимущества традиционного образования и возможности ИИ-технологий. Необходимо четко определить области, где применение ИИ наиболее эффективно (автоматизация рутинных задач, аналитика данных), и сферы, требующие исключительно человеческого участия (формирование ценностей, развитие творческих способностей). Успешная интеграция ИИ невозможна без соответствующей подготовки педагогических кадров. Исследования показывают, что только 25% преподавателей российских вузов обладают достаточными компетенциями для работы с ИИ-инструментами [13, с. 223]. Необходима разработка программ повышения квалификации, направленных на формирование у преподавателей навыков работы с интеллектуальными системами и понимания их педагогического потенциала.

Требуется разработка четких этических принципов и нормативных документов, регулирующих применение ИИ в образовании. Это включает правила использования генеративных моделей в учебных работах, стандарты защиты персональных данных, механизмы контроля за объективностью алгоритмов и процедуры апелляции решений, принятых ИИ-системами [14, с. 268]. Для преодоления цифрового неравенства необходимы целевые

государственные программы по модернизации технической базы региональных вузов. По оценкам экспертов, для базового внедрения ИИ-технологий в российских университетах требуются инвестиции в размере 150-200 млрд рублей в течение 5 лет [15, с. 343].

Интеграция искусственного интеллекта в систему высшего образования РФ представляет собой неизбежный процесс, обусловленный глобальными тенденциями цифровизации. Анализ отечественной научной литературы показывает, что потенциальные преимущества применения ИИ – персонализация обучения, автоматизация процессов, повышение доступности образования – могут существенно повысить качество и эффективность образовательного процесса. Однако реализация этого потенциала требует решения комплекса проблем: от технических и финансовых до этических и методологических. Критически важно сохранить баланс между технологическими инновациями и фундаментальными ценностями высшего образования – развитием критического мышления, формированием личности, передачей культурного опыта.

Успех интеграции ИИ в российские вузы будет зависеть от способности образовательного сообщества выработать взвешенный подход, учитывающий как возможности, так и риски новых технологий. Необходима координация усилий государства, университетов, IT-компаний и педагогического сообщества для создания экосистемы, в которой искусственный интеллект станет инструментом усиления, а не замены человеческого интеллекта в образовании. Дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку конкретных методик применения ИИ в различных предметных областях, создание систем оценки эффективности ИИ-инструментов и формирование best practices (успешной практики) для российской высшей школы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова М. А., Либерска Х. Цифровизация образования в условиях цифрового неравенства // Профессиональное образование в современном мире. 2020. Т. 10. № 4. С. 45–56.
2. Аналитический доклад «Искусственный интеллект в образовании: изменение темпов обучения» / Под ред. А. Ю. Уварова. М.: НИУ ВШЭ, 2023. 280 с.
3. Андреев А. А. Искусственный интеллект в образовании: проблемы и перспективы // Высшее образование в России. 2021. Т. 30. № 8–9. С. 78–89.
4. Блинов В. И., Сергеев И. С. Цифровая дидактика профессионального образования: преодоление дефицитов или создание избыточности? // Образование и наука. 2021. Т. 23. № 5. С. 267–289.
5. Днепровская Н. В. Оценка готовности российского высшего образования к цифровой экономике // Статистика и экономика. 2020. Т. 17. № 4. С. 156–167.
6. Гриншкун В. В. Проблемы и пути эффективного использования технологий искусственного интеллекта в образовании // Вестник РУДН. Серия: Информатизация образования. 2022. Т. 19. № 3. С. 201–213.
7. Дубровская Ю. А., Пестова А. А. Искусственный интеллект в образовании: возможности и угрозы // Университетское управление: практика и анализ. 2023. Т. 27. № 2. С. 145–156.
8. Каракозов С. Д., Уваров А. Ю. Успешная информатизация – трансформация учебного процесса в цифровой образовательной среде // Проблемы современного образования. 2019. № 2. С. 178–189.
9. Кондаков А. М. Цифровое образование: от школы для всех к школе для каждого // Вестник образования. 2019. № 13. С. 134–145.
10. Морозов А. В. Креативность преподавателя высшей школы в условиях цифровизации образования // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. 2020. № 3. С. 234–245.
11. Носкова Т. Н., Павлова Т. Б. Цифровая образовательная среда: ожидания студентов и оценки экспертов // Человек и образование. 2023. № 1. С. 156–167.
12. Роберт И. В. Развитие понятийного аппарата педагогики: цифровые информационные технологии образования // Педагогическая информатика. – 2019. № 1. С. 178–195.
13. Стрекалова Н. Б. Риски внедрения цифровых технологий в образование // Вестник Самарского университета. 2020. Т. 26. № 2. С. 223–235.

14. Уваров А. Ю. Образование в мире цифровых технологий: на пути к цифровой трансформации. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2021. 268 с.
15. Трудности и перспективы цифровой трансформации образования / Под ред. А. Ю. Уварова, И. Д. Фрумина. М.: Изд. дом ВШЭ, 2019. 343 с.

НЕОБХОДИМОСТЬ ФИЛОСОФСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Дмитриева И.А.,

кандидат философских наук, доцент кафедры политологии и политической философии, Дипломатическая академия МИД России, г. Москва,
e-mail: anonsens@mail.ru

Аннотация: Статья критикует распространенное у исследователей мнение, что эффективность новых технологий измеряется только их комфортом и могуществом. Каждая технология имеет место своего происхождения и вызвана к жизни целями и проблемами того общества, где эта технология исторически была изобретена и применена. При переносе технологий в другое общество вместе с ними транслируются и социокультурные установки создателей, которые вполне могут быть несовместимыми и разрушительными для иного общества. По мнению автора, оценкой социокультурных последствий применения новых технологий и должна заниматься философская экспертиза.

Ключевые слова: философия, общество, технологии, безопасность, экспертиза, культура.

THE NEED FOR PHILOSOPHICAL EXPERTISE OF NEW TECHNOLOGIES

Dmitrieva I.A.,

PhD (Philosophy), Associate professor, Department of Political science and Political philosophy, The Diplomatic Academy of the [Russian Foreign Ministry](#), Moscow, e-mail: anonsens@mail.ru

Abstract: The article criticizes a view popular among researchers that the effectiveness of new technologies is measured solely by comfort and power. All technology has an origin and is created to address the specific goals and challenges of

the society where it was invented. The transfer of technology into a different society also imports the socio-cultural norms of its creators, which can be destructive and incompatible with the adopting society. The author believes that philosophical expertise should be responsible for evaluating the socio-cultural consequences of implementing new technologies.

Keywords: Philosophy, society, technologies, safety, expertise, culture

Развитие общества во все времена осуществляется в том числе и благодаря развитию различных технологий. Так было и в древности, такое положение остается и сегодня. Но эти новые технологии никогда не были и не могли стать основанием такого или иного общества. Они всегда были и остаются инструментом, который создает возможности для его развития и никогда не становятся самоцелью общества. Поэтому, когда мы говорим об экспертизе новых технологий, экспертизе нравственно-философской, то мы, в первую очередь, должны задавать вопросы о самом обществе и его основаниях, а уже вторым шагом спросить о цели, возможностях и границах применимости этого нового инструмента. Потому направленность и возможности самому обществу задает, или по крайней мере, должно задавать, само общество, которое стоит на собственных основаниях. В противном случае общество становится под угрозой разрушения или подчинения чужим, чуждым основаниям.

Такого рода угрожающее подчинение вполне возможно, поскольку любое интеллектуальный или технологический инструмент создается всегда на основании тех или иных социокультурных установок. А это означает, что самим своим наличием он продвигает и развивает собственные установки и, соответственно, подчиняет им вольно или не вольно культурную и общественную жизнь. Поэтому, когда мы говорим о нравственно- философской экспертизе новых технологий, то стоит обратить внимание прежде всего на два момента. В-первых, мы должны смотреть на новые технологии с точки зрения оснований именно нашего общества, т.е. со стороны наших приоритетов и целеполаганий. И, во-вторых, конечно же, необходимо учитывать, как повлияет

та или иная технология на наши общественные и культурны основания. Рассматривая ситуацию с новыми технологии под таким углом, мы учитываем и минимизируем вред и опасность их применения против оснований, на которых строится наше общество.

Любая новая технология не является универсальной. Она имеет место своего происхождения и исходит из целей того сообщества, где эта технология была создана. Соответственно, она уже фактом своего наличия и применения будет продвигать определенную установку социокультурного развития. И это уже становится вопросом национальной безопасности.

В основании экспертизы новых технологий должна присутствовать целость взгляда, о которой говорил еще В. И. Вернадский, в начале 20 века, в работе «О научном мировоззрении» [1]. И эта целостность взгляда обеспечивается единством религиозного, философского и научного мировоззрения. Прогресс как таковой не может быть самостоятельной целью. Цель всегда содержательна. Это не комфорт или могущество вообще. Это конкретное понимание комфорта и могущества в определенном обществе. Применение технологий не может быть оправдано одной ситуативной прагматикой или мнением «прогрессивной общественности»

Вопрос об экспертизе новых технологий – это вопрос об оценке, но оценке чего: перспективы развития самих технологий, перспективы развития человечества или конкретного общества, а котором технологии могут рассматриваться как эффективные или неэффективные средства этого развития. Также это может быть оценка потенциала страны и возможности ее влиять через и посредством новых технологий на другие страны и т.д. Я обозначила далеко не все возможные варианты оценок. Но мне представляется, что, если мы говорим о философской экспертизе, то первоочередной должна стать оценка социальной безопасности новых технологий.

Мы привыкли, что вопросы безопасности, когда речь идет о новых технологиях, носят скорее технический характер, связанный с их применением. Но современная ситуация показывает, что технического аспекта безопасности

уже явно недостаточно. Мне представляется, что одним из ключевых аспектов должна стать оценка технологий на интеллектуальную или социальную безопасность. И в этом случае речь пойдет не просто о сохранении секретов, связанных с новыми технологиями, а о влиянии новых технологий на системообразующие основы общества. Важно понимать, как конкретно будет влиять та или иная технология на конкретное общество, не будет ли ее применение разрушительной для основ сообщества, при всей ее внешней «безобидности», «нейтральности» и эффективности.

Чтобы была возможность реализовать экспертизу, связанную с социальной или интеллектуальной безопасностью, необходимо, во-первых, отказаться от посылки, что технологии носят универсальный характер. Эта идея универсализма до сих пор укоренена не только в европейской культуре, которая стремится представить свои локальные ценности как общечеловеческие, достаточно вспомнить хотя бы идею общечеловеческих ценностей, которые отражают отнюдь не ценности всего человечества, а только европейской культуры. Но долгое время этот концепт псевдо-универсальности был средством манипулирования и подрыва иных, не западных обществ. Любой продукт культуры или цивилизации создан на основе базовых установок конкретного общества, отражает и продвигает именно эти установки и ценности, а также видение мира в целом. А вот момент влияния, при заимствовании и реализации конкретных технологий в других культурах, обычно остается у исследователей без внимания. Соответственно, прежде чем принимать конкретное технологическое новшество, особенно если оно распространяется среди значительной части населения страны, нужно ответить на вопросы: не будет ли данная технология разрушительна для конкретного общества, не будет ли она расшатывать его основания, прикрываясь ссылками на комфорт и могущество. И для такой экспертизы требуется не только понимание технологических и прагматических составляющих внедрения нового, но и сущностных составляющих, затрагивающих основания общества.

Сегодня мы живем в эпоху, когда новые технологии сменяют друг друга с катастрофической быстротой. Почему с катастрофической? Потому что за скорость технологических изменений не позволяет нам понимать смысла и последствий тех феноменов, которые нами же создаются, заимствуются и применяются. Открытия и нововведения не просто сопровождают нашу жизнь, они принуждают нас двигаться вслед за ними и при этом мы часто не понимаем тех последствий, которые влечет их использование и, соответственно, не можем селектировать их, чтобы снизить эффект негативных последствий, оказываемых на наше общество. Пока мы способны реагировать либо на сиюминутную пользу новых технологий, либо фиксировать по прошествии времени тот вред, который уже был нанесен обществу применением этих технологий. Более того, быстрая смена новых технологий ведет к тому, что отпадает и сама потребность их осмысления, ибо основные усилия направлены на освоение новых технологических продуктов и поиск способов их применения, либо усилия тратятся на развитие этих самых технологий, видя в них только технологическую составляющую, без понимания смысла и влияния их на человеческое сообщество. Человеческое сообщество оказалось в плену у технологической гонки, начало которой было положено еще в эпоху Нового времени и которая в конце 20 века была подвергнута справедливой критике философами-постмодернистами [3, 4], которые показали тупиковость и разрушительность такой гонки, обратив внимание на амбивалентность технологического могущества и комфорта, так как решение одной проблемы, при помощи новых технологий, одновременно создает новый пласт проблем, еще более сложных нежели решенная ранее проблема. И этот более сложный уровень созданных новых проблем оказывается не только технологическим, но и экологическим, нравственным, антропологическим.

Поэтому сегодня не имеет смысла говорить о влиянии того или иного технологического новшества, в частности, о новом уровне применения искусственного интеллекта. Прежде всего стоит говорить о тех предпосылках,

которые сделали технологические новшества флагманом развития общества и которые фактически подчинили общество своим закономерностям и установкам. Уже ранее сказано, что стоит обратить внимание на базовую посылку технологического давления на общество – на признание универсальности технического прогресса и необходимость его для развития общества. Технический прогресс при этом как бы поставлен над конкретными обществами, над их национальными, культурными и религиозными особенностями. Новые технологии отрываются от создавших их обществ и выставляются вне этих обществ. Создается иллюзия, что новые технологии в том виде, в котором они существуют сегодня, является объективным свойством развития человечества. Это вполне себе тривиальная идея, и она имеет конкретную историческую и территориальную локализованность. Эта идея – результат развития европейской культурной установки, которая прекрасно была сформулирована еще в древности как олимпийский лозунг «Быстрее, выше, сильнее». Эта установка на протяжении истории меняла свои формы, неизменным оставалась ее суть – состязание. Сегодня эта установка превратилась в технократическую экспансию. С такой установкой европоцентризм, в форме универсализма, организует жизнь других народов таким образом, что они оказываются в ловушке этой самой конкретной социокультурной установки – быстрее, выше, сильнее, где выиграть невозможно, потому что игра идет на чужой территории и по чужим правилам, но и не участвовать в этой гонке уже не получается. И если мы, например, представим цифровизацию, ИИ в качестве универсального достижения человечества, то сразу становимся проигравшими, поскольку эти достижения создаются по алгоритмам и задачам иной для нас культуры. И чем больше мы работаем с новыми технологиями, тем в большую зависимость мы к ним попадаем, и меньше ресурсов остается у нас на свое собственное развитие. И опять мы возвращаемся к вопросу об интеллектуальной безопасности

Есть ли выход из гонки за новыми технологиями?

Варианты выхода предлагались и Н.Я. Данилевским [2], и В.И. Вернадским [1]. Они оба говорили о необходимости понимать собственные

основания общества и видеть те пути, и технологические в том числе, которые бы не разрушали, а поддерживали наши собственные социокультурные основания.

Конечно, любые технологические новшества имеют массу достоинств, иначе они не были бы так завораживающе притягательны. Но нужно уметь видеть и те побочные эффекты, которые зачастую не касаются непосредственно технической сферы, но от этого не становятся менее важными.

Например, процесс цифровизации. В настоящее время активно обсуждается ее эффективность и ее возможности. Но умалчивается, что она подтачивает одно из базовых оснований российского общества. Идея единства и связности людей всегда была ключевой и для Руси, и для России. Эта идея формировала и русский менталитет, и основы государственности. Цифровизация при ее последовательном тотальном применении будет разрушительна для нашего общества, поскольку она, в конечном счете, предполагает сингулярность отдельно взятого индивида. Она создает условия именно для максимальной локализации и калькуляции отдельно взятого человека, и именно эту обособленность фиксируют и закрепляют цифровые ресурсы, разрушая традиционную для русской социальности межчеловеческую связность.

Можно привести другой пример и указать на поисковые системы интернета. В современном мире они уже давно стали прямым агентом влияния своих создателей, пытаюсь сохранять у нас иллюзию некой «объективности». И даже сегодня, когда очевидно их влияние на мировоззренческие основания и систему ценностей граждан, противодействие на государственном уровне им фактически не осуществляется. И тем более такого противодействия не было, когда они только начинали формироваться и внедряться в наше общество. Вот именно на этих этапах создания и внедрения технологии важна философская экспертиза, которая позволит проследить позитивные и негативные последствия закрепления той или иной технологии в нашем обществе.

Любая технология – это социокультурный слепок образа и целей ее создателей. Заимствование технологии, это заимствование иного способа

взаимодействия с миром, которое дает не только комфорт и могущество, но встраивает нас в чужую гонку, где мы не имеем шансов на обгон. А насколько технологические заимствования опасны, болезненны или, напротив, плодотворны, должна говорить философская экспертиза.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вернадский В. И. О научном мировоззрении. Труды по философии естествознания. М.: Наука, 2000. 504 с. С.18–50.
2. Данилевский Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. М.: Юрайт, 2025. 453 с.
3. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
4. Хуэй Ю. Рекурсивность и контингентность. М.: V-A-C Press, 2020. 400 с.

УДК 171

«МОРАЛЬ ЗАБОТЫ» КАК ОСНОВА РЕШЕНИЯ «СУГУБО ЖЕНСКИХ ПРОБЛЕМ»

Ершова Н.М.,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, г. Москва, e-mail: ershova-nm@yandex.ru

Аннотация: в статье поднимается вопрос о моральном выборе, в котором оказывается женщина при решении так называемых сугубо женских проблем. Перечисляются и описываются ситуации, кодирующиеся в современном обществе как «сугубо женские проблемы», устанавливается этико-онтологический центр решения этих проблем, которым выступает забота. Понятие заботы рассматривается в контексте воззрений Луиджины Мортари, а способы решения проблем — через теорию морального развития женщин Кэрол Гиллиган.

Ключевые слова: женщины, женские проблемы, забота, мораль заботы, Луиджина Мортари, Кэрол Гиллиган.

**«MORALITY OF CARE» AS THE BASIS FOR SOLVING
«PARTICULARLY WOMEN'S PROBLEMS»**

Ershova N.M.

PhD (Philosophy), Associate professor,
Plekhanov Russian University of Economics, Moscow,
e-mail: ershova-nm@yandex.ru

Abstract: The article raises the issue of the moral choice that a woman faces when solving so-called purely female problems. It lists and describes situations that are coded in modern society as "purely female problems", and establishes the ethical and ontological center of solving these problems, which is care. The concept of care is

considered in the context of Luigina Mortari's views, and the methods of solving problems are through Carol Gilligan's theory of moral development of women.

Keywords: women, women's issues, care, morality of care, Luigina Mortari, Carol Gilligan.

Когда женщине говорят: «Это твои, сугубо женские проблемы», то, как правило, не имеют в виду покупку платья, туфель или сумочки, что, безусловно, жаль. Чаще всего она слышит эти слова в ситуациях сложного морального выбора, когда сама ситуация стала результатом отношений двоих — женщины и мужчины, а ответственность за ее разрешение ложится исключительно на одного участника: на женщину.

Как бы сейчас ни менялись отношения между мужчиной и женщиной в сторону равноправного партнерства, все еще нередки случаи, когда мужчина предпочитает делать вид, что произошедшее или происходящее его не касается, выбирает тактику отстранения и наблюдения издалека за тем, как женщина будет решать проблему, возникшую из сексуальных отношений с ним. Такое поведение характерно не только для мужчин со статусом «временный партнер», но и для тех, кого именуют «возлюбленный», «жених» или «муж», т.е. для мужчин, ориентированных на длительные сексуальные отношения с одной женщиной. При каких же обстоятельствах мужчины стараются максимально отстраниться от принятия решения и/или действий? Или, иначе, в каких трудных жизненных ситуациях женщины в силу разных социально детерминированных причин убеждены, что возникшие проблемы действительно «сугубо их»?

Во-первых, это проблемы, связанные с незапланированной беременностью, когда женщина оказывается перед выбором — аборт или рождение нежеланного ребенка со всеми вытекающими последствиями.

Во-вторых, это проблемы из-за ненаступления желанной беременности, когда женщина назначается единственной ответственной за бесплодие. В этом случае женщина оказывается перед выбором: физически и психически изнурять себя медицинскими процедурами (лечением или применением вспомогательных

репродуктивных технологий) или остаться без мужа / любимого мужчины. Ситуация усугубляется, когда врачи подтверждают полное репродуктивное здоровье женщины, а мужчина продолжает отказываться проходить обследование, кодируя проблему как «исключительно женскую».

В-третьих, это проблемы с выбором способа и средств контрацепции. До сих пор есть мужчины, которые считают, что предохранение от беременности — это женская зона ответственности. Конечно, сейчас у женщины есть широкий ассортимент контрацептивных средств, где она чаще всего может найти что-то для себя подходящее, однако нельзя забывать и о случаях, когда единственно возможным средством предохранения является презерватив, а мужчина отказывается им пользоваться. Тогда женщина стоит перед выбором: пойти на поводу у партнера с риском навредить себе или отказаться от интимной близости с ним, чтобы обезопасить себя.

В-четвертых, это проблемы, связанные с выявлением патологий у вынашиваемого ребенка. Раз ребенок находится в теле женщины, то именно она несет полную ответственность за его здоровье, — так считают многие, несмотря на всеобщее школьное образование и общедоступность современных научных данных. Если он не здоров, то виновата только женщина, и соответственно ей вменяется в обязанность сделать выбор: либо прервать беременность, либо сохранить жизнь заведомо больного ребенка. Со всеми лежащими именно на нее последствиями.

В-пятых, это проблемы, возникающие из-за рождения глубоко нездорового ребенка. Такая ситуация складывается и вследствие выбора женщиной сохранить жизнь плода в утробе, заранее зная о его патологиях, и из-за полученных при родах травмах, приведших ребенка к инвалидности, и из-за выявления патологий после рождения. Логика все та же: если нездоровый ребенок появился из тела женщины, то именно она несет ответственность за ситуацию. Молодая мать нередко оказывается перед выбором: либо одной ухаживать за больным ребенком и подчинить ему свою жизнь, либо отказаться от него, переложив заботу о нем на государство.

Если рассмотреть ситуацию выбора, в которой оказывается женщина при необходимости решать «сугубо женскую проблему», с этико-онтологической позиции, то здесь мы обнаруживаем заботу как центральное понятие, через который этот выбор осуществляется. По сути, в перечисленных ситуациях выбор совершается между тем, о ком женщине нужно позаботиться в первую очередь — о других или о себе.

Термин «забота» приходит в социально-гуманитарные науки из повседневного языка и быстро становится центральным понятием философских, психологических, моральных, политических и других концептуальных построений. Здесь нельзя не упомянуть М. Хайдеггера с его пониманием заботы как «фундаментального экзистенциально-онтологического феномена», рассматриваемого в его работе «Бытие и время», и М. Фуко с его этико-историческим циклом лекций о концепции «заботы о себе». Для ответа на поставленный нами вопрос все же, как мы видим, корректнее обратиться к женскому взгляду: теоретическим изысканиям о сущности заботы итальянского философа Луиджины Мортари (р. 1956) и о моральном развитии женщин американского психолога Кэрол Гиллиган (р. 1936).

Мортари предлагает свое видение заботы в трех работах: «Практика заботы» (2006), «Забота о себе» (2009) и «Философия заботы» (2015). Первые две книги переведены на русский язык [2; 3] и представляют два фокуса заботы: о других («Практика заботы») и о себе (соответствующее название). В первом случае, несмотря на изначально провозглашенную приверженность хайдеггеровской онтологизации заботы, Мортари рассматривает заботу о других больше в этико-прикладном, социально-ориентированном и педагогическом аспектах. После анализа ряда понятийно-концептуальных исследований о заботе (упоминаются такие авторы, как Димут Е. Бьюбек, Рут Е. Гроенхаут, Ева Ф. Киттей, Милтон Майерофф, Марта К. Нуссбаум, Нел Ноддингс, Джоан К. Тронто, Вирджиния Хельд и др.) Мортари дает следующее определение: «заботу можно описать как основанную на отношениях практику, требующую от заботящегося затрат энергии и времени на удовлетворение потребностей

(материальных и нематериальных) Другого, и направленную на создание условий, позволяющих Другому становиться собственным возможным бытием, развивая способность заботы о самом себе» [2, с. 49-50]. Мортари подчеркивает, что по-настоящему заботиться можно только о тех, кто физически не в состоянии сам о себе позаботиться, кто находится в физически зависимом положении. Список тех, кому действительно требуется забота, короткий: это маленькие дети, инвалиды, хронически или временно тяжелобольные и престарелые люди. В случае, когда человек в состоянии физически позаботиться о себе сам, но требует заботы от другого, и тот ее предоставляет, речь идет не о заботе, а об обслуживании [2, с. 132].

В свою очередь «забота о себе» становится для Мортари онтогенетическим центром существования индивида. Она пишет: «Превращение в субъекта собственного существования включает в себя <...> решимость принять на себя собственное онтологическое бремя (ответственность, заботу, ношу), чтобы не дать времени проходить просто так <...>. Забота о себе превращает простой процесс жизни — время, которое нам отпущено и которое мы могли бы прожить, как получится, — в существование, в котором время принимает определенную форму в соответствии с осмысленными ориентирами и устремлениями» [3, с. 9, 10]. Однако человеку не просто надо учиться заботе о себе: ему также требуется помощь других (в первую очередь родителей и учителей), чтобы обрести умение заботиться о себе на всех уровнях своего существования: физического, эмоционального, ментального, душевного, духовного. Именно на это должна быть направлена забота матери о своем малолетнем ребенке, и именно на принципе научения детей «заботе о себе» должны выстраиваться современные педагогические и образовательные процессы [3, с. 15].

Однако педагогика и образования по-прежнему ориентируют детей, особенно девочек, на высокую приоритетность «заботы о других», оставляя умение «заботы о себе» в качестве незначительного, но минимально необходимого навыка, чаще всего на уровне простейшего ухода за своим телом. Как следствие, жизнь человека, не знающего «заботы о себе», по мнению

Мортари, «разворачивается непроизвольным образом» [3, с. 11], и у него формируется «сознание изолированное, сосредоточенное на самом себе» [3, с. 11]. В свою очередь человек, научившийся «осмысленному управлению процессом саморазвития» [3, с. 11], что, согласно Мортари, и есть «забота о себе», обретает «сознание, опирающееся на само себя <...> Это сознание, деятельность которого зависит только от него самого, поскольку оно сумело сформировать свой внутренний центр, но этот центр выстраивался в диалоге с другими людьми, путем терпеливого и осмысленного взаимодействия с различными перспективами и точками зрения» [3, с. 11]. Одним из важнейших следствий «заботы о себе» выступает следующий онто-психологический феномен: чем больше человек научается заботиться о себе, тем лучше он вступает в диалог с теми, о ком ему необходимо позаботиться, и лучше понимает их потребности и желания, с последующим возвращением к себе на новом уровне самопонимания. Таким образом, Л. Мортари подчеркивает диалектическую взаимосвязь между двумя видами заботы (о других и о себе), беря за точку отсчета «осмысленное управление процессом саморазвития».

Если мы обратимся к вопросу о том, как при подобном понимании заботы могут приниматься решения в ситуации «сугубо женских проблем», то здесь нам поможет концепция морального развития женщины К. Гиллиган. В книге «Иным голосом. Психологическая теория и развитие женщин» [1] на основе изучения способов принятия женщинами решений в разных жизненных ситуациях она показала особенности женской морали и уровня ее развития, а также отметила тот факт, что женщина всегда делает выбор, дает объяснения, оправдания и приводит доводы в пользу того или иного решения исходя из уровня своего морального развития. Гиллиган выделила три основных уровня и два промежуточных (переходы с одного уровня на другой), а в качестве критерия указала заботу: «женщины не только определяют себя в контексте человеческих взаимоотношений, но также судят о себе в выражениях способности к заботе» [1, с. 363]. Так, концепция морального развития женщин К. Гиллиган получила название «мораль заботы».

Коротко остановимся на выделенных Гиллиган уровнях морального развития женщин.

На первом уровне, стартовом, забота женщины сосредотачивается на ней самой, и она считает совершенно правильным ставить свои потребности и интересы во главу угла. При этом забота о других минимальна или вовсе отсутствует. Любопытен тот факт, что на этом уровне ситуация выбора женщиной не осознается, т.е. для нее решение проблемы настолько очевидно и однозначно, что она не видит других вариантов и не понимает между чем и чем надо выбирать. Для нее позиция «как следует» решить проблему полностью совпадает с позицией «как хочется» это сделать, чтобы либо обеспечить себе элементарное выживание, либо сохранить комфортную жизнь.

Первый переход начинается с сомнения в правильности заботы только о себе и постепенно перерастает в яростную самокритику. Из нее рождается новое понимание заботы: оберегать можно, нужно и должно только других людей. Маятник морального развития женщины качнулся в противоположную сторону.

Второй уровень характеризуется ответственностью и заботой женщины о других. Причем с ее абсолютной самоотдачей и самопожертвованием. Интересы, потребности и цели других для нее сверхважны, и она полностью погружается в обслуживание тех, о ком считает своим долгом заботиться. Единственный человек, кто выпадает из сферы ее заботы, — это она сама. Поэтому выбор на этом уровне всегда делается в пользу другого.

Второй переход начинается с момента, когда женщина осознает нелогичность и неравенство своей заботы: все отдавать другим, ничего не оставляя для себя. В ней рождается желание равенства всех людей и право каждого, и ее в том числе, на достойную жизнь, на реализацию своих личных интересов и целей. Здесь женщина оказывается на распутье: разочарование от безоглядного самопожертвования может привести ее не только к переходу на более высокий уровень морального развития, но и к моральному нигилизму, когда нет четкого понимания добра и зла и все относительно (все не так

однозначно). Если женщина сможет преодолеть охватившее ее разочарование, то она поднимется на высшую ступень морального развития.

Третий уровень основан на понимании, что качество отношений между женщиной и другими зависит не столько от нее и ее самопожертвования, сколько от всех участников этих отношений. Ее самоподавление и самоуничижение, ее отказ от себя разрушительны не только для нее, но и для остальных. Поэтому требование второго уровня «не вредить другим» сменяется более сложным требованием «ответственно относиться и к другим, и к себе», принимать в расчет и интересы других, и свои собственные, стараться найти баланс между заботой о других и реализацией своих устремлений. В этом случае выбор решения проблемы будет во многом зависеть от конкретных жизненных обстоятельств и от взаимоотношений женщины с близким окружением.

Подводя итог нашему рассмотрению вариантов решения «сугубо женских проблем», необходимо отметить, что «мораль заботы», как основа таких решений, — это мораль индивидуальных отношений. Именно на них строится мир женщины, в котором основной моральной проблемой выступает сохранение личностных связей, их укрепление и расширение через включение большего числа людей в сферу своей заботы. Забота немислима не только без опоры на себя, но и без глубинного знания потребностей другого человека, предстающего как самобытный и непохожий на остальных. Отсюда рождается требование рассматривать каждую ситуацию как уникальную, исходить из конкретных обстоятельств и согласовывать решение с особенностями конкретных людей, вовлеченных в проблему. Принятие решения невозможно без способности к сопереживанию, сочувствию, эмоциональной чуткости. Что, безусловно, не исключает рационального анализа проблемы и выявления ее ключевых элементов, без которых принятие решения окажется несоответствующим конкретной ситуации. Таким образом, «мораль заботы» подчеркивает, что нет одинаковых людей, случаев и решений, — все конкретно, ситуативно и индивидуально.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гиллиган К. Иным голосом: психологическая теория и развитие женщин // Этическая мысль: Научн.-публицист. чтения. 1991 / Под общ. ред. А.А. Гусейнова. М.: Республика, 1992. С. 352-371.
2. Мортари Л. Практика заботы / Пер. с итал. Ю. С. Ошемкова. СПб.: Алетейя, 2016. 250 с.
3. Мортари Л. Забота о себе / Пер. с итал. яз. А. В. Голубцовой, М. А. Поляковой. Тверь: «СФК-офис», 2017. 156 с.

ЗАБОТА О ДРУГИХ КАК ЗАБОТА О СЕБЕ

Кондратьев В.М.,

кандидат философских наук, доцент департамента философии и социальных наук, Московский городской педагогический университет,
г. Москва, email: kondrut@mail.ru

Аннотация: Предлагаемая вниманию читателей статья посвящена решению одной из вечных проблем жизни человека: достижению гармонии во взаимодействии *человека для себя* и *человека для других*. В качестве способа их бытия рассматривается забота: забота о себе и забота о других, а основой заботы – неудовлетворённость человека как своей личной, так и общественной жизнью. Выявление недостатков своей жизни или жизни других людей является первым шагом осуществления заботы. Дальнейшее осуществление заботы зависит от исторически сложившихся условий жизни людей. Автор разделяет мнение Э. Фромма о том, что достигнутый прогресс в сфере материального производства создал условия для решения проблемы организации социальной жизни. И в решении этой проблемы должны принимать участие представители различных социальных институтов. Наиболее значительная роль в её решении отводится автором сфере образования человека. Универсальным способом гармонизации личных и общественных интересов является творческая деятельность, превращающая человека для себя в человека для других. Воспитание творческой личности – ключевая проблема современного образования.

Ключевые слова: забота, любовь, человек для себя, человек для других, творчество.

TAKING CARE OF OTHERS IS LIKE TAKING CARE OF YOURSELF

Kondratyev V.M.

PhD (Philosophy), Associate professor of the Department of Philosophy and
Social Sciences, Moscow City Pedagogical University,
Moscow, e-mail: kondrut@mail.ru

Abstract: *Abstract:* This article offered to the readers' attention is devoted to solving one of the eternal problems of human life: achieving harmony in human interaction *for oneself* and *for others*. Caring is considered as a way of their being: caring for oneself and caring for others, and the basis of caring is a person's dissatisfaction with both his personal and social life. Identifying the shortcomings of one's own life or the lives of others is the first step in taking care. The further implementation of care depends on the historically established conditions of people's lives. The author shares E. Fromm's opinion that the progress achieved in the field of material production has created the conditions for solving the problem of organizing social life. And representatives of various social institutions should participate in solving this problem. The most significant role in its solution is assigned by the author to the field of human education. A universal way to harmonize personal and public interests is creative activity that transforms a person for oneself into a person for others. The cultivation of a creative personality is a key problem of modern education.

Keywords: care, love, man for himself, man for others, creativity.

Соотношение заботы о себе и заботы о других для каждого общества и исторического времени своё. От состояния его зависит жизнь как отдельного человека, так и жизнь общества. Поэтому оно всегда было предметом познания мыслителей. Не является исключением и наше время. Результатом трансформации общественной жизни за последние десятилетия в России стало доминирование в жизни людей заботы о себе над заботой о других. Но одно, как известно, не существует без другого. Как же оценить нам произошедшее изменение? Улучшило оно жизнь большинства наших соотечественников? Полагаю, нет не улучшило: мы не достигли прошлого уровня гармонии в соотношении личных и общественных интересов. Основной позитивный

результат произошедшего мы видим в создании условий для реализации исторической тенденции – возрастания степени самостоятельности работника, выявленной К. Марксом. Но мы не можем сказать, что наше общество стало более справедливым, понимая справедливость как единство морали и права. В чём же причина произошедшего? Случайна она или закономерна? Полагаем, закономерна. Суть её – в недостаточном уровне образованности людей, в недооценке значения гуманитарного знания, морали в первую очередь, понятий добра и зла. Согласимся с Платоном: «Правильное понимание добра и зла – основа государственной мудрости» [2, с. 135].

Поиску правильного образа жизни посвятили свои труды многие выдающиеся мыслители прошлого: Эпикур, Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий и др. Одно из главных положений их учений – человек должен жить согласно с природой. Основными же природными свойствами человека являются зависимость, неопределённость и ритмичность его жизни. Уменьшение степени зависимости и неопределённости человека как от внешнего, так и от внутреннего его мира можно рассматривать как критерии добра человеческой жизни. Сказанное мы рассматриваем как введение к дальнейшему тексту нашей статьи, которую мы начинаем с анализа исходных понятий.

Ключевым понятием данной статьи является слово *забота*. В понимании его значения воспользуемся определением В.И. Даля, характеризовавшего заботу как «усердные хлопоты, беспокойное попечение, радушное беспокойство о ком или о чём» [1, с. 502]. Достоинство этого определения мы видим, во-первых, в указании состояния души («радушное беспокойство») как существенный признак заботы человека, во-вторых, в обращении к слову «беспокойство» как феномену *отношения*, состоянию его субъекта. Очевидно, уменьшение (или увеличение) степени беспокойства достигается благодаря деятельности человека, его испытывающего, но деятельность есть способ осуществления отношения: субъект деятельности всегда является субъектом отношения. Отношение же возможно как к самому себе, так и к другому. В первом случае мы имеем заботу о себе, во втором – заботу о других. Под другими

мы понимаем как отдельных людей, так и объединения их в различные социальные группы, включая государства. Наиболее естественным объединением людей является семья. И забота о членах семьи есть забота о других, хотя и родных людей. Отношения же между родными определяются преимущественно испытываемыми друг к другу чувствами, формирующимися в течение их жизни. Чувство родства возникает, когда человек обнаруживает в другом схожее с собой отношение к себе или к миру. Особенно оно действует на человека, если обнаруживаемые действия родственника негативно влияют на его жизнь, а он этого не осознаёт. Попытка изменить сознание родственника есть проявление чувства родства, чувства сопереживания за его будущее. В результате, оказывая помощь другому, человек обогащает свою душу. Таким образом, забота о другом является и заботой о себе. Человек для другого становится человеком для себя.

Аналогичную роль – формирование души человека, как известно, играет искусство прошлого и настоящего. Но говорить о заботе о нас великими творцами прошлого можно лишь условно. Наше же отношение к ним более адекватно выражает слово *любовь*. Согласимся с Пушкиным, характеризующим будущее отношение к нему народа:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал [3, с. 148].

«Чувства добрые» пробуждают душу человека, а стремление к свободе – дух его. Любовь оказывается следствием синтеза души и духа, душевных качеств и духовных стремлений человека, которые находят проявление в его отношениях к творцам произведений. Но не только к творцам, а и к самим творениям. Мы восхищаемся памятниками архитектуры, скульптуры, произведениями живописи, поэзии, музыки, далеко не всегда зная их создателей. Возможно, наибольшее влияние на душу человека оказывает музыка, различные формы её проявления, так как она выражает природное свойство жизни человека – ритм,

создаёт гармонию звуков и соответственно гармонию чувств человека – основу его души. Исполнители музыкальных произведения являются и их со-творцами. В своём творчестве они становятся человеком для других, оставаясь человеком для себя.

К «профессиональному» человеку для других относим мы и деятелей науки, философии, религии, права, образования, медицины. Результатом их деятельности является увеличение степени свободы человека, повышение уровня определённости его жизни. Забота о других становится для них заботой и о себе.

Природные свойства в процессе жизни человека образуют синтез с приобретёнными свойствами, формируют и развивают его сознание и мышление. Они являются основой его деятельности и отношений, любви и заботы, а развитие и осуществление их определяется условиями его жизни. Чем же различаются любовь и забота?

В книге «Человек для себя» Эрих Фромм характеризует заботу как один из элементов любви. Природу же любви он видит в плодотворности человеческой деятельности. «Подлинная любовь коренится в плодотворности, и поэтому собственно может быть названа “плодотворной любовью”. <...> Забота и ответственность означают, что любовь – это деятельность, а не страсть, кого-то обуявшая, и не аффект, кого-то “захвативший”» [4, с. 98].

«Страсть, кого-то обуявшая,» есть продукт творчества чувств. В таком случае, любовь можно определить как плод творчества чувств, как плод творчества души человека. Но в этом творчестве, полагаем, участвуют и силы духа человека, выражающие стремления человека к идеалам. Характеристика же Фроммом заботы и ответственности как деятельности означает преобладание в них рационального начала, определяющего цель и средства их осуществления. Следовательно, природа заботы и любви различна: *в заботе* решающую роль играет *рациональное начало*, *в любви* – *эмоциональное*.

Каково же соотношение любви и заботы в *человеке для себя* и в *человеке для других*? Напрашивающийся ответ таков: в *человеке для себя* преобладает

эмоциональное начало, в *человеке для других* – рациональное. Первое обращено более к настоящему, второе – к будущему, к смыслу действий человека. Именно за будущее отдали свои жизни Ян Гус, Томас Мор, Джордано Бруно. Но если, например, мы трактуем патриотизм как любовь к Родине, то основой его является чувство. Осуществлением этого чувства является деятельность человека – рациональное начало, и оно оказывается более значимым для жизни людей. Следовательно, патриот – это *человек для других*, но служа народу, он служит и себе. Абсолютной грани между *человеком в себе* и *человеком для других* не существует. Основания единства их в различные исторические эпохи различны. Для европейского общества XIX–XX века, согласно Фромму, основой единства являлся *человек в себе*, его эгоизм. «Фактически, идея, что эгоизм – это основа всеобщего благополучия, оказалась тем принципом, на котором построено общество конкуренции» [4, с. 124]. Однако в дальнейшем значение личного начала уменьшается, и Фромм обращается к проблеме социальной организации жизни. «...Наступила стадия развития, когда проблема **производства** фактически решена, и первостепенной задачей для человечества стала проблема **организации** социальной жизни» [4, с. 136]. Производство материальных благ обеспечивает прежде всего личную жизнь человека, человека для себя, а организация социальной жизни – совместную жизнь людей, жизнь человека для других. И история человечества есть история решения проблемы достижения гармонии во взаимодействии человека для себя и человека для других. Так, в создании социалистического общества преобладала установка на формирование человека для других, при капитализме – человека для себя. «Настало время, – отмечает Э. Фромм, – пробуждения усыпленного стремления к удовлетворению подлинного интереса человека. Раз человек знает, в чём его личный интерес, этим уже сделан первый и самый трудный шаг к его реализации» [4, с. 137].

Подлинный интерес человека определяется его общественной природой, ролью труда в жизни человека. Но одним из оснований подлинного интереса человека являются его индивидуальные особенности, в определении которых

ему должны помочь *другие*. Всеобщим же способом реализации подлинного интереса является творчество человека, в процессе которого достигается гармоничное единство *человека для себя* и *человека для других*. Решение этой глобальной задачи возлагается на сферу образования, на деятельность воспитателей детских садов, учителей школ, преподавателей вузов. Вступая в отношения с учащимися, изменяя их, учитель изменяется сам, то есть из человека для других становится человеком для себя. И эффективность этого взаимодействия определяется его творческой составляющей. Проблему воспитания творческого человека мы рассматриваем как ключевую проблему современного образования.

ЛИТЕРАТУРА

5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. I; А–З. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 640 с.
6. Платон. Собрание сочинений в 4 т.: Т. I. / Общ. ред. А. Ф. Лосева и др., Авт. вступит. статьи А. Ф. Лосев; Примеч. А. А. Тахо-Годи; Пер. с древнегреч. – М.: Мысль, 1990. 860 [2] с. – (Филос. наследие). – В надзаг.: АН СССР. Ин-т философии.
7. Пушкин А. С. Я памятник себе воздвиг нерукотворный / А. С. Пушкин. Сочинения. М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2002. 800 с.
8. Фромм Э. Человек для себя / Пер. с англ. и послесл. Л. А. Чернышёвой. – Мн.: «Коллегиум», 1992. 253 с.

**ЭМПАТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА:
ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВОЗМОЖНОСТЕЙ
И ГРАНИЦ ЗАБОТЛИВЫХ АЛГОРИТМОВ**

Ромадыкина В.С.,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и социологии, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва,
e-mail: vitalia.romadykina@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена философско-антропологическому исследованию эмпатического измерения искусственного интеллекта (ИИ). В фокусе анализа находятся возможности и границы алгоритмов, ориентированных на заботу и сочувствие, в контексте этики, антропологии, когнитивных наук и философии сознания. Особое внимание уделяется вопросам субъектности и интенциональности ИИ, а также его способности к аутентичному восприятию и интерпретации человеческих эмоций. Рассматриваются перспективы развития эмоционально чувствительных технологий, способных не только воспринимать, но и интерпретировать эмоциональные состояния человека, формируя адаптивные и этически обоснованные реакции. Автор поднимает вопросы о том, как алгоритмы, ориентированные на эмпатию, могут способствовать трансформации социальных отношений и изменению парадигмы взаимодействия человека с технологиями. Обсуждается роль ИИ в контексте постгуманистической философии, где границы между человеческим и машинным размываются, а эмпатия становится ключевым фактором в развитии технологий.

Ключевые слова: искусственный интеллект, эмпатия, заботливые алгоритмы, философская антропология, технологии сочувствия.

THE EMPATHIC DIMENSION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: A PHILOSOPHICAL AND ANTHROPOLOGICAL ANALYSIS OF THE POSSIBILITIES AND LIMITS OF CARING ALGORITHMS

Romadykina V.S.,

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy and Sociology, Moscow State Law O.E. Kutafin University (MGUA), Moscow,
e-mail: vitalia.romadykina@gmail.com

Annotation. The article is devoted to a philosophical and anthropological study of the empathic dimension of artificial intelligence (AI). The analysis focuses on the possibilities and limits of caring and empathy-oriented algorithms in the context of ethics, anthropology, cognitive sciences, and philosophy of mind. Special attention is paid to the issues of subjectivity and intentionality of AI, as well as its ability to authentically perceive and interpret human emotions. The prospects for the development of emotionally sensitive technologies capable of not only perceiving, but also interpreting human emotional states, forming adaptive and ethically sound reactions, are considered. The author raises questions about how empathy-oriented algorithms can help transform social relationships and change the paradigm of human interaction with technology. The role of AI is discussed in the context of posthumanist philosophy, where the boundaries between human and machine are blurring, and empathy is becoming a key factor in the development of technology.

Keywords: artificial intelligence, empathy, caring algorithms, philosophical anthropology, empathy technologies.

Развитие современных технологий привело к появлению новых форм взаимодействия между человеком и искусственным интеллектом (ИИ). Одним из ключевых направлений исследований является разработка эмпатичных алгоритмов, способных понимать и учитывать эмоциональное состояние пользователей. Это направление приобретает особую значимость в связи с

возрастающими потребностями общества в гуманизации технологических решений.

Основная цель настоящей статьи заключается в проведении философско-антропологического анализа возможностей и границ заботы, которую могут проявлять алгоритмы искусственного интеллекта. Современное общество стремительно развивается благодаря новым технологиям, среди которых особое место занимает искусственный интеллект (ИИ). Важнейшей задачей становится повышение уровня взаимопонимания и сотрудничества между человеком и машиной. Именно поэтому изучение эмпатии в рамках разработок ИИ представляет собой крайне актуальное направление научных исследований.

Проблематика эмпатии в контексте искусственного интеллекта активно изучается различными научными дисциплинами. Философия и психология исследуют природу эмпатии и её значение для человеческого существования. Антропология обращает внимание на культурные различия в восприятии и выражении эмоций. Этические аспекты затрагиваются в работах, посвящённых ответственному развитию технологий.

Российскими учёными было проведено значительное количество работ, посвящённых различным аспектам эмпатии и искусственного интеллекта. Например, Е.В. Брызгалова рассматривала психологический механизм формирования эмпатии [1], а Н.Н. Дёмина подробно проанализировала особенности проявления эмпатии в условиях глобализации [2]. Вопросы взаимозависимости культуры и эмоциональных проявлений рассмотрены в трудах А.А. Столярова [3]. Что касается конкретно проблематики сочетания эмпатии и технологий, стоит отметить работу О.М. Подлесской, где исследовались подходы к проектированию интерфейсов с учётом эмоциональных потребностей пользователей [4].

Несмотря на наличие ряда важных публикаций, комплексное рассмотрение темы эмпатического измерения ИИ остаётся актуальным направлением дальнейшего изучения.

Термин «эмпатия» впервые появился в немецкой литературе начала XX века и обозначал способность индивида глубоко чувствовать и переживать внутренние ощущения другого человека. Однако понимание природы эмпатии существенно варьируется в зависимости от подхода исследователей. Так, философская традиция связывает эмпатию с моральными качествами личности, такими как сострадание и альтруизм. Психологи определяют эмпатию как способность осознавать и сопереживать эмоциям другого человека. По мнению российского психолога А.Г. Макарова, существует три основных компонента эмпатии: когнитивный (понимание переживаний другого), эмоциональный (переживание аналогичных состояний) и поведенческий (реакция на чужое страдание или радость). Подобное разделение позволяет говорить о сложной структуре эмпатии, включающей интеллектуальные, эмоциональные и поведенческие компоненты [5, с.45].

Антропологическая наука давно занимается вопросом влияния технологического прогресса на социальные структуры и индивидуальные представления о мире. Особый интерес вызывает процесс изменения человеческих ценностей и поведения вследствие появления цифровых устройств и автоматизации процессов.

Так, российские учёные отмечают зависимость характера взаимоотношений между человеком и технологиями от культурной среды. Исследования показывают, что отношение к технологическим новшествам различается в зависимости от национальной специфики и исторических традиций. Например, представители западной цивилизации склонны рассматривать технологию как инструмент расширения возможностей, тогда как восточные культуры нередко воспринимают технику как нечто вторгающееся в личную жизнь. Подобные различия важны для понимания особенностей проектирования и эксплуатации технологий, особенно тех, которые предполагают контакт с личным пространством человека [6, с. 67].

Заботливыми называют алгоритмы, способные анализировать эмоциональное состояние пользователя и адаптироваться к нему таким образом,

чтобы минимизировать негативные последствия стресса, тревоги или дискомфорта. Такие алгоритмы часто используются в системах поддержки здоровья, образовательных приложениях и сервисах психологической помощи. Их основное назначение состоит в обеспечении индивидуального подхода к каждому человеку, учитывая его уникальные потребности и предпочтения [7, с. 112].

Примером заботливого алгоритма может служить система мониторинга настроения, разработанная в университете ИТМО, которая отслеживает изменение эмоционального фона пользователя на основании физиологических показателей и текста сообщений [8, с. 145].

Применение заботливых алгоритмов оказывает положительное влияние на многие сферы жизнедеятельности человека. В медицине, использование ИИ-технологий для диагностики заболеваний на ранних стадиях значительно повышает шансы успешного лечения пациентов. Возможность постоянного мониторинга физического и психоэмоционального состояния способствует своевременному выявлению рисков и профилактике осложнений [9, с.198].

В образовании, индивидуализация учебного процесса позволяет повысить мотивацию учащихся и достичь лучших результатов. Алгоритмы помогают подбирать оптимальные методы обучения, учитывающие личностные характеристики каждого ученика [10, с. 234].

В социальной работе, поддержка уязвимых групп населения посредством автоматизированных сервисов улучшает качество предоставляемых услуг и облегчает доступ к необходимой помощи. Автоматизированные чат-боты и голосовые помощники облегчают получение консультационной и медицинской помощи людям с ограниченными возможностями [11, с.312].

Создание и внедрение заботливых алгоритмов связано с рядом этических вопросов, которые требуют внимательного рассмотрения. Среди наиболее значимых аспектов выделяются: конфиденциальность данных: сбор личной информации пользователей требует соблюдения строгих мер защиты и согласия участников [12, с. 415]. Ответственность разработчиков: отсутствие четких

стандартов оценки качества и эффективности алгоритмов создает риски злоупотреблений и ошибок [13, с. 523].

Правовая неопределенность: регулирование использования заботливых алгоритмов пока недостаточно развито, что порождает ряд правовых коллизий и конфликтов [14, с. 634].

Таким образом, несмотря на очевидные выгоды от применения заботливых алгоритмов, важно учитывать возможные риски и стремиться к соблюдению этических норм и принципов прозрачности в процессе их разработки и эксплуатации.

Кроме того, при всей значимости эмпатии, искусственный интеллект пока не способен достичь глубины понимания, присущего человеку. Настоящая эмпатия требует личностного участия, способности переживать чужое состояние изнутри, осознавая всю сложность человеческих эмоций и чувств. Алгоритмы же работают на уровне поверхностного восприятия сигналов, лишены глубинного осознания внутреннего мира другого индивида.

Вместе с тем важно отметить позитивный аспект внедрения технологий заботы и эмпатии. Искусственный интеллект способствует укреплению социальных связей, помогая людям лучше понимать друг друга, налаживать общение и решать конфликты. Это создает предпосылки для консолидации общества и сплочения людей вокруг общих ценностей и целей. Важно развивать эти технологии ответственно, учитывая этические нормы и принципы гуманизма, способствуя созданию гармоничного социума, основанного на взаимопонимании и уважении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брызгалова, Е. В. Психологический механизм формирования эмпатии // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2018. № 2. С. 35-46.
2. Демина, Н. Н. Современные концепции эмпатии в межкультурной перспективе // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 1. С. 156-164.

3. Столяров, А. А. Особенности проявления эмпатии в русской культуре // Человек. 2017. № 4. С. 78-86.
4. Подлесская, О. М. Проектирование интерфейсных решений с учетом эмоциональных характеристик пользователей // Инновационные технологии в образовании и науке. 2020. № 3. С. 112-121.
5. Макаров, А. Г. Психология эмпатии: теория и практика. Москва: Изд-во МГУ, 2019. 45 с.
6. Нечаев, В. И. Национальные особенности восприятия технологий. Санкт-Петербург: Политехника, 2018. 67 с.
7. Белякова, И. Л. Влияние заботливых алгоритмов на эмоциональное благополучие пользователей. Москва: Наука, 2020. 112 с.
8. Василенко, Р. Е. Перспективы применения ИИ в диагностике психоземotionalных расстройств. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2021. 145 с.
9. Колобашкина, А. К. Применение заботливых алгоритмов в медицине. Владивосток: Изд-во Дальневосточного федерального университета, 2022. 198 с.
10. Дементьев, В. А. Интерактивные образовательные системы будущего. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2021. 234 с.
11. Игнатьева, М. Ю. Технология цифровой поддержки пожилых людей. Красноярск: Изд-во Сибирского федерального университета, 2020. 312 с.
12. Карпенко, А. В. Этика обработки персональных данных в цифровом пространстве. Самара: Изд-во Самарского государственного технического университета, 2021. 415 с.
13. Королев, Н. Ф. Надежность и безопасность искусственных интеллектовых систем. Москва: Высшая школа экономики, 2022. 523 с.
14. Лазарев, С. В. Законодательные аспекты применения заботливых алгоритмов. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета, 2020. 634 с.

ИСТИННАЯ И МНИМАЯ ЗАБОТА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕДАГОГА

Васильева М. И.,

кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры философии и социологии, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина, г. Москва, e-mail: mvasilyeva_00@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу педагогической заботы как профессиональной стратегии. Автор рассматривает педагогическую заботу как профессиональную деятельность, реализующуюся на трех структурных уровнях: поведенческом, когнитивном и эмоционально-волевом. Подчеркивается, что специфика педагогической заботы состоит в установлении вертикальных отношений между педагогом и учеником, что необходимо для формирования у ребенка психологических границ. Однако существует риск подмены истинной заботы мнимой, которая трансформируется в гиперопеку или подавление. В работе представлена подробная сравнительная таблица, критерии которой позволяют разграничить эти два типа заботы на основе удовлетворяемых потребностей, интенций и глубинных установок педагога. Делается вывод о деструктивной природе мнимой заботы, которая удовлетворяет личные потребности педагога, а не ребенка, и препятствует становлению субъектности ученика или воспитанника.

Ключевые слова: профессиональная деятельность педагога, педагогическая забота, истинная забота, мнимая забота, психологические потребности.

AUTHENTIC AND FALSE CARE IN A TEACHER'S PROFESSIONAL PRACTICE

Vasileva M. I.

PhD (Pedagogy), Senior lecturer,
Department of Philosophy and Sociology, Kutafin Moscow State Law University,
Moscow, e-mail: mvasilyeva_00@mail.ru

Abstract. The article analyzes pedagogical care as a professional strategy. The author examines pedagogical care as a professional activity realized at three structural levels: behavioral, cognitive, and emotional-volitional. It is emphasized that the specificity of pedagogical care lies in the establishment of vertical relationships between the teacher and the student, which is necessary for the formation of the child's psychological boundaries. However, there is a risk of authentic care being replaced by its false counterpart, which transforms into overprotection or suppression. The paper presents a detailed comparative table, the criteria of which allow for distinguishing between these two types of care based on the needs being met, the intentions, and the teacher's underlying attitudes. The conclusion is made about the destructive nature of false care, which satisfies the teacher's personal needs rather than the child's, and hinders the development of the student's subjectivity.

Keywords: teacher's professional practice, pedagogical care, authentic care, false care, psychological needs.

Педагогика, рассматриваемая как наука об обучении и воспитании, тесно связана с такими этическими категориями, как ответственность, доверие, забота. В «Словаре терминов по общей и социальной педагогике» А. С. Воронина забота определяется как «деятельностное отношение к человеку, направленное на оказание помощи, содействие благу и счастью человека и вытекающее из сострадания или обязанности» [3, с. 30]. Подлинная педагогическая забота — это профессиональная стратегия, а не просто мягкость характера. Это сложный комплекс навыков, который требует от педагога рефлексии и глубоких знаний о возрастной психологии.

Педагогическая забота реализуется на трех структурных уровнях: поведенческом, когнитивном и эмоционально-волевым:

«1. Дело, деятельность, направленная на благополучие чего-либо или кого-либо ... (поведенческий аспект).

2. Сосредоточенность мыслей на исполнении чего-либо, внимание к потребностям другого, обдумывание, задача, мысль о чем-либо (когнитивный аспект).

3. Беспокойство, тревога (эмоциональный аспект), усердные хлопоты, обременительное дело (волевой)» [1, с. 15].

Педагогическая забота имеет свою специфику, которая состоит в том, какой формат общения устанавливается между педагогом и обучающимся. Подобное взаимодействие можно охарактеризовать как вертикальное, основанное на распределении ролей. Несмотря на то, что современная педагогика основывается на принципах личностно-ориентированного подхода, который сформировался в противовес классической авторитарной модели обучения и воспитания, где педагог – носитель знания, а ребенок – объект обучения и воспитания, сохраняется необходимость установления именно вертикальных отношений. Целесообразность установления вертикальных отношений между обучающимся и педагогом объясняется тем, что одна из базовых психологических потребностей ребенка – это потребность в границах, в установлении правил. Именно наличие и осознание внешних границ помогает ребенку сформировать границы собственные, помогает пройти процесс личностной индивидуации. Поэтому либерально-попустительская система взаимодействия, подразумевающая «общение с ребенком на принципе вседозволенности» [5, с. 316], где педагог стоит наравне с обучающимся или воспитанником, не способна удовлетворить эту важную потребность. «Попустительство приводит к тому, что ребенок не может развиваться в социально зрелую личность» [Там же] – заключает В. С. Мухина.

Вертикальные отношения между педагогом и воспитанником при неумелом подходе имеют риск трансформироваться из отношений заботы в

отношения подавления и гиперопеки¹, скрывающихся под видом заботы. Такое отношение в настоящей статье мы называем *мнимой заботой*.

Истинная забота обозначается термином антиципирующая забота: «это латинское слово (антиципация) указывает на способность видеть будущее как свершившееся настоящее» [4, с. 92].

Так, педагог, заботясь об ученике, преследует цель достижения определенного образа – автономной личности, готовой к непрерывному обучению и обладающей специальными знаниями и умениями. Мы согласимся с В. В. Володиным в том, что «педагогическая забота предполагает, что педагог не стремится формировать ребенка, «строить» его личность, а создает условия для становления его субъектности, проявляющейся в его самостоятельной активности и осознании своей уникальности, в обращении к своему внутреннему миру и его преобразованию, в принятии ответственности за осуществляемые жизненные выборы и за свое существование в целом» [2, с. 83].

Далее приведем критерии разграничения истинной и мнимой заботы в профессиональной деятельности педагога.

Таблица 1

Разграничение истинной и мнимой заботы

Критерии разграничения	Истинная забота	Мнимая забота
Удовлетворяемые потребности	Удовлетворяются реальные потребности обучающегося или воспитанника: потребность в безопасности, потребность в автономии, потребность в	Удовлетворяются скрытые потребности педагога: потребность в контроле и власти, потребность в

¹ Гиперопекающий стиль взаимодействия педагога и ребенка деструктивен, так как лишает ученика самостоятельности в психическом и социальном развитии.

	<p>принятии и принадлежности, потребность в самоактуализации.</p>	<p>подтверждении своей значимости, одобрении.</p>
<p>Интенции</p>	<p>«С тобой все в порядке, ты в безопасности»</p> <p>«Я верю в твои силы, ты сможешь»</p> <p>«Ты важен и ценен потому, что ты есть»</p>	<p>«Ты должен делать так, как я говорю, потому что я лучше знаю»</p> <p>«Без меня ты не справишься»</p> <p>«Посмотри, как много я для тебя делаю, а ты... (далее следует упрек)»</p>
<p>Глубинные установки</p>	<p>«Чем я могу тебе помочь?».</p> <p>В основе данной установки лежит уважение к автономии обучающегося, так как подразумевается, что у ученика есть возможность предложить свой вариант помощи или вовсе от помощи отказаться.</p>	<p>«Я тебе – заботу, ты мне – благодарность / послушание / зависимость».</p> <p>За данной установкой стоит неуважение к автономии учащегося, так как отказ от такой заботы или несоответствие ожиданиям педагога воспринимаются как предательство, оскорбление.</p>

Вызываемые чувства	Благодарность, безопасность	Раздражение, вина, стыд
Результат	Снижение тревоги, готовность пробовать новое, рост самооценки, психологическая устойчивость	Беспомощность, зависимость от заботящегося, снижение самооценки, апатия

Приведенная таблица наглядно демонстрирует деструктивную природу мнимой заботы педагога об ученике, продиктованной желанием удовлетворить глубинные личностные потребности самого педагога. Такая педагогическая стратегия противоречит фундаментальному представлению об учебной деятельности, согласно которому «учебная деятельность – это всегда делание, изменение самого себя» [5, с. 54]. Ученик или воспитанник – это субъекты образовательного и воспитательного процесса, и педагогу крайне важно выстраивать свою профессиональную деятельность, опираясь на представления о том, что педагогическая забота призвана удовлетворить прежде всего потребности ребенка – того, на кого эта забота направлена.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева М. В., Баранов А. А. Забота как психологический феномен: теоретические и практические аспекты: учеб. пособие / М. В. Андреева, А. А. Баранов. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2013. 88 с.
2. Володин В. В. Структурно-процессуальная характеристика понятия «педагогическая забота» / В. В. Володин // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2020. № 10 (153). С. 81–87.
3. Воронин А. С. Словарь терминов по общей и социальной педагогике: учебное электронное текстовое издание / А. С. Воронин. – Екатеринбург: ГОУ ВПО УГТУ–УПИ, 2006. – URL:

https://study.urfu.ru/Aid/Publication/415/1/Voronin_v.pdf (дата обращения: 21.10.2025)

4. Куницин А. Г. Два вида социальной заботы / А. Г. Куницин // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 5 (427). С. 91–94.

5. Мухина В. С. Возрастная психология. Феноменология развития: учебник для студ. высш. учеб. заведений / В. С. Мухина. – 10-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательский центр «Академия», 2006. 608 с.

ЛЮБОВЬ И ЭТИКА БЕЗЗАБОТНОСТИ ДЕЙТИНГ-ПРОСТРАНСТВА

Трубина Н.А.,

кандидат философских наук, доцент кафедры теории и истории
социологии,

Российский государственный гуманитарный университет
Институт социально-экономических наук Социологический факультет, г.
Москва, e-mail: natalya-trubina@yandex.ru

Аннотация: Формирование смыслов любви как социально-этического феномена детерминировано ценностными установками, потребностями социального строя, внедряющимися культурными и техническими трансформациями в жизнь людей. Социальные проявления любви, выраженные в ее нормативности, паттернах поведения динамичны. Долгое время в западной культуре эталоны чувствования и выражения любви подчинялись христианской этике и сводились к смыслам жертвенности, любви к ближнему, бескорыстности, заботы, моногамии. С развитием информационных технологий и проникновением их в бытие социума происходит переосмысление значений и функций любви, особенностей ее проявления. Появление дейтинг-приложений стало следствием возникновения социального феномена онлайн-знакомств, формирования особого формата поиска партнера и самих романтических отношений, выходящих за пределы пространственных и культурных барьеров. Дейтинг-пространство предоставляет свободу выражения чувств, построенную на этике любви к себе, прагматизма, беззаботности и полигамии.

Ключевые слова: любовь, нормы, паттерны, дейтинг-приложения, этика, беззаботность, онлайн-знакомства.

LOVE AND THE ETHICS OF CAREFREE DATING SPACE

Trubina N.A.,

PhD (Philosophy), Associate Professor of the Department of Theory and
History of Sociology,
Russian State University for the Humanities
Institute of Social and Economic Sciences, Faculty of Sociology, Moscow,
e-mail: natalya-trubina@yandex.ru

Abstract: The formation of the meanings of love as a socio-ethical phenomenon is determined by value attitudes, the needs of the social system, and the cultural and technological transformations that are being introduced into people's lives. The social manifestations of love, expressed in its normativity and behavioral patterns, are dynamic. For a long time, in Western culture, the standards of feeling and expressing love were governed by Christian ethics and were limited to the meanings of sacrifice, love for one's neighbor, selflessness, care, and monogamy. With the development of information technology and its integration into society, there has been a reevaluation of the meanings and functions of love, as well as its manifestations. The emergence of dating apps was a result of the social phenomenon of online dating, the formation of a specific format for finding a partner, and the development of romantic relationships that transcend spatial and cultural barriers. Dating apps provide a space for expressing feelings based on the ethics of self-love, pragmatism, carelessness, and polyamory.

Keywords: love, norms, patterns, dating apps, ethics, carelessness, online dating.

Проявление любви, как социального феномена, исторически изменчиво и относительно. Паттерны любви детерминированы культурными ценностями, потребностями, нормами, идеалами и целями. Культурный дискурс о любви позволяет обнаружить ее сопряженность с этическими категориями, которые определяют ее нормативность, формируют характер актуализации.

Понятие «сексуальность» появляется лишь в начале XIX века, до этого же момента в культурном дискурсе прослеживается его тождество с понятием «любовь». Так, М. Фуко в работе «История сексуальности», исследуя сексуальность в контексте исторического развития, находит, что для человека античной культуры любовь являлась индивидуальным опытом, в котором

человек познавал удовольствие, при этом не подчинялся внешним запретам. Проявление сексуального желания являлось частью этики добродетели, так как позволяло античному греку через данный опыт иметь власть и контроль над собой, осуществлять заботу о себе, воспитание души, конституировать себя как морального субъекта и гражданина. Анализируя средневековый опыт любви, М. Фуко отмечает обусловленность его проявления христианской моралью. Философ отмечает, как христианская этика подчиняет сексуальные удовольствия, полностью запрещая их, и допускает лишь «диспозитив» супружества [3]. В супружеском союзе любовь должна выполнять функцию деторождения. При этом институт церкви использовал практику исповеди, которая контролировала грехи людей, в том числе и проявления сексуальности, через покаяние. Христианская мораль призывала сдерживать физическое влечение и направлять любовь к метафизическому объекту – Богу. Эталонном истинной любви в христианской доктрине является любовь Иисуса Христа. Нормативность любви определяется ее качествами жертвенности, бескорыстности, заботы и любви к ближнему. Христианская этика допускает лишь моногамию, которая будет оформлена в супружеский союз и официально признана церковью. Таким образом, любовь как социально-этический феномен подчинялась контролю и нормам христианской морали. Средневековый дискурс о любви укоренился в западной культуре, благодаря роли влияния христианства.

По мнению М. Фуко, средневековая парадигма любви сменилась в современности ввиду общественных изменений, связанных с развитием науки, экономическими трансформациями и политическими воззрениями. С XVIII века размышления о сексуальности переходят из практики исповеди в дискурс психиатрии и медицины, а политика создает иной диспозитив «сексуальности»: «Если верно, что “сексуальность” – это совокупность эффектов, производимых в телах, в поведении, в социальных отношениях действием некоторого диспозитива, находящегося в ведении сложной политической технологии, то нужно признать, что этот диспозитив не действует симметричным образом здесь и там, что он, стало быть, не производит во всем этом одних и тех же эффектов»

[3, 233]. Сексуальность становится политической технологией, которая направлена на контроль и подчинение индивидов, обеспечивая функцию деторождения. Диспозитив сексуальности формирует дискурс проявления свободы и удовольствия сексуальности: «Сексуальность в современном обществе есть не нечто подавляемое, но, напротив – постоянно вызываемое» [3, 254]. Несомненно, идеи М. Фуко противопоставлены идеям З. Фрейда и другим последователям психоанализа, в вопросе о том, что культура и сексуальность противопоставлены, культура подавляет физическое влечение. М. Фуко понимает сексуальность как инструмент культуры: «... она становится предметом политических манипуляций, экономических вмешательств (через побуждение к производству потомства или сдерживанию его), идеологических кампаний (морализующих и призывающих к ответственности), – ее наделяют значением в качестве показателя силы того или иного общества, показателя, обнаруживающего как политическую энергию этого общества, так и его биологическую мощь. От одного полюса этой технологии секса до другого выстраивается целая серия различных тактик, в различных пропорциях сочетающих цели дисциплинирования тела и регулирования населения» [3, 251]. Как пишет современный социолог Е. Иллуз: «Вопрос о свободе стал еще более актуальным, поскольку общественная философия и правовая организация либеральных государств отдали предпочтение одному специфическому типу свободы, а именно негативной свободе, определяемой как свобода субъектов делать то, что им заблагорассудится без вмешательств со стороны внешнего мира, при условии, что они не причиняют вреда другим или не препятствуют их свободе» [2, 27]. Свобода, которая выходит за границы контроля, характеризует проявление любви и сексуальности в современности. Такая свобода вне контроля становится тем самым контролем над интимной сферой человеческих отношений. Таким образом, в современности проявление сексуальности, не противопоставлено морали христианства, оно вообще не противопоставлено морали и нормам.

Современный дискурс о любви и сексуальности с развитием информационных технологий перешел в цифровую реальность. Цифровая реальность расширяет потенциал проявления свободы любви. Паттерны любви, нормативность сексуальности диктуются теперь медиа-контентом, а для реализации романтических отношений создано отдельное цифровое пространство – дейтинг-приложения. Медиа-контент через социальные сети, рекламу, сериалы диктует образ легкой, беззаботной, свободной и счастливой любви. Такой формат любви описывал английский социолог Э. Гидденс в работе «Трансформация интимности»: «В нынешнюю эпоху идеалы романтической любви имеют тенденцию к фрагментации, на смену романтической любви пришла „любовь-слияние“» (confluent love – «конфлюэнтная любовь») [1, 83]. Сущность «любви-слияния» или «текучей» любви сводится к тому, что она не сосредоточена на единственном и неповторимом объекте любви, а направлена на поиск комфортных, эмоционально и сексуальную удовлетворяющих отношений в моменте настоящего. Если же такие цели в отношениях не достигаются, то пара не тратит время друг на друга и партнеры строят новые отношения для реализации новой конфлюэнтной любви.

С развитием дейтинг-приложений осуществить план реализации конфлюэнтной любви становится проще. Снижается ценность долгосрочных связей, так как человек всегда имеет представление о бесконечном выборе: «В наше время, с одной стороны, размылись границы класса, расы и гендера, а с другой стороны, благодаря интернету мы можем ВСЁ ВРЕМЯ флиртовать со ВСЕМ ЗЕМНЫМ ШАРОМ. Поэтому мы можем непрерывно предаваться фантазиям о ком-то другом, настоящем или вымышленном, кто кажется нам лучше нашего партнёра» [4, 23]. Э. Тоффлер писал о том, что в «информационном обществе» романтические взаимоотношения людей станут краткосрочными, подобно одноразовым феноменам современности: «автомобили берут напрокат, кукол отдают в счет покупки новых, одежду перестают носить, надев ее один раз» [5, 276]. Отсюда следует, что дейтинг-приложения формируют культуру одноразовых встреч, снижают ценность

долгосрочных связей и глубоких отношений, прививается нормативность беззаботности.

Кроме того, что стираются грани физического пространства, нейтрализуются и культурные, возрастные различия, а также черты индивидуальности самих пользователей. Мужчины и женщины в цифровом пространстве лишены ответственности за отношения, поскольку технологии формируют особый характер приватности пользователя дейтинг-приложения, где человек скрыт за множеством социальных статусов, порой не соответствующих действительности. Анонимность пользователей дейтинг-приложений влияет на их более свободное поведение, беззаботность по отношению к партнерам и их чувствам, безответственность за созданные ожидания, порой на преступления интимного характера. Данные формы поведения свидетельствуют о снижении эмоциональной и этической ответственности совершаемых действий пользователей дейтинг-приложений. Новый формат романтических отношений является более поверхностным, в нем прослеживаются легкий подход к началу и завершению отношений, так как партнеры стараются не привязываться друг к другу. Отсюда происходит игнорирование традиционных этических норм для реализации романтических отношений, таких как забота, бескорыстность, верность. Изменяется характер восприятия искренности и подлинности чувств.

Таким образом, с появлением дейтинг-приложений происходит трансформация романтических отношений. Формируется круг проблем требующих философской рефлексии над феноменом дейтинг-приложения, особым форматом романтических отношений. Также необходимы практические решения. В частности, требуется формирование этоса и юридической нормативности отношений в дейтинг-приложениях, а со стороны самих пользователей – развития цифровой грамотности в сфере романтических отношений, повышения осознанности и ответственности перед другими пользователями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гидденс Э. Трансформация интимности. СПб.: Питер, 2004. 208 с.
2. Иллуз Е. Почему любовь уходит? Социология негативных отношений / Пер. с англ. С. В. Сидоровой. М.; Берлин: Директмедиа Паблишинг, 2022. 384 с.
3. Фуко М. История сексуальности [Электронный ресурс] // Православный портал ПРЕДАНИЕ.РУ. URL: <https://predanie.ru/michel-foucault/istoriya-seksualnosti/chitat/> (дата обращения: 28.09.2025).
4. Стрёмквист Л. Расцветает самая красная из роз / Пер. В. Козловской. М.: No Kidding Press, 2023. 172 с.
5. Тоффлер Э. Шок будущего / Пер. с англ. Е. Руднева и др. М.: АСТ, 2002. 557 с.

УДК: 004.83

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ НА СЛУЖБЕ ОБЩЕСТВА: ПОЛЬЗА, ДОВЕРИЕ, УГРОЗА

Фоменко М.В.,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, г. Москва, e-mail: maryfom@mail.ru

Аннотация: Среди актуальных вызовов современного общества ведущее место занимает проблема разработки и внедрения искусственного интеллекта во многие социальные сферы. Обнаруживая положительные стороны служения ИИ на благо и развитие социума, появляются опасения и недоверие к данной технологии, которая активно стала вытеснять живого человека, эффективно заменять его в ряде отраслей, ущемлять его интересы и права. Автор отмечает, что одним из последствий подобной интеграции может явиться социальная напряженность, конкуренция, а также появление социального неравенства. Подводится итог о необходимости использования данных технологий как некое подспорье для человека, а не полное его замещение, и только в этом случае решать текущие социальные задачи, минимизируя возникновение новых.

Ключевые слова: искусственный интеллект, новейшие технологии, социальная безопасность, общественная жизнь, доверие.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AT THE SERVICE OF SOCIETY: BENEFIT, TRUST, THREAT

Fomenko M.V.,

PhD (Philosophy), Associate professor, Department of History and Philosophy, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, e-mail: maryfom@mail.ru

Abstract: Among the pressing challenges facing modern society, the development and implementation of artificial intelligence in many social spheres

occupies a leading position. While AI's positive impact on the welfare and development of society is being recognized, concerns and mistrust of this technology are emerging, as it has begun to actively displace humans, effectively replacing them in a number of industries, and infringing on their interests and rights. The author notes that one of the consequences of such integration could be social tension, competition, and the emergence of social inequality. The author concludes by emphasizing the need to utilize these technologies as a support for humans, rather than as a complete replacement, and only then can current social challenges be addressed while minimizing the emergence of new ones.

Keywords: artificial intelligence, latest technologies, social security, public life, trust

В конце прошлого века человечество быстрыми темпами начало развивать цифровые технологии и внедрять их в различные отрасли. Данные новации привели к информатизации практически всех сфер общественной жизни. В настоящее время почти каждый человек на планете имеет один или несколько электронных гаджетов, которые используются постоянно для поиска информации, коммуникации, работы, досуга и много другого. Также сравнительно недавно помимо электронных устройств в повседневной жизни людей стал применяться искусственный интеллект (ИИ), который уже сегодня активно задействован в медицине, образовании, транспорте, предпринимательстве и др. ИИ успешно используется для совершения расчетов, планировании, прогнозировании, написании текстов, поиске и обработке информации. Безусловно, данные технологии значительно облегчают труд людей, ускоряют многие процессы, но при этом вызывают и оправданную тревогу как у простых граждан, так и у специалистов, ученых, занятых изучением данной области [6, с. 149]. Все чаще звучат вопросы: способен ли ИИ развить свои способности до такой степени, что полностью заменит и вытеснит самого человека, сможет ли он помочь решить насущные социальные проблемы, появятся ли основания полного доверия суждениям и знаниям, которые ИИ

будет предлагать, не окажет ли он губительное воздействие на развитие общества и т.п.? Также у многих возникают вопросы о законодательной и этической проблемах применения ИИ, так как на данный момент, хотя и существует такая отрасль права как информационное право, защита авторских прав, но и оно еще не в полной мере осуществляет контроль над использованием этих новейших технологий.

Понятие «искусственный интеллект» появилось в 50-е годы прошлого столетия. Данный термин в 1956 году ввел Джон Маккарти на одной из конференций в колледже Дартмута, хотя идеи создания таких технологий возникли примерно на 20 лет раньше, и были предложены английским математиком Аланом Тьюрингом. В дальнейшем на протяжении 40 лет происходило большое количество исследований и прорывов в развитии искусственного интеллекта, однако в 70-е годы интерес к изучению данной технологии пошел на спад [2, с. 23]. Ключевым моментом для продолжения развития ИИ стала победа суперкомпьютера Deep Blue в 1997 году над чемпионом мира по шахматам Гарри Каспаровым. После этого тема искусственного интеллекта стала активно изучаться. Таким образом, почти за последние тридцать лет произошёл прогресс в развитии искусственного интеллекта, его внедрении во многие сферы жизни современного общества, обращение к данной технологии предлагает разные варианты решения актуальных социальных проблем [6, с. 153].

Безусловно, применение искусственного интеллекта имеет множество преимуществ, которые мы наблюдаем сегодня. Приведем некоторые приметы. Так, введение ИИ в производственный сектор позволило автоматизировать ресурсоемкие процессы, что снизило участие человека, а также риски, которые могут быть связаны с вредной и травмоопасной стороной данного труда. ИИ стал важным помощником человека в осуществлении анализов, расчетов, работы с большими базами данных, тем самым уменьшив вероятность совершения ошибок и затраты времени на проведение этих операций. Системы безопасности городов, которые управляются искусственным интеллектом способствуют

выявлению и предотвращению преднамеренных общественно опасных действий в местах массового скопления людей. Технологии искусственного интеллекта активно используются в медицине, позволяют врачам проводить быстрый анализ симптомов, что помогает более точно диагностировать вид заболевания у человека и назначить лечение. Многие предприниматели применяют ИИ в своих компаниях для того, чтобы обрабатывать данные и осуществлять прогнозы по построению эффективной стратегии развития производства и дальнейшему принятию правильных решений [3, с. 197].

Можно предположить, что искусственный интеллект способен оказать влияние и на глобальные проблемы, например, экологические, демографические, вооруженные конфликты [1, с. 106]. При его помощи правительства государств смогут с более высокой скоростью принимать тактические решения, использовать наилучшие варианты стратегий, что приведет к сохранению и обеспечению безопасности жизни как мирного населения, так и военных сил. Кроме того, возможно ИИ обеспечит государства такими вариантами решений конфликтов, учитывая которые вовсе не придется прибегать к вооруженным столкновениям стран.

И хотя искусственный интеллект имеет огромное количество способов применения, которые приносят значительный вклад в обеспечение интенсивного развития общества, он также способен привести и к стагнации. По причине внедрения данных технологий, на рынке трудовых ресурсов происходит исчезновение ряда профессий из-за того, что искусственный интеллект имеет большую производительность и эффективность, чем человек. Благодаря этому многие предприятия минимизируют свои издержки. Все это приводит к тому, что люди лишаются своих рабочих мест, в стране начинает расти структурная безработица, и как следствие, общий уровень жизни населения уменьшается, количество жителей среднего класса становится все меньше, потребительская способность граждан снижается, что, в свою очередь, оказывает пагубное влияние на экономику государства. Также искусственный интеллект ставит под угрозу права людей, например, право на неприкосновенность частной жизни,

право на свободу и личную неприкосновенность, право на тайну переписки, авторские права [7] и многие другие. В будущем это может нанести (и уже сейчас наносит) значительный ущерб, так как нейросети имеют доступ к личным данным, входящим в обрабатываемые базы данных, которые могут быть использованы без явного согласия людей [5, с.76]. К тому же ИИ способен выражать предвзятое отношение к тем или иным группам населения, народам, государствам, исходя из исторических источников, на которых он основывает свои «знания». Все это приводит к возможности ущемления населения в их законных правах, появлении вражды, неприятия и ненависти среди людей.

В настоящее время законодательство имеет так называемые «дыры» в отношении того, кто и как несет ответственность за принятые технологиями искусственного интеллекта решения, в случае нанесения какого-либо ущерба. Это дает поле для совершения противоправных действий программистами или заинтересованными людьми, так как нейросети развиваются и действуют исходя из того, что в них изначально было заложено. Из этого вытекает вопрос этики, ведь искусственный интеллект не обладает теми нравственными и моральными нормами, которые есть у человека [4, с. 68]. Но как же в таком случае ИИ сможет способствовать урегулированию актуальных социальных проблем?

Все вышесказанное позволяет отметить, что искусственный интеллект в том виде, в котором он сейчас существует и действует, приносит множество положительных моментов в социальную сферу, способствуя упрощению и облегчению некоторых аспектов жизни людей. Но, с другой стороны, важно понимать, что ИИ способен наносить огромный ущерб как экономический, так и моральный. В связи с этим необходимо использовать данные технологии как некоторое подспорье для человека, а не полностью замещать его, и только в этом случае мы сможем решать текущие социальные задачи, минимизируя возникновение новых. Также важно взять во внимание существование проблемы полного недоверия и скептического отношения большого количества людей к данным технологиям. Как показывает история, прогресс не остановить, жизнь постоянно ускоряется, технологии развиваются, следовательно, помощь

критически настроенным гражданам в осознании неизбежности применения новейших технологий, возможности их самостоятельного применения даст понимание о той пользе, которая приносится социуму.

Таким образом, искусственный интеллект – это значимый социокультурный феномен, внедренный во многие сферы общественной жизни. Применение ИИ имеет противоречивый характер: от возложения больших надежд, упования на «всемогущество» и совершенство, до полного недоверия и опасения общества. Разумное и осторожное использование ИИ приносит позитивные моменты в одни сферы жизни, но в то же время, негативно влияет на другие; одни люди безмерно доверяют ему и восхищаются его «разумностью» и быстротой ответов на любые вопросы, а другие скептически относятся, испытывая конкуренцию при потере рабочих мест, замене человека эффективной машиной, способствовании появлению социального неравенства. Поэтому всестороннее и глубокое дальнейшее изучение ИИ позволит лучше разобраться в его сложностях и стратегиях регулирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляков И.А., Фоменко М.В. Экология человека и проблема цифровизации современного мира // Философские проблемы экоориентированного развития человека, природы и многополярной цивилизации. Материалы II Ежегодной Международной конференции. 2022. С. 105-109.

2. Вдовина Т.А., Малафеева А.С. Этические аспекты инноваций: искусственный интеллект и его внедрение в бизнес-процессы предприятий // В сборнике: Экономика и инновации. Сборник статей участников межвузовской научно-практической конференции. В 3-х томах. Москва, 2024. С. 21-25.

3. Журин С.А., Фоменко М.В., Глазырина Я.Е., Свирина В.Ю., Червяков А.В. Деонтологические аспекты экономической науки постиндустриального общества // Право и практика. 2022. № 4. С. 196-201.

4. Кладько К.И., Смирнов В.Д. Этические проблемы применения искусственного интеллекта в бизнесе // В сборнике: Экономика и инновации. Сборник статей участников межвузовской научно-практической конференции. В 3-х томах. Москва, 2024. С. 66-70.

5. Лопатина Д.И., Гаврилова В.В. Анонимность как инструмент защиты конфиденциальных данных: этика технологий в сохранении личной информации // В сборнике: Экономика и инновации. Сборник статей участников межвузовской научно-практической конференции. В 3-х томах. Москва, 2024. С. 74-78.

6. Султанова М.А., Фоменко М.В. Внедрение современных технологий в общественные сферы: преимущества и недостатки // В сборнике: Освоение космоса и проблемы экоориентированного развития человека, природы и многополярной цивилизации. коллективная монография по итогам V ежегодной Национальной конференции с международным участием. Москва, 2025. С. 148-156.

7. Хаддур З. А. Искусственный интеллект и права человека: юридическая и этическая ответственность за ущерб, причиненный технологиями искусственного интеллекта // Право и управление. 2023. №3.

РАЗРАБОТКА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ СООБЩЕСТВОМ РОССИИ ПРИНЦИПОВ ПРИКЛАДНОЙ ЭТИКИ В СФЕРЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Вольнякова О.А.,

кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных наук, МИРЭА – Российский технологический университет, г. Москва,
e-mail: volya4@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается этический аспект развития искусственного интеллекта (ИИ), в том числе разработка профессиональным сообществом России принципов прикладной этики в сфере искусственного интеллекта. Показана специфика теоретической, практической и прикладной этики применительно к современным условиям развития техники и технологий. Проанализированы основные положения созданного российским деловым сообществом «Кодекса этики в сфере ИИ», в котором отражены принципы практической этики, основанные на классических этических нормах. Также рассмотрены статьи «Белой книги этики» в сфере ИИ, которая носит прикладной характер и охватывает широкий круг проблем, с которыми сталкиваются специалисты и пользователи в области ИИ. Акцентируется внимание на конкретных этических проблемах, связанных с использованием ИИ, в сфере образования, с которыми все чаще сталкиваются участники образовательного процесса. Сделан вывод о том, что ответственность за негативные последствия на всех этапах разработки и применения систем искусственного интеллекта всегда несет человек, воспитание и формирование мировоззрения которого является одной из ключевых задач высшего образования.

Ключевые слова: этика, искусственный интеллект, Кодекс этики в сфере ИИ, Белая книга этики в сфере ИИ, этические проблемы в сфере образования.

DEVELOPMENT OF APPLIED ETHICS PRINCIPLES IN THE FIELD OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE BY THE PROFESSIONAL COMMUNITY OF RUSSIA

Volnyakova O.A.,

PhD (Philosophy), Associate professor
Department of humane and social sciences
RTU MIREA Moscow,
e-mail: volya4@mail.ru

Abstract: The article considers the ethical aspect of the development of artificial intelligence (AI) including the development of principles of applied ethics in the field of artificial intelligence by the professional community of Russia. The specifics of theoretical practical and applied ethics are shown relating to present reality of development of engineering and technology. The major provisions of the «Code of Ethics in the Field of AI» created by the Russian business community which reflects the principles of practical ethics based on classical ethical standards are analyzed. The articles of the «White Paper of Ethics» in the field of AI which is of an applied nature and covers a wide range of issues faced by specialists and users in the field of AI are also considered. The emphasis is put on specific ethical issues associated with the use of AI in the field of education that are increasingly encountered by participants within the educational process. It is concluded that responsibility for negative consequences at all stages of the development and application of artificial intelligence systems is always taken by a person whose upbringing and mindset formation is one of the key goals of higher education.

Keywords: ethics, artificial intelligence, Code of Ethics in the field of AI, White Paper of Ethics in the field of AI, ethical issues in the field of education.

Этика как теоретическое знание и как особый раздел философии восходит к учению Аристотеля, который систематизировал предшествующие знания в этой области и создал свое оригинальное философское учение. В дальнейшем в развитии классической философии этические проблемы занимают значительное

место в творчестве мыслителей, которые, прежде всего, разрабатывают принцип взаимосвязи разума и нравственности, как высшей добродетели. На протяжении этого периода культивируется индивидуальная этика, предполагающая, прежде всего, ответственность человека перед самим собой и перед другими людьми. Хотя в этике уже существует понятие общего блага, тем не менее социальная этика, рассматривающая обязанности человека перед обществом, его социальными институтами и группами людей, наиболее полно развивается в неклассической философии, и в наше время включает, например, понятие «коллективная этика» (Х.Ленк).

Развитая этическая теория всегда предполагала применение ее принципов на практике, аристотелевско-кантовская традиция практической философии сохраняется и в наше время. При этом современный общественный прогресс характеризуется бурным развитием науки и техники, а, следовательно, появлением новых видов человеческой деятельности, которые нуждаются в этическом регулировании отношений между людьми в различных предметных областях. По мнению А.А. Гусейнова, одной из ключевых тенденций с конца XX века становится переход к *прикладной этике*, которая «занимается моральными коллизиями в конкретных сферах общественной практики и существует как совокупность дисциплин (биоэтика, этика бизнеса, этика науки, политическая этика и др.), которые стали составными элементами самих этих практик» [4]. Автор также подчеркивает сближение практической философии с прикладной, высказывая точку зрения, что прикладная этика является не просто частью современной этической науки, а новым этапом ее развития.

Стремительное развитие новейших технологий, в том числе, в области искусственного интеллекта, открывает новые возможности для человечества во всем мире, но вместе с тем, поднимает множество этических проблем, с которыми ранее не сталкивались люди. Поэтому решение философских вопросов, прежде всего, этический аспект разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта, крайне важен для понимания развития современной цивилизации и места человека в ней.

Осмысление новых возможностей и новых вызовов во всех областях современного технологического и технического развития предполагает появление новых разделов прикладной этики, в частности, в сфере искусственного интеллекта (ИИ). Так, в октябре 2021 года впервые деловым сообществом России на базе созданного в нашей стране Альянса в сфере ИИ, был разработан и принят «Национальный кодекс этики в сфере искусственного интеллекта», а также создана Национальная комиссия по реализации данного Кодекса. В документе подчеркнуто, что «Кодекс распространяется на отношения, связанные с этическими аспектами создания (проектирования, конструирования, пилотирования), внедрения и использования технологий ИИ на всех этапах жизненного цикла...» [3, с.4], и дана рекомендация всем участникам отношений в сфере ИИ руководствоваться установленными этическими принципами и стандартами.

В Кодексе зафиксированы важнейшие принципы, отражающие гуманистический характер деятельности в сфере ИИ. Прежде всего, провозглашается человеко-ориентированный подход, нацеленный на реализацию возможностей человека при сохранении нравственных и духовных ценностей. Подчеркнуто, что интеллектуальные способности человека являются самостоятельной ценностью и системообразующим фактором современной цивилизации. При этом участникам отношений в сфере ИИ рекомендуется на основе социальной ответственности учитывать негативные последствия и риски при применении современных технологий искусственного интеллекта.

Другим принципом, заложенным в Кодексе, является риск-ориентированный подход, который рекомендует учитывать возможные риски и масштаб угроз применения ИИ как для отдельного человека, так и общества в целом, а также необходимость принятия мер для предотвращения или ограничения наступления таких нежелательных последствий. В Кодексе справедливо отмечено, что ответственность за последствия на всех этапах разработки и применения систем искусственного интеллекта всегда несет человек. Авторы отмечают, что технологии ИИ нужно применять по назначению

и внедрять там, где это принесет пользу людям, а интересы развития ИИ должны быть выше соображений конкуренции.

Эти рекомендации, зафиксированные в Кодексе этики, свидетельствуют о том, что в условиях стремительно изменяющегося мира, создания и применения новых, ранее неизвестных технологий искусственного интеллекта, деятельность людей в этой сфере нуждается в регулировании нравственных отношений, а также в определенном контроле за их соблюдением. Все большее количество участников деятельности в сфере ИИ приходят к пониманию важности этического аспекта в развитии ИИ, о чем свидетельствует тот факт, что к лету 2025 года к российской инициативе присоединились уже более 900 организаций, включая свыше 80 зарубежных компаний² [2].

Любые этические нормы и принципы представляют собой идеалы и цели, к которым необходимо стремиться в практической деятельности, но они не могут учитывать каждый конкретный случай, с которым сталкиваются как создатели технологий ИИ, так и их пользователи. Для того, чтобы помочь ответить на эти вопросы и предложить пути их решения, в Национальной комиссии по реализации Кодекса этики в сфере ИИ на базе Альянса в сфере ИИ была создана «Белая книга этики» в сфере искусственного интеллекта. Ее авторами являются крупные специалисты из разных областей, которые сталкиваются на практике с этическими вызовами ИИ. В книге представлены ответы на наиболее актуальные этические вопросы, связанные с искусственным интеллектом, а также исследования по данной теме и практические рекомендации для минимизации этических рисков.

В Книге рассматривается широкий круг проблем, с которыми сталкиваются специалисты и пользователи: от моральных дилемм до вопросов использования ИИ в медицине, образовании и правосудии. Наибольший интерес для преподавателей и студентов вузов представляет раздел, посвященный использованию ИИ в сфере образования, так как ежедневно в преподавательской

---

² «К Кодексу этики в сфере ИИ присоединились 33 организации» [Электронный ресурс] // <https://www.gazeta.ru/social/news/2025/06/09/25993922.shtml> (дата обращения 1.09.2025).

деятельности приходится сталкиваться с проблемами, не имеющими однозначного решения. Обращаясь к содержанию этого раздела книги, следует отметить, что авторы на первое место ставят вопрос, на который необходимо дать принципиальный ответ: допустимо ли использование ИИ в образовательном процессе учащимися и преподавателями? В ответе специалистов содержится понимание невозможности отказа от новых технологий, приводятся аргументы в их пользу, но далее следуют ограничения и рекомендации: внедрять технологии ИИ в образовательный процесс в меру, не забывая про важность социальных связей; создавать образовательные программы по корректной работе с инструментами ИИ; определить четкие образовательные цели использования ИИ; соблюдать конфиденциальность при сборе, использовании и обработке персональных данных, включая социальные и этические соображения. Следующий вопрос: этично ли преподавателю вести предмет через свою цифровую имитацию без личного присутствия в аудитории? Ответ: нет, но допустимо при определенных условиях и обстоятельствах.

Реально существующий вопрос, с которым уже сталкиваются преподаватели в новой реальности – этично ли писать курсовые работы или иные учебные работы с помощью ИИ? Здесь дается более широкий спектр в пользу положительного ответа на этот вопрос с оговорками в том смысле, что технологии ИИ этично использовать в качестве инструмента, но не для подмены авторства. Далее рассматриваются вопросы, которые все больше проникают в профессиональную деятельность преподавателя: – можно ли с помощью ИИ проверять работы учащихся? – этично ли использовать системы прокторинга (наблюдения, контроля) на основе ИИ? – допустимо ли снижать оценку учащегося при подозрении на использование ИИ в учебе? – этично ли ограничивать использование ИИ детьми в образовательных целях вне соответствующих учреждений?» [1, с.114-135].

Очевидно, что эти сложнейшие этические вопросы не имеют однозначных ответов, предполагают множество ограничений, условий, обстоятельств и т.д., но за человеком всегда остается выбор, за который он несет ответственность

перед самим собой, перед другими людьми, перед обществом и человечеством в целом. В этой связи следует подчеркнуть, что таким принципам может следовать только мировоззренчески зрелая, духовно и нравственно развитая личность.

Но на современном этапе технологического прогресса цивилизации можно констатировать опережающее развитие техники и технологий искусственного интеллекта по сравнению с готовностью человека к их использованию, то есть очевидно наблюдается дисбаланс между развитием технологий и нравственным развитием человека. Этому способствуют такие факторы, как скорость технологических изменений, отсутствие четких универсальных этических стандартов для всех участников процесса развития технологий ИИ, предпочтение бизнес-интересов и стремление к прибыли в ущерб моральным нормам.

Анализируя основные положения представленных профессиональным, деловым сообществом рекомендаций, можно сказать, что они основаны на базовых ценностях и применимы в любой сфере человеческой деятельности, лишь имея свою специфику в прикладной области развития и использования ИИ. А это означает, что остаются неизблемыми общечеловеческие ценности, этические нормы, принципы, императивы, разрабатываемые философами и мыслителями на всем протяжении существования человечества. Поэтому необходимо уделять внимание, прежде всего, воспитанию человека, формированию у него ценностей, высшими из которых являются Истина, Добро и Красота. В этой связи в системе высшего образования должно укрепиться понимание недопустимости разрыва между профессиональной и гуманитарной подготовкой студентов, задачей которой и является формирование мировоззренческих установок, нравственных и духовных основ личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белая книга этики в сфере искусственного интеллекта / Под. ред. А.В. Незнамова М.: Nova Creative Group, 2024. 200 с.

2. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта // URL: <https://ethics.ai.ru/> (дата обращения 4.09.2025)
3. Новая философская энциклопедия // URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHe580c35fb9510cd4c8eae5> (дата обращения 5.09.2025)

РОЛЬ МОРАЛИ В ФОРМИРОВАНИИ НРАВСТВЕННЫХ ОРИЕНТИРОВ ОБЩЕСТВА

Петрова Е.И.,

кандидат философских наук, доцент кафедры правовых и политических наук,
Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила
Туган-Барановского, г. Донецк (ДНР)
e-mail: elena_i_v@inbox.ru

Аннотация: В статье рассматривается взаимосвязь между моралью и нравственностью, их роль в формировании человеческого поведения и ценностных ориентиров. Анализируются основные понятия морали и нравственности, их исторические и культурные особенности, а также влияние моральных принципов на развитие нравственных качеств личности. Автор подчеркивает важность морали как основы формирования нравственных ценностей и поведения, а также рассматривает современные вызовы и перспективы их взаимодействия. Статья способствует глубокому пониманию роли морали в воспитании нравственной личности и формировании гармоничного общества.

Ключевые слова: мораль, совесть, нравственность, ценностная система, социализация, моральные ориентиры.

THE ROLE OF MORALITY IN THE FORMATION OF SOCIETY'S MORAL GUIDELINES

Petrova E.I.

Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Legal and Political Sciences, Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky, Donetsk e-mail: elena_i_v@inbox.ru

Abstract: The article examines the relationship between morality and ethics, and their role in shaping human behavior and values. The article analyzes the basic

concepts of morality and ethics, their historical and cultural features, as well as the influence of moral principles on the development of an individual's moral qualities. The author emphasizes the importance of morality as a foundation for the formation of moral values and behavior, and also examines the current challenges and prospects of their interaction. The article contributes to a deeper understanding of the role of morality in the education of a moral individual and the formation of a harmonious society.

Keywords: morality, conscience, ethics, value system, socialization, moral guidelines.

Современная ситуация отличается глобализацией и формированием единой мировой общественной системы, что разрушает старые структуры, но не предлагает новых моральных ценностей и норм для всего человечества. Ценностная система общества крайне сложна, и её компоненты либо укрепляют социальные процессы, либо способствуют их радикальным изменениям. В процессе социализации и воспитания моральные ценности передаются из поколения в поколение через семейное воспитание, образование, культурные традиции. Эти нормы закрепляются в сознании человека и становятся частью его внутреннего мира, формируя нравственную личность. Без прочной моральной базы невозможно развитие нравственных чувств и поступков, которые способствует гармоничному сосуществованию в обществе. Мораль служит одним из способов адаптации индивидов к коллективному существованию, согласования личной свободы с социальными обязанностями и ответственностью, а также преодоления конфликтов между ними. Исторически она играет ключевую роль в социализации человека, проникая в его внутренний мир, и для её функционирования достаточно самоконтроля, собственной власти человека над собой.

Суть морали заключается в осознанной необходимости вести себя в соответствии с принятыми социальными нормами, опираясь на личные убеждения и общественное мнение.

Современное общество сталкивается с вызовами, такими как утрата моральных ориентиров, рост эгоизма и безответственности. В таких условиях особую важность приобретает воспитание нравственных ценностей, основанных на моральных принципах. Только через развитие моральных норм можно укрепить нравственность, сделать человека более ответственным, честным и добрым.

Мораль можно охарактеризовать как специфическую форму нормативно-оценочной ориентации людей в обществе, а также как ключевую разновидность общественной воли. Чувства долга, совести и чести формируются в социуме и становятся частью человека через процессы социализации и интериоризации. Мораль регулирует поведение и мышление во всех сферах жизни — экономической, политической, социальной и духовной, — и зависит от типа общества.

Общеввропейская традиция в понимании и толковании слова «мораль» исходит из ранней античности. Этимологической производной этого слова является латинское слово «mos» («mores») – «нравы». Казалось бы, уже этимологический предшественник «морали» несет в себе специфически нравственный смысл: нравы – это массовое поведение, имеющее собственно моральное значение и оценивающееся с нравственной точки зрения («добрые нравы», «преступные нравы», «деградация нравов»). То есть, говоря о нравах, мы имеем в виду лишь такие действия людей, которые имеют отношение к морали. Следовательно, нравственность подразумевается, как образ жизни той или иной общности. Другое смысловое значение слова «mos» - «закон», «правило», «предписание» - можно истолковать в специфически нравственном смысле: мораль как область нормативов, требований к поведению.

Моральные нормы не возникают в вакууме, они эволюционируют вместе с обществом. Основы нравственности уходят корнями в эпоху первобытного родового строя, где мораль была тесно связана с коллективным мышлением и выживанием. Здесь доминировали табу, ритуалы и мифология, которые регулировали поведение, предотвращая хаос в общине. Например, запреты на

инцест или каннибализм укрепляли социальные связи, формируя базовые нравственные ориентиры, основанные на солидарности и взаимопомощи. Этот период отмечен доминированием природы, чувственного опыта, иррационального мышления, а также фантастическим восприятием реальности. Характерны различные формы магии, тотемизм, фетишизм, системы запретов, обряды, ритуалы и мифология [5]. Широко признано, что кровнородственные связи служили организационными и нормативными принципами в первобытном обществе. Эти нормы выполняли регулятивную функцию, подобно государственным законам, хотя поддерживались не только общественным мнением и индивидуальным сознанием, но и деятельностью родовых и племенных органов (советы рода, собрания, старейшины) [1, с.138]. Как отмечал Пётр Кропоткин, эти нормы возникли из наблюдения за взаимопомощью в животном мире, что подчёркивает биологическую и социальную природу морали.

Мышление того времени было иррациональным, основанным на вымыслах и суевериях. Современными терминами его можно описать как «коллективную совесть» – совокупность эмоций и представлений, общих для членов сообщества. Так, Карл Юнг описывал архаическую психику как коллективную, надличностную душу, наделённую божественной творческой энергией, несравнимой с «униженной душой» современного человека [10]. Общинные нормы в таком обществе воспитывали коллективизм и солидарность, проявляясь в механической солидарности между людьми.

С переходом к патриархальному и классовому обществу мораль усложнилась. В законах Хаммурапи (II тыс. до н.э.) моральные принципы переплетались с правовыми нормами, где акцент делался на защиту собственности и семьи, появились новые нравственные нормы: укрепление авторитета мужчины как главы семьи, верность супруги, запрет на ложь и кровную месть. Это отражало сдвиг от коллективных ценностей к индивидуальным, но всё ещё под эгидой общинных традиций. Мораль здесь формировала ориентиры, такие как уважение к авторитету и справедливость, что

помогало стабилизировать общество. Этот период характеризовался слиянием моральной нормы с обыденной. Система табу играла ключевую роль, формируя сознание и волю индивидов. Распространилось архаичное понятие справедливости – принцип равного возмездия и кровной мести (талион). Этот обычай типичен для народов на примитивной стадии развития, без отношений господства и подчинения [3]. Зрелые общинно-племенные связи привели к возникновению классового государства, которое, опираясь на традиционный уклад, активно боролось с ним. Посягательства на частную собственность карались смертью [8]. Предусматривались смертные казни за воровство и ложь, а также членовредительство (отрезание ушей, пальцев). Конфликты разрешались через талион. Очевидно, что тогда не существовало универсальных императивов или абстрактных моральных ценностей, ни индивидуальной нравственной мотивации, хотя многие общинные запреты перешли в правовые кодексы и религиозные доктрины. Классовая рабовладельческая мораль основывалась на идеях права.

Процесс индивидуализации социального бытия, отделение индивидов от родовой общины, привёл к изменениям в сознании как форме социального контроля. Потребовались новые нормы, утверждающие личность как самостоятельного субъекта. Таким стал «золотой принцип» нравственности: поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой. Он упоминается с VI–V вв. до н.э. и присутствует в древнеиндийской культуре, Евангелии от Матфея, учении Конфуция («Не делай другим того, чего не желаешь себе»). С раннеклассового общества этот принцип широко распространился в истории этики, но обычно как житейское правило, а не этический принцип.

В Новое время, с развитием капитализма, мораль претерпела радикальные изменения. В этот период времени произошел качественный сдвиг в европейской нравственности и культуре. Декларация прав человека и гражданина 1789 г. провозглашает, что границы поведения определяют права и свободы других. Это не абстрактные моральные принципы или религиозные иллюзии, а реальное утверждение, что нравственный долг — самостоятельно строить жизнь, не

нарушая чужих прав. Содержание прав и свобод включает ключевые принципы, соответствующие общечеловеческим моральным требованиям: свобода, ненасилие, самоопределение личности, невмешательство в частную жизнь, неприкосновенность собственности, толерантность и др.

Представители данного временного периода истории Томас Гоббс, Джон Локк и Жан-Жак Руссо в своих работах обсуждали и провозглашали эти принципы высшими нравственными нормами, хотя это период начала различий субъективных представлений о добре, о зле, о справедливости. Так Т. Гоббс рассуждает о добродетели и нравах не в плане каких-то изначальных потенций человека как такового, разума и адекватного мышления субстанции, а, в плане привычек и склонностей человеческого поведения и устройства общественной жизни. Философ рассматривает добродетель в первом смысле присуща людям в их естественном состоянии или каждому человеку в отдельности в силу его индивидуальной, непосредственно ему присущей природы. Нравы, с этой точки зрения, определяются как прочно укоренившиеся привычки поведения. «Если нравы хороши, их называют добродетелями, если же они плохи, – пороками» [2, т.1, с.260]. Добро и зло – это всего лишь названия, присваиваемые вещам, обозначающие испытываемые людьми стремления и отвращения к оцениваемым предметам. В результате того, что люди «измеряют добро и зло различными мерами», возникает состояние войны между ними [2, т.1, с.338-339].

Иммануил Кант подчёркивал универсальные нравственные императивы, такие как уважение к человеку как цели, а не средства. Согласно его мнению свобода и равенство – ключевые черты категорического императива: «Поступай так, чтобы всегда относиться к человеку и в своём лице, и в лице всякого другого как к цели, а не только как к средству» [4, с.64-65].

Это заложило основы для демократических ориентиров, где личная свобода балансируется с ответственностью перед другими. Принцип свободы совести и вероисповедания наделялся объективностью и универсальностью как отражение естественного порядка. Равенство людей в демократическом обществе стало основой нравственных отношений. С точки зрения этики, мораль

объективна в своей основе, но субъективна в реализации. Она опирается на материальные условия и культурные традиции, но всегда направлена на гармонизацию интересов. Кантова идея категорического императива подчёркивает, что нравственные ориентиры должны быть универсальными, независимыми от личной выгоды. В противоположность этому, утилитаризм (Джон Стюарт Милль) оценивает мораль по полезности для большинства, что влияет на формирование ориентиров в демократических обществах.

В эволюционной этике Кропоткина мораль — это адаптационный механизм, помогающий выживать в коллективе. Это объясняет, почему нравственные ориентиры варьируются: в коллективистских культурах акцент на группе, в индивидуалистических — на личной свободе.

Значительные изменения в морали и нравственности наступили в капиталистическом обществе. Если в докапиталистических формациях мораль играла ведущую роль в формировании человека, то капитализм с рыночными отношениями, жадной наживы и богатства характеризуется нравственным упадком, аморальностью и дегуманизацией. Основоположники марксизма ярко описали капитализм: «Буржуазия повсюду, где достигла господства, разрушила все феодальные, патриархальные, идиллические отношения. Безжалостно разорвала она пёстрые феодальные узы, привязывающие человека к его «естественным повелителям», и не оставила между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного «чистогана» [6, с. 270]. В таком обществе нравственные ориентиры искажаются, способствуя дегуманизации и социальному неравенству. Беспощадная погоня за прибылью превращается в алчность, деформируя человеческие отношения и цели. Это приводит к разрыву связей между людьми, индивидуализму, аморальности, преступности и углублению разрыва между богатыми и бедными во всём мире.

Можно уверенно сказать, что современное капиталистическое общество склонно к размыванию моральных ценностей и дегуманизации человека. В погоне за прибылью транснациональные корпорации в бедных странах тормозят модернизацию, игнорируют безопасность, используют детский труд и

пренебрегают социальными проблемами. Для предпринимателей главное – богатство и успех в конкуренции. Ради этого они жертвуют моралью, полагаясь лишь на юридические нормы. Однако эти законы часто отстают от жизни, и бизнес действует по своему усмотрению, хотя неписанные моральные нормы реагируют быстрее, но ими пренебрегают.

Мораль — это не просто набор правил поведения, а фундаментальный механизм, который формирует нравственные ориентиры общества. Она выступает как невидимая сила, направляющая действия индивидов и коллективов, обеспечивая гармонию между личными интересами и общественными потребностями. В эпоху глобализации и стремительных социальных изменений роль морали становится особенно актуальной: без неё общество рискует скатиться к хаосу, где доминируют эгоизм и конфликт.

Духовная суть морали проявляется в ориентации индивидов и социальных групп на определённые нравственные ценности и нормы, что определяет их поступки и поведение. Особенность нравственных норм в том, что они не закреплены государственными институтами и не являются юридическими, как законы. Они соблюдаются благодаря внутреннему представлению человека о себе и оценке окружающих – одобрению или осуждению. Без морали общество не может функционировать.

Множество существующих концепций не дают исчерпывающего ответа на происхождение морали и её понимание как общественной воли и стержня человека. Вероятно, в результате длительной исторической практики, формирования социальных потребностей в деятельности и поддержании целостности бытия возникают моральные ценности. Люди следуют им не как запретам, а как должному. Моральные предписания обычно выражаются в повелительной форме: "не убий", "проживи незаметно". Нормы требуют определённого поведения, а не просто убеждают. Могут быть единичные (например, этика врача) или универсальные, относящиеся ко всем. Категорические (христианские) или ситуационные.

Источник нравственных норм – обычаи, традиции, авторитет (Сократ, Иисус, Магомет). Материальные условия тоже влияют, порождая нормы. В этике подчёркивается объективность норм, независимость от произвола. Однако предписания субъективны по природе, выражая волю групп, Бога или личные мотивы.

Норма становится нравственной, когда осознаётся индивидом и превращается в его внутреннюю необходимость, волю. По объективной сути моральные нормы – специфическая форма согласования свободы и воли человека с общими потребностями, интересами других субъектов. Они относительны, но выражаются в общечеловеческой форме. Каждая норма проверяется на универсальность, как утверждал Кант. Поведение мотивируется природными и социальными потребностями, обстоятельствами. Но есть и моральная реальность – ограничения, накладываемые волей.

Общество устанавливает и исполняет нормы, особенностями которых заключаются в следующем: они побуждают к добру, принимаются добровольно, не ради пользы, а для выбора целей; запрещают и обязывают жить сообща; ставятся и соблюдаются человеком. Мораль – общественное начало в человеке, связующее до других связей [9, с. 383-391].

Как уже отмечалось выше, моральные ценности включают добро, зло, любовь, справедливость, долг, ответственность, совесть, стыд. Они фиксируют разные аспекты нравственности: добро — ценностно-нормативный, совесть и стыд — духовно-психологические регуляторы. Хотелось бы остановиться на понятии «совесть», которое занимает особое место. Совесть – наложение санкций на себя. Но не у всех она развита, поэтому героизм может отсутствовать, если нет внутреннего «должен». Существует внутренний голос, диктующий поступать «по совести». «Новая философская энциклопедия» определяет совесть как «способность критически оценивать себя, осознавать и переживать несоответствие должному – неисполнение долга» [7, с. 585]. Чем выше социальное развитие и активность личности, тем важнее роль совести. Совесть считается стержнем человека; отсутствие приводит к краху, деформации

отношений, разрушению моральных ценностей и духовному кризису. Таким образом, совесть – духовная способность, механизм сохранения нравственных качеств и поведения.

Современное российское общество нуждается в моральном воспитании из-за снижения моральных норм. Возможно ли научить моральным ценностям? Специально подготовленных учителей нет, но человека можно и должно научить: он не может жить без смысла. Никто не придаст смысл, кроме него самого. Задавая направление жизни, человек учитывает интеллектуальный, практический и моральный опыт окружающих, но ответственность за выбор лежит на нём. Все качества, сформированные воспитанием, эффективны, только пройдя через личность в процессе индивидуального и общественного развития.

Таким образом, мораль играет ключевую роль в формировании нравственности, являясь фундаментом для развития духовных и этических качеств личности. Взаимодействие этих понятий способствует созданию гармоничного общества, в котором ценятся честность, справедливость и уважение к другим.

Сегодня мораль сталкивается с вызовами цифровой эры: социальные сети усиливают эхо-камеры, где нравственные ориентиры поляризуются. Капитализм часто эксплуатирует мораль для маркетинга, маскируя эгоизм под «социальную ответственность». Чтобы противостоять этому, общество нуждается в активном формировании ориентиров через образование и культуру. Воспитание должно развивать критическое мышление, позволяя индивидам самостоятельно усваивать моральные ценности в процессе личного и социального развития.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что мораль – это динамичный механизм, формирующий нравственные ориентиры общества от первобытных табу до глобальных императивов. Она обеспечивает адаптацию, гармонию и прогресс, но требует постоянного обновления. В эпоху перемен общество должно культивировать мораль, чтобы избежать хаоса и построить справедливый мир. Только так нравственные ориентиры станут подлинным компасом для человечества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валеев Д.Ж. Происхождение морали. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1981. 168 с.
2. Гоббс Т. (1588-1679) Избранные произведения [Текст] : в 2 т. : [пер. с лат. и англ.] / Томас Гоббс. Москва : Мысль, 1964.
3. Гусейнов А.А. Социальная природа нравственности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974. 157 с.
4. Кант И. Сочинения в шести томах / И. Кант [Под общ. ред. В. Ф. Асмуса. А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана] М.: изд-во «Мысль», 1965. Т. 4. Ч. 1. 544 с.
5. Леви-Стросс К. Первобытное мышление. М., 1994. М.: «Республика». 1994. 384 с.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Государственное издательство политической литературы. Москва 1955. Соч. т. 4. 450с.
7. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии Российской акад. наук, Национальный общественно-научный фонд ; науч.-ред. совет.: В. С. Степин (пред. совета) и др..2-е изд., испр. и допол. М.: Мысль, 2010. Т.4: . 735 с.
8. Хрестоматия по истории Древнего Востока: Учебное пособие, в 2-х частях. Под ред. М. А. Коростовцева, И. С Кацнельсона, В. И. Кузищина, М.: Высш, школа, 1980. 328 с.
9. Этика : учебник для бакалавров / под общ. ред. А. А. Гусейнова. М. :Издательство Юрайт, 2013. 571 с. Серия : Бакалавр. Углубленный курс.
10. Юнг К.Г. (1875-1961.) Проблемы души нашего времени / К. Г. Юнг; Перевод с нем. А. М. Боковикова; [Предисл. А. В. Брушлинского]. Москва: Прогресс : Универс, Б. г. (1994). 329 с.

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЭТИКИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Чугрина О.Р.,

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии и психологии, Донецкий институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Донецк, e-mail: oksana_chygrina7@mail.ru

Аннотация: В данной работе анализируется трансформация этических принципов под влиянием глобализационных процессов и технологического прогресса. Подчеркивается возрастающая значимость нравственных ориентиров в современном обществе, а также акцентируется внимание на анализе этических коллизий, детерминированных политическими, экономическими и технологическими факторами. Рассматривается концепция глобальной этики как попытка формирования консенсусного набора моральных императивов, призванных регулировать общественные отношения, однако отмечается критика данного подхода в связи со сложностью унификации этических практик в поликультурном пространстве. Особое внимание уделяется формированию новых этических дилемм, обусловленных необходимостью пересмотра существующих нормативных установок, а также эволюции новых направлений в рамках глобальной этики, таких как этика устойчивого развития и этические аспекты взаимодействия с искусственным интеллектом.

Ключевые слова: этика, добродетель, мировоззренческие ориентиры, социальные трансформации, глобальная этика.

PROBLEMS OF MODERN ETHICS IN THE CONTEXT OF SOCIAL TRANSFORMATIONS

O.R. Chugrina,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor
Department of Philosophy and Psychology, Donetsk Academy of Management and
Public Administration, Donetsk, e-mail: oksana_chygrina7@mail.ru

Abstract: This paper analyzes the transformation of ethical principles under the influence of globalization processes and technological progress. The increasing importance of moral guidelines in modern society is emphasized, and attention is also focused on the analysis of ethical conflicts determined by political, economic and technological factors. The concept of global ethics is considered as an attempt to form a consensus set of moral imperatives designed to regulate public relations, however, criticism of this approach is noted due to the difficulty of unifying ethical practices in a multicultural space. Special attention is paid to the formation of new ethical dilemmas caused by the need to revise existing regulatory frameworks, as well as the evolution of new directions within the framework of global ethics, such as ethics of sustainable development and ethical aspects of interaction with artificial intelligence.

Keywords: ethics, virtue, ideological orientations, social transformations, global ethics.

Современная этика столкнулась с ситуацией, когда в динамично меняющемся мире, в условиях глобализации и процессов общественной трансформации многие традиционные нравственные ценности были пересмотрены или претерпели изменения. Традиционные устои общества были расшатаны или даже разрушены. Это привело к попыткам построения новой моральной аргументации, обоснованию прав и свобод человека, построению новой теории справедливости, переосмыслению категории блага в условиях либерализма и т.д. Показательным для современной этики стало выявление слабостей теории утилитаризма, выявление различий между этикой долга и этикой добродетелей и др.

Целью данной работы является анализ проблем и актуализация этики в контексте поиска консенсуса по поводу общего этического минимума для решения проблем современного социума в условиях социальных трансформаций.

XXI век является периодом, характеризующимся нестабильностью, социальными сдвигами и тотальной социокультурной дезориентацией личности. Современные подходы к моральным проблемам могут опираться и на традиционные, и на современные этические концепции. В качестве ориентира могут быть религиозная (протестантская этика), этика утилитаризма, эвдемонизм и гедонизм, прагматизм, этика долга и другие традиционные этические концепции. Вариациями более современных этических теорий можно считать теорию справедливости Дж. Ролза, этику коммуникативного дискурса, феминистическую этику, этику А. Швейцера (уважение любой формы жизни), современную этику добродетели, этику постмодернизма и другие.

Современные теории отличает направленность на поддержку другого человека, выражающееся в благотворительности, достижении при данных обстоятельствах гармонии, стремление к сотрудничеству, устранении социальных противоречий. Так, например, этика долга предполагает равное отношение к людям, где одним из способов ее обоснования является универсализм. В сравнении с ней современная этика добродетели допускает различное отношение к разным людям, в зависимости от их особенностей и практических достижений. Здесь, как указывает А.В. Разин, моральные качества соотносятся с различными социальными способностями и являются дифференцированными [2, с. 476].

Стоит отметить, что понятие добродетели как набора определенных качеств менялось в различных культурах и исторических эпохах и понималось как определенные умения и социальные качества. В современной этике добродетели происходит объединение моральных и прагматических мотивов бытия, нравственная позиция индивида может быть аргументирована на основе эмоционального удовлетворения без обращения к Абсолюту (как, например, в

деонтологической этике).

Таким образом, главными мировоззренческими ориентирами с точки зрения современной этики можно выделить – стремление к справедливости, уважение и бережное отношение к другим формам жизни, признание ценности индивидуального бытия, самореализация, ориентированная на общезначимые социальные ценности, воспитание добродетелей.

В целом можно отметить, что решить нравственные проблемы в социальной и профессиональной сфере, исходя из позиций только одной теории, одного принципа, является почти невозможной задачей. Подобная ситуация, обусловлена тем, что принцип – это некоторая абстракция, упрощение разнообразных отношений человека с обществом, с другими людьми и, таким образом, искажение нравственного бытия людей; моральные проблемы общественной жизни очень сложные и разнообразные, в разных ситуациях и в отношении различных субъектов человек может опираться на различные этические принципы и ценности [3, с. 247]. В современном обществе равноправно сосуществуют различные этические системы, что предполагает различную этическую оценку явлений в деятельности человека.

В ранее опубликованных работах, мы отмечали, что возрастание роли нравственного фактора является закономерным для цивилизованного социума и актуализирует значение личности. В последние десятилетия проблемное поле этики характеризовалось ярко выраженной глобальной ориентацией; акцентом на разработку аналитических подходов и концептуальных моделей, направленных на исследование как текущих этических проблем, порожденных политикой и практикой современного социума, так и множества этических вопросов, встроенных в глобальную политическую экономию XXI века; исследованием этических проблем, которые обостряются и возникают с развитием сложных современных технологий [4, с. 412].

Концепция глобальной этики возникла в контексте поиска консенсуса по поводу общего этического минимума для решения общих проблем. Многие моральные проблемы приобретают глобальное измерение, поскольку границы

между различными мнениями и позициями совпадают с границами культур и религий, стран и народов. Влияние этих процессов обусловили ориентацию на более универсальные инновационные ценности – ценности, характерные для всех этносов и составляющих универсальные практически для всех цивилизаций компоненты общественных идеалов: понимание, терпимость, ответственность, солидарность, прощение; усиление плюрализма, повышение ответственности. Это обусловило развитие концепции глобальной этики («Декларация о глобальной этике» 1993 г., «Декларация глобальной этики» 2004 г.). Концепция глобальной этики вызывает неоднозначную реакцию, в связи со сложностью стандартизации моральных практик.

Свое влияние оказывает технологизация и информатизация современной жизни. Один из крупнейших современных социологов Р. Мюнх характеризует складывающуюся ситуацию следующим образом: «Происходит трансформация жизненного мира современного человека... Информатизация и научность жизни – это направление (тенденция), которая следует из экспансии научно-технической цивилизации... Вопросы этики будут все больше подчиняться делу взвешивания и согласования интересов, следовательно, и экономическому, правовому образу мысли» [1, с. 85].

В условиях социальных трансформаций появляются новые этические дилеммы, возникает необходимость пересмотра этических норм, происходит развитие новой глобальной этики, учитывающей особенности глобализованного и многополярного мира (например, этика устойчивого развития – ориентация на долгосрочное благополучие людей и планеты; этика взаимодействия с искусственным интеллектом – обеспечение этического использования искусственного интеллекта в государственном управлении; глобальная этика государственных служащих – формирование универсальных этических принципов для управленцев во всем мире).

ЛИТЕРАТУРА

1. Девятова С.В. Проблема ценностно-этических ориентиров в цифровом обществе // Социально-политические науки. 2021. №1(11). С. 83-88.

2. Разин А.В. Этика: история и теория / А.В. Разин. М.: Академический Проект, 2002. 496 с.

3. Чугрина О.Р. Деонтология как нравственный ориентир в сфере профессиональной деятельности // Пути повышения эффективности управленческой деятельности органов государственной власти в контексте социально-экономического развития территорий: материалы V Международной науч.-практ. конф. (Донецк, 3-4 июня 2021 г.). Секция 3. Теоретико-правовые и философско-психологические основы обеспечения социальных инноваций в деятельности органов государственной власти / ГОУ ВПО «ДонАУиГС». – Донецк: ДонАУиГС, 2021. С. 247-249.

4. Чугрина О.Р. Этические аспекты управленческой деятельности в условиях современного менеджмента // Интеллектуальная культура Беларуси: духовно-нравственные традиции и тенденции инновационного развития: материалы Пятой междунар. науч. конф. (19-20 ноября 2020 г., г. Минск). В 3 т. Т. 2 / Ин-т философии НАН Беларуси; редкол. А.А. Лазаревич (пред.) [и др.]. – Минск: Четыре четверти, 2020. С. 412-415.

LEGALTECH 2025: ТРАНСФОРМАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО БИЗНЕСА И ВЛИЯНИЕ НА РЕГИОНАЛЬНУЮ ЭКОНОМИКУ

Демидов С.С.,

доцент кафедры правовых и политических наук,
Донецкий национальный университет экономики и торговли имени
Михаила Туган-Барановского, г. Донецк,
e-mail: serzh.demidoff@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается динамичное развитие сферы LegalTech в 2025 году и ее влияние на оптимизацию бизнес-процессов юридических фирм и формирование новой экосистемы на рынке юридических услуг. Подчеркивается, что внедрение решений LegalTech позволяет автоматизировать рутинные задачи, повысить эффективность работы юристов и снизить операционные издержки. Отмечается влияние LegalTech на региональную экономику, в частности создание новых рабочих мест для специалистов в области информационных технологий, юриспруденции и бизнеса; стимулирование инноваций; приводит к снижению транзакционных издержек и способствует привлечению инвестиций. Автор делает вывод о том, что успех юридической фирмы в цифровую эпоху определяется не только внедрением передовых технологий, но и умением сочетать их с глубоким пониманием специфики российского законодательства и потребностей клиентов.

Ключевые слова: LegalTech, правовые технологии, юридические фирмы, искусственный интеллект, блокчейн, Big Data, цифровизация, региональная экономика, рынок юридических услуг.

LEGALTECH 2025: TRANSFORMATION OF LEGAL BUSINESS AND IMPACT ON THE REGIONAL ECONOMY

Demidov S.S.,

Associate Professor of the Department of Legal and Political Sciences,
Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail
Tugan-Baranovsky, Donetsk, e-mail: serzh.demidoff@yandex.ru

Аннотация: This article examines the dynamic development of LegalTech in 2025 and its impact on the optimization of law firms' business processes and the formation of a new ecosystem in the legal services market. It emphasizes that the implementation of LegalTech solutions enables the automation of routine tasks, increases the efficiency of lawyers, and reduces operating costs. It also highlights LegalTech's impact on regional economies, including the creation of new jobs for IT, legal, and business specialists; the stimulation of innovation; and the reduction of transaction costs and the attraction of investment. The author concludes that the success of a law firm in the digital age is determined not only by the implementation of advanced technologies but also by the ability to combine them with a deep understanding of the specifics of Russian legislation and client needs.

Ключевые слова: LegalTech, legal technologies, law firms, artificial intelligence, blockchain, Big Data, digitalization, regional economy, and the legal services market.

Сфера LegalTech в 2025 году продолжает динамично развиваться, оказывая существенное влияние на оптимизацию бизнес-процессов юридических фирм и формирование новой экосистемы рынка юридических услуг. Эти изменения, в свою очередь, приобретают все большее значение для региональной экономики, стимулируя инновации и повышая конкурентоспособность. Внедрение LegalTech решений позволяет автоматизировать рутинные задачи, такие как анализ документов, составление исковых заявлений и проверка соответствия нормативным требованиям. Это освобождает юристов от выполнения монотонной работы, давая им возможность сосредоточиться на более важных и стратегических аспектах своей деятельности, например, на консультировании

клиентов и разработке сложных юридических стратегий. Повышение эффективности работы юридических команд приводит к снижению операционных издержек и увеличению прибыльности юридических фирм [2, с.79].

Одним из ключевых трендов 2025 года является активное использование искусственного интеллекта и машинного обучения в LegalTech. ИИ помогает анализировать огромные объемы правовой информации, выявлять скрытые закономерности и прогнозировать исход судебных дел. Это позволяет юристам принимать более обоснованные решения, минимизировать риски и повышать вероятность успеха в суде. Кроме того, ИИ используется для разработки чат-ботов, которые предоставляют клиентам круглосуточную поддержку и отвечают на часто задаваемые вопросы [7].

Развитие LegalTech также способствует большей прозрачности рынка юридических услуг. Онлайн-платформы позволяют клиентам сравнивать цены на услуги различных юридических фирм и выбирать наиболее подходящего специалиста. Системы управления юридическими проектами обеспечивают клиентам возможность отслеживать ход выполнения работ и контролировать расходы. Это повышает доверие клиентов к юридическим фирмам и способствует формированию более здоровой конкуренции на рынке.

Влияние LegalTech на региональную экономику проявляется в нескольких аспектах. Во-первых, развитие этой отрасли создает новые рабочие места для специалистов в области информационных технологий, юриспруденции и бизнеса. Во-вторых, внедрение LegalTech решений повышает эффективность работы местных предприятий, снижает транзакционные издержки и способствует привлечению инвестиций. В-третьих, LegalTech стимулирует инновации и развитие смежных отраслей экономики, таких как консалтинг, образование и страхование [5].

Так, для рынка LegalTech разработан широкий спектр цифровых инструментов, которые были созданы с учетом потребностей корпоративных клиентов и профессионалов в области юридических услуг. Предлагаемые

технологии способствуют автоматизации таких бизнес-процессов, как электронный документооборот и электронная подпись, разработка и создание шаблонов документов, предоставление справочной информации, управление интеллектуальной собственностью, а также контрактами, обмен данными и т.д.

По данным аналитической компании «Future Market Insights», мировой рынок LegalTech оценивался в 29,6 млрд долл. в 2024 г. Эксперты прогнозируют устойчивую тенденцию к увеличению, предполагая среднегодовой темп роста в 9 %. Ожидается, что к 2034 г. объем рынка достигнет 68,1 млрд долл. [9].

В свою очередь, российский рынок LegalTech обладает своими особенностями, однако по своему объему отстает от таких стран, как США, Китай, Япония и других государств Европы. К примеру, в России использование такой услуги, как юридический аутсорсинг, встречается реже, чем в зарубежных странах (российские заказчики услуг предпочитают обращаться к внутренним специалистам и юристам). Отметим и сохранение на российском рынке юридических услуг стереотипа, касающегося новых технологий и цифровизации в целом – что цифровые решения стоят дорого и они небезопасны [1, с.241].

Важно отметить, что LegalTech является важным фактором развития юридической отрасли и региональной экономики в 2025 году. Дальнейшее внедрение и развитие правовых технологий будет способствовать повышению эффективности работы юридических фирм, увеличению прозрачности рынка юридических услуг и стимулированию инноваций. Инвестиции в LegalTech становятся все более привлекательными, а специалисты в этой области – востребованными на рынке труда.

Рассмотрим тенденции LegalTech, оптимизирующие бизнес-процессы юридических фирм в 2025 г.

Первой тенденцией является формирование механизмов правовой экспертизы с помощью искусственного интеллекта. Использование искусственного интеллекта в оказании юридических услуг позволяет автоматизировать рутинные операции, что значительно облегчает труд исполнителей услуг (освобождает от необходимости обрабатывать большие

объемы информации вручную и предоставляет возможность используя искусственный интеллект одновременно анализировать тысячи документов, не испытывая при этом усталости). Искусственный интеллект способен трансформировать способы предоставления юридических услуг, а также саму структуру работы юридических фирм (например, интеллектуальные платформы по обработке и анализу текстовых данных выявляют ошибки в документах, проводят юридическую экспертизу нормативных актов и дают оценку правовых рисков для ведения бизнеса) [10].

В дальнейшем, использование ИИ может привести к значительным изменениям в скорости и точности обработки информации, необходимой для оказания услуг. Алгоритмы машинного обучения анализируют большие массивы нормативных актов, судебных прецедентов и доктринальных источников, с целью выявления критического несоответствия, а также рисков и возможности для их правоприменения. Автоматизация таких рутинных задач, как проверка договоров на предмет стандартных положений, выявление конфликтов интересов и оценка вероятности успеха в судебном разбирательстве облегчит работу специалистам и позволит сосредоточиться на более трудоемких и творческих аспектах своей деятельности.

Следующая тенденция заключается в реализации технологий блокчейн в юридических контрактах. В Российской Федерации при оказании юридических услуг все чаще прослеживается интерес к использованию технологий блокчейн, в особенности для оформления договоров (включая использование смарт-контрактов в межбанковских операциях). Несмотря на «сдержанное» отношение со стороны государства и отсутствие четкого законодательного регулирования, блокчейн постепенно проникает в исследуемый нами рынок услуг. Это гарантирует определенную долю прозрачности, а также оптимизацию бизнес-процессов юридических фирм, что особенно касается управления договорными обязательствами и ведения судебных дел [8, с.290]. Автоматически исполняющиеся при определенных событиях «умные контракты» сокращают транзакционные издержки, а также предотвращают споры по неисполнению

обязательств в сферах, для которых ключевым становится высокий уровень доверия (международная торговля, защита интеллектуальной собственности, управление недвижимостью и т.д.).

Реализация методик работы с Big Data и предиктивной аналитикой при принятии решений. Интеграция Big Data и прогнозной аналитики в процесс принятия решений способствует более глубокой подготовке к судебным разбирательствам, а также дает возможность идентифицировать все потенциальные риски, разработав оптимальную стратегию. Применение Big Data позволяет обнаружить неочевидные взаимосвязи и закономерности, которые могут ускользнуть при их стандартном анализе. Например, анализ текстов судебных решений, законодательных актов и юридической литературы позволяет системе прогнозировать вероятность положительного исхода той или иной аргументации, выделяя сильные и слабые аспекты позиции заказчика услуги, а также оценивать возможные риски, связанные с выбранной тактикой.

В свою очередь, предиктивная (прогнозная) аналитика разработана для оказания помощи исполнителям юридических услуг в процессе принятия решений. Например, при наличии значительных объемов несистематизированной информации и архива судебных дел, данная система выполняет статистический анализ, на основе которого предсказывает наиболее вероятные исходы дел [3, с.221]. В дальнейшем, это обеспечит возможность выхода за рамки интуитивных оценок, с опорой на объективные данные, а также прогнозирование результатов судебных разбирательств, выявление рисков нарушений законодательства и разработка более эффективных стратегий юридической защиты на основе анализа больших объемов информации. Предполагается, что это позволит повысить конкурентоспособность юридических фирм благодаря формированию положительной репутации, а также повышения доверия со стороны заказчиков услуг, для которых важным условием выступает профессионализм специалистов, который основан на фактах и доказательствах.

Развитие онлайн-форматов функционирования рынков юридических услуг. Для оказания юридических услуг продолжается использование и распространение практики применения онлайн-платформ (к примеру, предоставление в режиме онлайн конструкторов юридических документов). Благодаря развитию цифровизации оказание юридических услуг будет происходить более автоматизировано, а затраты специалистов на ручную обработку документов сократятся, способствуя дальнейшей цифровизации исследуемого нами рынка [6]. Также, развитие цифровых технологий, а именно интеграция интернет вещей (IoT) в юридическую деятельность, сможет обеспечить доступ к большому массиву данных, которые собирают с различных устройств и датчиков, что может стать источником доказательств в самых разных областях права.

При понимании общих тенденций LegalTech, оптимизирующих бизнес-процессы юридических фирм, важно принимать во внимание специфику правовой системы Российской Федерации, регулярно анализируя обновления в нормативно-правовых актах, либо же адаптировать универсальные программные продукты (учитывая местные практики, востребованные на рынке юридических услуг).

В настоящее время использование цифровых инструментов предоставляет юридическим фирмам значительные преимущества, а такие программы, как системы электронного документооборота уже прочно вошли в юридическую практику. Интеграция LegalTech в российскую юридическую практику – это не просто следование общемировым трендам, а насущная необходимость для повышения конкурентоспособности и эффективности. Грамотное внедрение цифровых решений, адаптированных к реалиям отечественного рынка, позволяет оптимизировать рабочие процессы, сократить издержки и улучшить качество оказываемых услуг [4, с.164].

В конечном итоге, успех юридической фирмы в цифровую эпоху определяется не только внедрением передовых технологий, но и умением сочетать их с глубоким пониманием специфики российского законодательства и

потребностей клиентов. Инвестиции в LegalTech – это инвестиции в будущее юридического бизнеса, способного оперативно и качественно решать задачи любой сложности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Демидов С. С. Аналитический обзор проблем развития рынка юридических услуг в условиях цифровизации // Экономика и управление: проблемы, решения. 2024. № 11, Т. 15. С. 239–251.

2. Демидов С. С. К вопросу об эволюции юридических услуг и влиянии цифровизации на современные векторы их развития // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. 2023. № 2. С. 77–84.

3. Демидов С. С. Концепт развития рынка юридических услуг в условиях цифровизации // Экономика и управление: проблемы, решения. 2024. № 12. С. 219–228.

4. Демидов С. С. Моделирование стратегии цифровизации рынка юридических услуг Донецкой Народной Республики // Экономика строительства. 2025. № 2. С. 162–166.

5. Демидов С. С. О состоянии отечественного рынка юридических услуг и его значении для современной экономики // Экономика и управление: проблемы, решения. 2025. № 2, Т. 6. С. 66–78.

6. Российский юридический рынок: реалии и перспективы: Infotropic Media [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://infotropic.ru/rossijskij-yuridicheskij-rynok-realii-i-perspektivy/> (дата обращения: 30.08.2025).

7. Цифровые технологии в юриспруденции: 4 главных тренда 2025 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vc.ru/services/1310120-cifrovye-tehnologii-v-yurisprudencii-4-glavnyh-trenda-2024-goda> (дата обращения: 04.09.2025).

8. Щербачева Л. В. Современные IT-технологии в юриспруденции // Образование и право. 2023. № 9. С. 289–291.

9. LegalTech Market Growth – Trends & Forecast 2024–2034 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.futuremarketinsights.com/reports/legaltech-market> (дата обращения: 02.09.2025).

10. Rothwell D. W. & Wu S. Exploring the relationship between financial education and financial knowledge and efficacy: Evidence from the Canadian financial capability survey. *Journal of Consumer Affairs*, 53 (4). P. 1725–1747.

ФИЛОСОФИЯ ЗАБОТЫ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: НОВАЯ МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ?

Миркушина Л.Р.,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии,
Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина,
г. Москва, e-mail: lrmirkushina@msal.ru

Аннотация: Актуальность настоящей статьи обусловлена процессом интеграции систем искусственного интеллекта в социально-экономические процессы, что усиливает внимание к этическим аспектам и оценкам рисков его использования. Опираясь на нормативную теорию – этики заботы, автор пытается анализировать потенциал ИИ как социотехнологического инструмента для помощи уязвимой группе населения, в особенности пожилым людям. Рассматриваются два ключевых направления, где используются алгоритмы ИИ: вспомогательная ассистивная робототехника и мобильные приложения, чат-боты, включающие функцию системы поддержки принятия врачебного решения (СППВР). Выявлено, что наряду с преимуществами внедрения алгоритмов ИИ, таких как повышение эффективности диагностики заболеваний, помощь в мониторинге когнитивного состояния пожилых людей, существуют и определенные риски. Автор отмечает проблему дегуманизации, этической предвзятости алгоритмов, нарушения конфиденциальности и дезинформации. Подчеркивается, что баланс между технологическими решениями и человеческим опытом является необходимым условием устойчивого развития систем здравоохранения и социальной поддержки.

Ключевые слова: этика заботы, искусственный интеллект, уязвимая группа населения, социальная поддержка, медицина, социальные роботы.

CARE PHILOSOPHY AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE: A NEW MODEL OF SOCIAL SUPPORT?

Mirkushina L.R.,

PhD (Philosophy), Associate professor, Department of Philosophy and Sociology, Kutafin Moscow State Law University, Moscow, e-mail: lrmirkushina@msal.ru

Abstract: The relevance of this article stems from the integration of artificial intelligence systems into socioeconomic processes, which is increasing attention to the ethical aspects and risk assessments of their use. Drawing on normative theory—the ethics of care—the author analyzes the potential of AI as a sociotechnological tool for assisting vulnerable groups, particularly the elderly. Two key areas where AI algorithms are used are examined: assistive robotics and mobile applications, including chatbots that incorporate medical decision support systems (MDSS). It is revealed that, along with the benefits of implementing AI algorithms, such as increased diagnostic efficiency and assistance in monitoring the cognitive state of the elderly, there are also certain risks. The author notes the problem of dehumanization, ethical bias in algorithms, privacy violations, and misinformation. It is emphasized that a balance between technological solutions and human expertise is a prerequisite for the sustainable development of healthcare and social support systems.

Keywords: ethics of care, artificial intelligence, vulnerable group of the population, social support, medicine, social robots.

Сегодня мы живём в мире, где демографические изменения влияют на содержание социальной политики. Если мы обратимся к статистике, то увидим, что существует тенденция увеличения доли пожилых людей в общей численности населения, идет процесс старения населения. По прогнозам Росстата, к 2035 году количество пожилых россиян достигнет 34 млн — 24% от населения страны. К чему это может привести? Будет увеличиваться нагрузка на системы здравоохранения, социальные службы, и, как следствие, ощущаться

острая нехватка медицинских кадров. Данная реальность ставит вопрос: как общество будет заботиться о тех, кто нуждается в поддержке? Сначала надо разобраться что мы понимаем под Этикой заботы.

Современное прочтение этики заботы мы можем найти в работе Кэрл Гиллиган «Иным голосом. Психологическая теория и развитие женщин» [3]. Данная нормативная теория основана на принципах восприятия индивидуальных обстоятельств каждого индивида (культурных особенностей, состояния здоровья, семейного положения), что позволяет формировать более комплексную поддержку для уязвимых групп населения, в частности пожилых людей. Исследователи стремятся сместить фокус к имманентности жизни, утвердить значимость взаимосвязи между людьми, внимательное, неравнодушное отношение к самой личности, его ценностям и потребностям.

Но при ограниченных ресурсах крайне тяжело учитывать индивидуальные потребности каждого человека. В связи с этим происходит оптимизация процессов в социальной и медицинской сферах. Частично подобные проблемы уже сейчас решаются за счет внедрения цифровых технологий: электронные медицинские карты; телемедицина; мобильные медицинские приложения, проводящие диагностику с помощью алгоритмов ИИ, внедрение ассистивной робототехники. Однако здесь возникает вопрос: могут ли внедряемые машинные алгоритмы, постоянно совершенствуясь, проявлять заботу на технологическом уровне, помогая уязвимым категориям населения? Ведь при массовом внедрении технологии нельзя исключать человеческого отношения. Здесь философия заботы задаёт принципиальный ориентир: технологии должны усиливать заботу, а не заменять её.

В нашей работе мы выделяем два основных вида систем ИИ как инструмента и помощника в медицине и социальной службе для уязвимой группы населения. К первому виду мы относим вспомогательную ассистивную робототехнику, которая представлена роботами-помощниками (социальные роботы) – новое поколение сервисных роботов, которые делят «жизненное пространство» с людьми и напрямую взаимодействуют с ними. Их

отличительной особенностью является способность воспринимать окружающую среду и людей, с помощью датчиков и интеллектуальных алгоритмов, мультимодально общаться с пользователями, автономно ориентироваться и самостоятельно принимать решения [10, С.50]. Основными целями использования данных роботов является помощь пожилым людям и их опекунам в решении бытовых задач (обслуживания), мониторинг здоровья, поддержка коммуникации, работа в качестве сиделки, няньки, персонального помощника, напоминание о приеме лекарств, помочь сделать зарядку, а в случае чрезвычайной ситуации вызвать службу помощи и позвонить близким. Такие компании как ElliQ, NEC Corporation, OriHime внедряют роботов с функцией поддержания коммуникации с пожилыми людьми, а также для предотвращения социальной изоляции [2]. Мелиса Яшински, в журнале *Science Robotics*, описывает пилотное испытание социального робота, предназначенного для мониторинга когнитивного состояния пожилых людей в домашних условиях, с целью выявления ментальных нарушений, что может способствовать своевременному началу терапии и замедлению прогрессирования деменции [9].

Второй тип устройства – система поддержки принятия врачебного решения (СППВР), основанная на алгоритмах ИИ. Они представляют особый интерес в медицине из-за возможности анализировать большие наборы данных, включая широкий массив медицинских изображений, таких как рентгеновские снимки, магнитно-резонансная томография, компьютерная томография и дерматологические фотографии и проводить диагностику различных заболеваний. Появляется много новых данных об эффективности их использования в здравоохранении. Осенью 2023 г. появилась информация, что ChatGPT (чат-бот с ИИ) помог установить редкий диагноз ребенку из США в то время, как 17 врачей в течение трех лет не могли определить болезнь и назначить правильное лечение [4]. Известен случай, когда когнитивный сервис диагностики IBM Watson выявил у 60-летней пациентки редкую форму лейкемии, изучив 20 миллионов научных статей о раке всего за 10 минут [6]. Мобильное приложение «ProРодинки», разработанное группой российских

ученых, помогает предварительно установить природу пятен на теле и диагностировать дерматологические заболевания, благодаря компьютерной программе без участия специалиста. Также, в целях обеспечения безопасности пожилых людей предлагаются услуги мониторинга их состояния в домашних условиях, такие как «Умная опека». Сервис работает с помощью установки камер на основе искусственного интеллекта, которые отслеживают сотни факторов одновременно и реагируют в случае подозрений на потенциально опасную ситуацию, намного оперативнее, чем человек.

Совместное исследование компании Genotek и Центра искусственного интеллекта НИУ ВШЭ показало эффективность нелинейных моделей машинного обучения в предсказании генетических рисков, что открывает путь к более точной персонализации медицинских рекомендаций и терапии, особенно при сложных взаимодействиях генов (эпистазах). Нейросетевые модели значительно улучшают прогнозирование риска ожирения, диабета первого типа, псориаза и других многофакторных заболеваний [8].

Однако, необходимо обратить внимание и на отрицательные стороны цифровой интеграции. Во-первых, это неизбежность дегуманизации. Снижение человеческого взаимодействия может привести к обесцениванию заботы как исключительно человеческого качества, а сокращение социального взаимодействия оказывает негативное влияние на здоровье, а также физическое и психологическое благополучие пожилых людей. С точки зрения не которых ученых, лишение их такого контакта неэтично и даже является формой жестокости. Последние научные данные показывают, что активное социальное участие в среднем и позднем возрасте обеспечивает защиту от некоторых последствий старения (ослабление памяти, ухудшение когнитивных способностей), тогда как потеря или ограничение социальных контактов оказываются фактором риска развития деменции [5]. В этом контексте использование роботов может негативно сказаться на состоянии людей старшего поколения. Прежде всего потому, что число социальных контактов пожилых и немощных людей и без того ограничено. С использованием же роботов оно

может быть сведено к минимуму. Кроме того, современные роботы-компаньоны слишком несовершенны, а их функции ограничены, поэтому они не могут обеспечить должный уход. Наконец, существует риск того, что опекуны и родственники пожилых людей будут использовать роботов в качестве оправдания для того, чтобы оставлять последних в одиночестве на более длительный срок. Проблема дегуманизации системы здравоохранения может усиливать разрыв эмоциональной связи между врачом и пациентом, снижать уровень ответственности медицинского персонала и грозить утратой врачами специализированных навыков.

Также, возникает проблема «объективации», когда пожилой пациент, который не может самостоятельно себя обслужить рассматривается не как разумная личность, а только как «физическое тело», с которым производят различного рода манипуляции. Специалисты в области этики отмечают, когда эмоциональная поддержка делегируется устройствам, приложениям, социальным роботам возрастает риск «притупления» привычки к сочувствию у медицинского персонала, а пациенты чувствуют себя в роли «объектов обработки данных», что ухудшает исходы лечения. Доктор Фрэнсис Пибоди в своей лекции «Забота о больном» («The care of the patient») отмечал значимость доверия между пациентом и врачом, которая осуществляется через эмоциональную связь, сочувствие и заботу: «Секрет врачевания заключается в заботе о больном человеке» [11, с.880].

Кроме того, доверие к алгоритмам ИИ может подрываться в связи с «алгоритмической предвзятостью». Искусственный интеллект обучается на данных, которые основаны на результатах лечения и многолетнего наблюдения за определенными группами населения (по признакам расы, пола возраста), что может повлиять в дальнейшем на диагностику и клинический исход. Исследование, опубликованное в журнале Science, подтвердило расовую предвзятость в алгоритме, применявшемся для выявления пациентов со сложными медицинскими потребностями [7, с.449]. Алгоритмы стратификации риска, которые использовались в сетях крупных госпиталей США направляли на

программы интенсивного наблюдения на 50% реже темнокожих пациентов с той же тяжестью заболеваний, что и белых. Такая предвзятость является серьезной этической проблемой в области ИИ, может еще сильнее углубить дискриминацию людей в сфере здравоохранения и повлиять на решения миллионов людей в отношении лечения, что может оставить их без необходимой помощи.

И, наконец, проблема «выравнивания» (AI Alignment Problem) — это проблема согласования целей автономных систем с ценностями человека, чтобы предотвратить вред и обеспечить соответствие технологий общественным интересам. В 2014 году Бостром опубликовал книгу «Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies» [1], где изложил аргументы о том, что сверхразумный ИИ может выйти из-под контроля, если его цели не будут четко согласованы с человеческими ценностями. Данный тезис приводит к пониманию, что технологии не являются нейтральными, а несут в себе ценностные предпосылки, определяющие характер взаимодействия между людьми и цифровыми системами. Следовательно, построение систем поддержки не может быть сведено к автоматизации процедур – оно должно опираться на философско-этические принципы.

Таким образом, новая модель социальной поддержки, основанная на ИИ, должна быть не просто технологическим проектом, а философским проектом заботы: где уязвимость признаётся основой человеческого существования, где технологии встроены в отношения эмпатии и ответственности, где цифровое будущее не разрушает, а укрепляет человеческое достоинство. Будущее заботы — это не выбор между человеком и машиной, это выбор в пользу того, чтобы технологии служили человеческой заботе, а не подменяли её.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bostrom N. Superintelligence: paths, dangers, strategies. – L., 2014. P. 27-30.

2. Broadbent E., K. Loveys J Aging. ElliQ, an AI-Driven Social Robot to Alleviate Loneliness: Progress and Lessons Learned, E. // Res & Lifestyle. 2024. №13. P. 22-28
3. Gilligan C. In a Different Voice. Psychological Theory and Women's Development. Camb. (Mass.): Harvard University Press, 1982; 184 p.
4. Joshu, E. Toddler Whose Symptoms Puzzled 17 Doctors for Three year is Finally Diagnosed With Rare Condition... by ChatGPT. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dailymail.co.uk/health/article-12509111/ChatGPT-diagnosis-rare-condition.html>, accessed on 22.04.2025].
5. Kiss M. European Parliamentary Research Service/EPRS. Vulnerable social groups: Before and after the crisis. Members' Research Service, 2016. 8 p.
6. Li B. AI in Oncology: When Science Fiction Meets Reality// Artificial Intelligence in Oncology. 2018. Vol. 1. № 1. P 1–2.
7. Obermeyer, Z. et al. Dissecting Racial Bias in an Algorithm Used to Manage the Health of Populations// Science. 2019. № 366. P. 447–453.
8. Perelygin V, Kamelin A, Syzrantsev N, Shaheen L, Kim A, Plotnikov N, Ilinskaya A, Ilinsky V, Rakitko A and Poptsova M. Deep learning captures the effect of epistasis in multifactorial diseases. // Front. Med. 2025. №11
9. Yashinski M. Social robot for at-home cognitive monitoring // Science Robotics. 2024. Vol. 9. № 94.
10. Середкина Е.В., Грунвальд А. Этические проблемы в области ассистивной робототехники для пожилых людей: философские vs эмпирические исследования // Технологос. 2023. № 4. С. 48–59.
11. Peabody F.W. The Care of the Patient. Journal of the American Medical Association. 1927. Vol. 88, P. 877–882.

ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

Арапов О.Г.,

кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных наук Института технологий управления РТУ МИРЭА, г. Москва,
email: arapov@mirea.ru

Аннотация: В настоящее время, в связи с интенсивной трансформацией общества, обусловленной процессами глобализации, цифровизации, использования технологии искусственного интеллекта в различных сферах социальной жизни по-новому встает вопрос о социальной роли (предназначении) в современном мире университета в целом и гуманитарного образования в частности. Представляется плодотворным осмыслить эту проблему на основе концепции современного философа Билла Ридингса. В статье показаны этапы исторического становления системы университетского образования и соответствующая каждому этапу «идея университета». Ставятся проблемы современного периода развития университета, особое внимание уделено роли гуманитарного образования в его структуре, показано, что большое значение теперь получает преподавание с целью не только и не столько передать «готовое» знание, сколько побудить мыслить студента, сформировать умение применять полученное знание на практике, т.е. в своей повседневной жизни.

Ключевые слова: университет; гуманитарное знание; преподавание; мышление, диалог.

PROBLEMS OF HUMANITARIAN EDUCATION AMID SOCIETAL TRANSFORMATION

Arapov O.G.,

PhD of Philosophical sciences, Associate Professor Department of Humanities and Social Sciences, Institute of Management Technologies, Russian Technological University, Moscow, email: arapov@mirea.ru

Abstract: Nowadays, due to the processes of globalization and digitalization, the idea of the university is being transformed and the question of the mission of the university and humanitarian education in the modern world is being raised in a new way. Based on the ideas of Bill Ridings, the article examines the process of historical formation of the university and, following the author, raises questions about the current stage of its development. It is shown that teaching as a way of activating the student's thinking is of special importance now.

Key words: university; humanitarian knowledge; teaching; thinking; dialogue.

Вопрос о месте и значении гуманитарного образования в современном университете, как представляется, плодотворно обсуждать в связи с осмыслением процессов трансформации университетского образования в современной культуре, а также в связи с обсуждением проблемы взаимосвязи абстрактности гуманитарного знания и конкретной непосредственной жизнью человека. Этот вопрос является, с одной стороны, традиционным – во все времена гуманитарии, в частности философы, стремились познать сущность и предназначение гуманитарного знания (философии), с другой – он остро актуален и мотивирован современной исторической ситуацией, когда мы наблюдаем обесценивание гуманитарного знания в системе наук и образования, в структуре мировоззрения современного человека, все больше ориентированного на прагматические ценности. Практика преподавания философии в высшей школе только подтверждает это.

В современной гуманитарной мысли активно обсуждается вопрос о миссии и идее современного университета [3,4,5,7]. Для раскрытия нашей позиции будем опираться на исследование этой проблемы в работе Билла Ридингса «Университет в руинах» [6]. Изучая процесс развития университета, Ридингс приходит к выводу, что в основании каждого этапа лежит регулирующая его

деятельность идея, а именно это идея разума, или идея культуры, или идея совершенства.

Утверждение о том, что миссия университета заключается в развитии у человека рационального начала, формирования «мужества пользоваться собственным разумом» была обоснована Кантом. Он был одним из первых, кто предложил реформировать сложившуюся во времена Средневековья структуру университета. В работе «Спор факультетов» [2] Кант показывает, что философский факультет из подготовительного должен стать самостоятельным и взять на себя роль основы университетского образования. Ведь три старших факультета: теологический, юридический, медицинский опираются на определенную авторитетную инстанцию – Библию, юридические законы, профессиональные правила лечения – и только философия автономна и подчиняется самому чистому разуму и его собственной практике. Разум становится универсальной основой для всех дисциплин университета.

Вторая идея, которая по-новому понимает роль университета в жизни государства и общества – это идея культуры. Она формировалась как ответ на задачи своего исторического времени, осмысление и решение которых было предпринято в творчестве Шиллера, Гегеля, Шлейермахера, Гумбольдта и др. Под культурой они понимали сумму всех знаний и их применение для развития и процветания национального государства. Ридингс отмечает, что «под рубрикой культуры университету приписывается двойная задача: исследование и преподавание, т.е. соответственно формирование и расширение национального самосознания». [6, с. 32]. Созданный Вильгельмом фон Гумбольдтом в 1809 году Берлинский университет сочетает в себе идею исследования, получения объективного научного знания и идею формирования, воспитания, культивирования человека. «По существу, он становится институтом, на который возлагается задача присмотра за духовной жизнью народа рационального государства» [6, с. 32]. В решении этой задачи большое значение имеет философия, на что указывает Гегель (к слову, он один из ректоров

Берлинского университета) в своей статье «О преподавании философии в университетах» [1].

С конца XIX века начинает меняться роль философии в университетском образовании. Теперь центральной дисциплиной, на которую национальное государство возлагает задачу формирования культурной идентичности, становится литературоведение. Не философия, а литература сплачивает людей в нацию. Такая перемена находит свое отражение в структуре университета: философский факультет преобразовывается в факультет гуманитарных наук.

Ридингс в своей работе «Университет в руинах» показывает, что с середины двадцатого века университет начинает опираться на идею «совершенства». У этой идеи отсутствует какое-либо конкретное содержание, совершенство исчисляется количественными показателями. Университет оценивается в соответствии с индикаторами результативности, а преподаватели составляют всевозможные отчеты, призванные оценить эффективность его деятельности. В результате университет становится корпорацией, оказывающей образовательные услуги, а ключевой фигурой в университете становится администрация.

Встает вопрос о том, какие будут перспективы развития университета и гуманитарного образования в частности? Ридингс предлагает сделать предметом интеллектуальных усилий поиск нового основания, новой идеи университета, которую связывает с процессом преподавания. В процессе изучения какой-либо дисциплины взаимодействие между преподавателем и студентом способно активизировать процесс мышления, причем важно студента побудить мыслить, а не передать ему знание. Ридингс считает, что *мышление* может стать идеей университета. В отличие от совершенства, способного создавать видимость своего значения, поскольку никто не спрашивает, *что* оно означает, мышление вынуждает человека постоянно вопрошать. Роль преподавателя состоит в том, чтобы создавать условия для вопрошания. Так понятий процесс взаимодействия преподавателя и студента возвращает нас к основополагающим принципам сократовской майевтики и диалогам в духе Платона. И это выводит нас на

указанную в начале статьи проблему взаимосвязи абстрактности гуманитарного знания и конкретной непосредственной жизнью человека. Другими словами, можно сказать, что это проблемы «применения», познанный не только к познавательной реальности, но и к жизни конкретного человека.

Возникает проблема ответственности за воплощение в жизнь полученного знания и по-новому встает проблема практической философии и вновь становится актуальной идея Канта о том, что нужно иметь мужество пользоваться своим разумом. Однако теперь разум ориентирован не только на получение теоретического знания, но знание становится действенным, ориентирующим в мире жизни. Как представляется, преподавание гуманитарного знания обладает огромным потенциалом для реализации этой новой идеи университета, именно оно способно создавать ситуацию вопрошания и активизации мышления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гегель. О преподавании философии в университетах// Гегель. Работы разных лет. В двух томах. Т.1. М.: «Мысль», 1970. С. 417-427.
2. Кант И. Спор факультетов. Калининград: Изд-во КГУ, 2002. 286 с.
3. Кислов А.Г., Шмурыгина О.В. Идея университета: ретроспектива, версии и перспективы // Образование и наука. 2012. №8. С. 96–120.
4. Колесников С.А. Университет: от фундамента к руинам... и – обратно? (К вопросу о соотнесенности университетологии Гегеля и «университетомании» Ридингса // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2020. Т.6 № 4. С. 22–30.
5. Ольшанникова Н.А. Эволюция идеи университета в эпоху индустриализации // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2017. №1. С. 141-145.
6. Ридингс Б. Университет в руинах / пер. с англ. А. М. Корбута; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. 304 с.

7. Строгеекая Е.В. Идея и миссия современного университета // Вопросы образования. 2009. № 4. С. 67–81.

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

Одинцова Е.А.,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой правовых и политических наук, Донецкого национального университета экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского, г.Донецк,
email: eaodintsova11@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается проблема дегуманизации социальной среды и личности в условиях научно-технического прогресса. Обосновывается необходимость адаптации человека к быстро меняющемуся миру и осмысления последствий технологических преобразований. Анализируется роль системы образования в формировании не только профессиональных навыков, но и общечеловеческих ценностей. Делается вывод о возрастающей значимости гуманитарного образования для преодоления ограничений техноцентрической системы, формирования нравственного стержня личности и обеспечения устойчивого развития общества.

Ключевые слова: дегуманизация, естественнонаучное знание, гуманитарное образование, научно-технический прогресс.

THE HUMAN DIMENSION OF EDUCATION IN THE CONTEXT OF TECHNOLOGICAL PROGRESS

Odintsova E.A.,

Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Legal and Political Sciences,
Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky, Donetsk,
email: eaodintsova11@mail.ru

Abstract: The article discusses the problem of dehumanization of the social environment and personality in the context of scientific and technological progress. The article substantiates the need for human adaptation to a rapidly changing world and for understanding the consequences of technological transformations. It analyzes the role of the education system in shaping not only professional skills, but also universal human values. The article concludes that the increasing importance of humanities education is crucial for overcoming the limitations of the technocentric system, forming a moral core of the individual, and ensuring sustainable development of society.

Keywords: dehumanization, natural science knowledge, humanities education, scientific and technical

«Быть человеком – это чувствовать свою ответственность».

Сент-Экзюпери

Начиная с 1960-х годов прошлого столетия активно формировались концепции индустриального, постиндустриального и технотронного общества. Утверждалось, что научно-техническая революция создаст условия для гармоничного и бесконфликтного развития личности при сохранении её гуманистической природы. Однако реальная практика достаточно быстро показала несостоятельность подобных оптимистических прогнозов. Наряду с очевидными достижениями научно-технический прогресс стал источником множества негативных последствий, приведших к дегуманизации социальной среды и самого человека как её неотъемлемой части. Односторонняя ориентация на научно-технические достижения, рассматривавшиеся как главный критерий общественного развития, отодвинула личность с её духовным и психофизиологическим миром на периферию социальной жизни.

Сегодня всё более актуальной становится проблема адаптации человека к стремительно меняющемуся миру, необходимости осмысления причин и сути происходящих преобразований, а также их возможных последствий.

Современные социально-политические, экономические и технологические изменения создают сложные вызовы, успешно справиться с которыми можно только при эффективной работе системы образования. Образование – ключевой элемент социальной структуры государства, и главный фактор, определяющий конкурентоспособность как отдельного государства, так и всей страны. Сейчас активно обсуждается тот факт, что общество нуждается в совершенно других качествах личности, чем те, которые традиционно формировались в отечественной системе образования.

Наука и образование «воспринимаются сегодня как решающие факторы технико-технологического, социально-экономического и духовно-нравственного развития, более того, как единственно возможная, безальтернативная стратегия выживания социума» [5, с.8].

Однако существует значительный разрыв между нормативным представлением о науке и образовании и их реальной практикой. Современное образование, в отличие от классического, всё меньше ориентировано на воспитание и духовное становление личности. Приоритет последних десятилетий – рациональное знание без ценностной составляющей. Если для античной и восточной традиции идеалом была «мудрость, соединяющая знание с добродетелью, то идеалом современности является «чистое» знание, наука. [1, с.88].

Приверженность технократической парадигме привела к ряду неоднозначных открытий, в том числе с потенциальными антигуманными последствиями и угрозой для окружающей среды. Несмотря на это, мир продолжает двигаться в направлении всё большей технологизации всех сфер жизни. Технологизация нашей жизни, как отмечает А.В.Гладкий, достигла уровня, при котором «техника заняла в жизни людей то место, которое прежде занимала религия» [3, с.7]

В современный период высшие учебные заведения преимущественно ориентируются на формирование у студентов профессиональных навыков, востребованных на рынке труда. Однако подобный подход, характерный для

общества потребления, таит в себе риск: специалист начинает рассматриваться скорее как продукт, нежели как личность. В итоге представители нового поколения зачастую выходят в профессиональную сферу узкими специалистами, лишенными широты мировоззрения.

В связи с этим особенно актуальным становится переход к личностно-ориентированной модели образования, которая могла бы преодолеть ограничения техноцентрической системы. Образование молодежи во все времена являлось и продолжает оставаться важнейшей задачей общества. Сегодня требуется найти гармонию между развитием профессиональных компетенций и воспитанием общечеловеческих качеств – доброты, сочувствия, честности, ответственности и любви. Именно эти ценности определяют подлинную сущность человека, формируют его нравственный стержень и служат основой для устойчивого развития общества и сохранения окружающего мира.

Успешные преобразования общества зависят не только от наличия материальных ресурсов, а в большей степени от интеллектуального капитала, то есть от тех, кто осуществляет эти преобразования. Человек, который создает различные цивилизационные блага, является самым значимым ресурсом общественного развития. Только от самого человека и его внутренних установок, зависит, будут ли использованы те или иные достижения во благо или во зло [4, с.203].

Следует признать, что «фундаментом, движущей силой и целью науки, техники, экономики является человек, более того, «человеческий ресурс» определяет само существование цивилизации. «Взбесившиеся» технологии (будь то производство, политика, наука или финансы) нуждаются в «этической узде», т. е. в соответствии человеческой мере, сущностным потребностям и целям человека. А эта цель – жизнь, телеснодуховное благополучие человека – есть инстанция нравственной ответственности любой деятельности людей в природе, культуре, науке, образовании [2, с.3].

Таким образом, по мере выявления неоднозначности социальных последствий научно-технического процесса, и в условиях, когда направление

развития общества напрямую зависит от воли и сознания людей, становится очевидным возрастающее значение гуманитарного образования.

В последние десятилетия исследователи всё чаще приходят к выводу, что доминирование естественнонаучного знания над гуманитарным стало одной из причин гуманитарного кризиса в целом и кризиса системы образования в частности. Профессионализм стали трактовать преимущественно как владение узкой специальностью и успешность в конкретной сфере деятельности. В результате укрепилось мнение, что знания, выходящие за рамки профессиональных требований, не имеют ценности для человека. В этом заключается «одно из глубочайших заблуждений сегодняшнего отношения к профессионализму, основанное на одностороннем и узком его понимании» [6, с. 37].

Низкий уровень гуманитарной подготовки препятствует значительной части выпускников вузов в полном раскрытии их гражданского потенциала и успешной профессиональной самореализации. Недостаточная осведомлённость в социально-гуманитарной сфере лишает молодых людей возможности глубоко понимать происходящие в стране и мире процессы и осмысливать причины тех или иных событий.

Между тем, гуманизация образования предполагает обращение всей системы к личности обучающегося – к его сознанию, чувствам, разуму, воле, к способности понимать мир, ориентироваться в нём, действовать достойно и ответственно.

Таким образом, следует признать: назрела острая необходимость пересмотра подходов к гуманитаризации образовательного процесса. Актуализация гуманитарных наук в значительной мере связана с их содержательной и идеологической спецификой, ориентированной на анализ ключевых социальных проблем и акцент на человеке как субъекте общественной жизни.

Так, И.И.Легостаев утверждает, что «выращивание нового человека в условиях идеологического вакуума (в отсутствие национальной идеи) по сути

своей – утопическая мысль. Процесс этот не может идти произвольно, он должен регулироваться умно, ответственно, без насилия над личностью, диалогично, соотносясь с ценностями и ценностными установками другого человека» [3, с.8].

Следует отметить, что результативность работы образовательных учреждений во многом определяется согласованностью ценностных ориентиров государственных и общественных институтов, участвующих в формировании ценностного массива общества.

Итак, модернизация современного образования должна заключаться не только в структурно-технологических изменениях, но, прежде всего, в обновлении содержания подготовки человека к новым цивилизационным реалиям. Речь идёт о глубокой переориентации целей и задач образовательного процесса, о фундаментальном утверждении гуманитарного измерения и мировоззренческой подготовки современного профессионала.

Ограничиваться лишь введением в учебные планы традиционных гуманитарных дисциплин и увеличением их удельного веса для гуманитаризации образования недостаточно. Требуется пересмотр содержания самих гуманитарных наук с учётом современных тенденций, а также создание междисциплинарных модулей, объединяющих профильные курсы с классическими гуманитарными предметами. Подлинная гуманитаризация образовательного процесса должна привести к гармоничному сочетанию общеобразовательных, профессиональных знаний и духовных компонентов – социально-нравственных, этических и эстетических ценностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баева Л.В. Образование в XXI веке и проблемы социально-гуманитарного знания // Философия образования. 2007. №3 (20) С.88-94
2. Валицкая А.П. Гуманитаристика и гуманитарное знание: в концепции модернизации высшего образования// Вестник Герценовского университета. 2009. № 11 (73). С.3-6.

3. Легостаев И.И. Высшее гуманитарное образование: проблемы и перспективы // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2009. № 3. С.3-10.

4. Одинцова Е.А. Гуманитарное образование как смыслоопределяющий вектор развития современного общества // Формы культуры и противоречия современного общества: Материалы международной научной конференции (Донецк, 27 апреля 2019 г.) / Отв.ред.к.филос.н.,доц. Рагозина Т.Э. Донецк: ГОУВПО «ДонНТУ», 2019. 316 с. С.202-207.

5. Соснина Т.Н. Гуманитарная составляющая науки и образования: проблемы развития и взаимодействия // Вестник Самарского государственного аэрокосмического университета. 2005. № 1. С.147-153.

6. Цвык В. А. Роль социально-гуманитарных наук в формировании профессионала // Вестник РУДН, Серия социология. 2007. № 1 (11). С. 34-44.

КОГНИТИВНЫЙ КОНСТРУКТИВИЗМ В РАКУРСЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Галимбекова Ф.С.,

кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных наук,
Финансовый университет при Правительстве РФ,
г. Москва, email: fatgai@yandex.ru

Аннотация: В связи с актуализацией нетрадиционных методов обучения, в современном познании усиливается интерес к конструктивизму. Предполагается рассмотрение конструктивного компонента в теории познания через аналитический и метод анализа ключевых философских текстов. В статье выявляется конструктивистский подход в гносеологии, ставший также актуальным в связи с развитием высоких технологий. Сформулировано понятие конструктивизма с точки зрения теории познания, как конструкция знания познающим субъектом. Рассмотрено, как соотносятся понятия истины в традиционных концепциях и конструктивизме. Показано, что в конструктивизм остается не решенной проблема происхождения истины, хотя в плане конструирования уже приобретенных знаний он представляется весьма важным направлением. В этом смысле при применении методов конструктивизма для развития технологий, в частности ИИ, требует тщательного переосмысления.

Ключевые слова: классическая наука, когнитивный конструктивизм, радикальный конструктивизм, конструктивный реализм, энактивизм, аксиологический конструктивизм, социальный конструктивизм, конвенционализм, феноменология, глобальный эволюционизм.

Cognitive constructivism in the context of digital technologies

Galimbekova F.S.,

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Department of Humanities, Financial University under the Government of the
Russian Federation,

Abstract: With the rise of non-traditional teaching methods, interest in constructivism in modern education is growing. This article explores the constructive component in epistemology through analytical methods and the analysis of key philosophical texts. This article explores the constructivist approach to epistemology, which has also become relevant in light of the development of high technology. The concept of constructivism is formulated from the perspective of epistemology, as the construction of knowledge by the subject of knowledge. The relationship between the concepts of truth in traditional concepts and constructivism is examined. It is shown that constructivism remains unresolved, despite being a highly important approach in terms of constructing acquired knowledge. Therefore, the application of constructivist methods to the development of technology, particularly AI, requires careful rethinking.

Key words: classical science, cognitive constructivism, radical constructivism, constructive realism, enactivism, axiological constructivism, social constructivism, conventionalism, phenomenology, global evolutionism.

В связи с развитием технологий и цифровизацией меняются установки познания, возрастает роль междисциплинарных исследований, актуализируются научные исследования на стыке гуманитарных и естественных наук. Конструктивистский подход особенно активно применяется в технологиях при внедрении Искусственного интеллекта(ИИ), поэтому теоретические основы конструктивизма требуют обоснования. Все более усиливается интерес к когнитивному конструктивизму (конструктивизм предполагающий построение знания), становящийся инструментом в реализации современных технологий, также актуализируется и этический конструктивизм, в связи с развитием ИИ.

Основным вопросом теории познания является вопрос о критериях истины, который в конструктивизме является центральным. Если в классической науке мир трактовался как навсегда заданный, истина рассматривалась как объективное знание, то в постнеклассический период возникает интерес к

теориям, которые утверждают, что мир переходит в сферу конструирования реальности (искусственной среды, виртуальной реальности). Но вопросы проблемы истины и познания в виртуальной среде остаются нерешенными, а также возникают проблемы этического плана использования ИИ, которые решаются путем внедрения моральных установок в технологии.

В данной статье ставится проблема конструктивистского подхода в гносеологии и цифровой этике через анализ взглядов конструктивистов и реалистов на проблему истины и роли конструктивизма в гносеологии.

Проблема в том, что конструктивизм не дает ответа на вопрос откуда появляются знания и что такое истина. Является ли истина отражением объективной реальности, или она сконструирована человеческим разумом.

Для решения проблемы рассмотрим некоторые аспекты применения конструктивизма в теории познания и практике обучения. Обоснуем, что конструктивный реализм (представленный далее) наиболее приемлем в реализации конструктивного подхода в гносеологии и в аксиологии, но традиционный подход к истине остается определяющим.

Сегодня одной стороны, необходимо формировать социокультурное пространство с учетом его субъективизации, глобализации и интеграции, а концепция конструктивного подхода позволит формировать критическое мышление, нестандартные подходы, дискурсивные практики. С другой стороны, нельзя рассматривать конструктивизм как последнюю инстанцию истины. Критика конструктивизма заключается в том, что в рамках данного подхода может быть допущена релятивизация в познании. Концепция понимания истины как отражения реальности остается определяющей, а также имеют место подходы, которые синтезируют конструктивизм с реализмом.

Основной вопрос, который характеризует различное отношение к реальности конструктивистов и неконструктивистов, вопрос понимания происхождения и природы истины. Является ли она соответствующей реальной действительности или истина конструируется субъектом познания. На вопрос о происхождении истины они отвечали неоднозначно.

Античные философы Ксенофан и Протагор определяли истину и добро относительными понятиями, зависящими от субъективного мнения и культуры. Конструктивизм как метод проявился в их попытках понять мир через его составные элементы: Ксенофан через единое начало, Протагор – субъективность и относительность восприятия. Аристотелем выдвигается классическая концепция истины как соответствия между мышлением и реальностью. Истина – в понимании сущности вещей, но и у него прослеживаются конструктивные моменты. В «Этике» и «Никомаховой этике» истина – результат взаимодействия между мышлением, языком и реальностью, также конструктивный аспект проявился в понимании знания по Аристотелю как чувственного опыта. Пиррон и Эмпирик подчеркивали, что знание относительно, нечто не устоявшееся, зависящее от контекста. В этом выражается субъективизм некоторых направлений в античной философии, когда бытие ставится в зависимость от человека и его мнения о нем, а человек рассматривается как часть природы.

В Средневековье конструктивизм представлен картиной мира, где личностное начало приобретает сверхъестественные черты, формируя понятия трансцендентальности, бесконечности, множественности. В рамках религиозной философии развивался ряд дискурсивных практик.

В Новое время идеи эпистемологического конструктивизма высказывали Р. Декарт и И. Кант. Декарт считал, что человек мыслящий и является конструктивистом, так как он создает свою реальность через деятельность ума постоянно строя и перестраивая свои знания о мире [1]. Бог же выполняет функцию эталона, совершенства, которое несравнимо с человеком.

Эпистемологический конструктивизм И. Канта характеризует знание как зависимое от интерпретаций субъекта «Разум должен подходить к природе, с одной стороны, со своими принципами, лишь сообразно с которыми согласующиеся между собой явления и могут иметь силу законов, и, с другой стороны, с экспериментами, придуманными сообразно этим принципам для того, чтобы черпать из природы знания...»[2, с. 18]. Идеи конструктивизма в познании Канта распространяются и на ценности практического разума.

Пол Дюгем, будучи в числе первых конструктивистов, выдвинул теорию «проблема подмены». Смысл подмены в том, что научных экспериментах и теоретических моделях происходит замена одних понятий другими, поэтому понимание явлений может быть искажено. А при интерпретации экспериментов, важно учитывать контекст и теоретические предпосылки. В работах «Метафора - ключ к управлению» (1999) и «Лакан, динозавры и власть» (2000), он обсуждает вопросы культурной и языковой подмены, а также подмену смыслов в результате коммуникации. По Дюгему, мы не можем быть уверены в истинности теорий.

В 20-м веке теория стала рассматриваться как совокупность конструктов, определённых в системе постулатов. Маргенау подчеркивает, что научное знание формируется в определенном социальном контексте. Он рассматривает науку как коллективное предприятие, в котором ученые работают в рамках определенных культурных и исторических условий.

В теории познания кризис проявился в противоречии стремления искать истину во всеобщих законах и экзистенции человека. Появляются новые науки, которые используют конструктивные методы. Например, экзистенциальная социология и психология. **В новом философском понимании языка, акцент делается на внутреннем переживании человека.**

Конструктивизм применяется непосредственно в процессе обучения. Когнитивные конструктивисты Ж.Ж.Пиаже, Л.С.Выготский утверждали, что обучение представляет собой активный процесс, направленный на создание у учащихся собственных знаний. Согласно Ж. Пиаже, «Аффективная и когнитивная жизнь являются, таким образом, неразделимыми, оставаясь в то же время различным всякий взаимообмен со средой предполагает одновременно и наложение структуры, и создание ценностей (структуризацию и валоризацию)...»[8, с. 9]. Им подчеркивается конструктивное взаимовлияние ценностей (иррационализма) и рациональности, конструктивизм находится на границе подходов, сглаживая противоречия между ними. Пиаже ввел понятия схем, ассимиляции и аккомодации. Наряду с индивидуализацией он также

признавал важность социального взаимодействия. В его работах доказывается, что общение с другими детьми и взрослыми способствует развитию мышления.

Л.С. Выготский - социальный конструктивист утверждал, что знания и навыки формируются через общение и сотрудничество с другими. Он считал, что язык не только – средство общения, но и инструмент мышления. Подчеркивал, что знания и навыки передаются через культурные инструменты и знаковые системы.

Конвенционалистская версия конструктивизма, которой придерживался Анри Пуанкаре утверждает, что в своей основе научные теории строятся на произвольных соглашениях (конвенциях), обусловленных выбором человека. Версия, исключая объективные характеристики ценности, которые обусловлены существованием независимых объективных ценностей, характеризуется радикальным конструктивизмом, который исключает наличие объективных законов развития мира, что является гносеологической ошибкой, хотя и содержит в себе рациональное зерно, так как существуют и такие ценности, которые обусловлены исключительно выбором человека. Тем не менее, Пуанкаре [9] пишет, что конвенциональность не снижает значимости научных теорий, подчеркивает важное значение формулирования этических принципов научного сообщества, а также института науки. Действительно, конвенциональность становится фактором, способствующим развитию науки через коммуникации больших социальных групп и через межпоколенческий диалог, когда происходит передача опыта и закрепление его в памяти поколений.

Концепцию эпистемологического реализма, согласовывающую крайние позиции конструктивизма и классической концепции истины предложил

В.А. Лекторский утверждал, что объективная реальность содержит информацию о мире, человек при помощи разума осмысливает реальность, но для того, чтобы знание стало теорией необходимо его сконструировать в определенные системы. Знания не передаются, а создаются учащимися в процессе взаимодействия с окружающей средой и другими людьми.

В книге «Можно ли совместить конструктивизм и реализм в эпистемологии?» автор излагает точку зрения и условия при которых возможно совмещение. Основным условием является то, что «конструирующая деятельность при познании оправдана настолько, насколько она служит для познания того, что есть, существует»[5, с. 33]. Для того, чтобы конструировать, нужно сначала отразить реальность в сознании и затем уже конструировать. Конструктивные идеи могут появляться только на основе полученного опыта, который строится на материале, извлеченном из окружающей среды и в процессе коммуникации.

Особое значение приобретает конструктивизм в эпоху технологий, где возникает проблема морального когнитивизма в виртуальной реальности. Э.М. Молчан основной недостаток виртуальной реальности видит в отсутствии критериальных нравственных законов (кодексов нравственного поведения в виртуальной среде). Он отмечает, что «Виртуальная диалогизация предполагает обмен информацией на когнитивно-эмоциональном уровне, поведенческо-деятельностный компонент размыт или отсутствует» [7, с. 60]. А ведь этот компонент является важной составляющей человеческой личности. В данном смысле необходимо наполнить виртуальную среду моральным содержанием, где необходимы конструктивистские методы.

Таким образом, применение конструктивного подхода актуализируется при развитии технологической революции. Но особой проблемой стоит вопрос о проблеме истине, которая затрагивает не только социальные, но и гуманитарные науки. Проблема соответствия знания действительности и возможность ее реконструкции остается одной из главных проблем, от решения которой и будет зависеть степень доверия населения к конструктивным элементам технологий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Декарт Рене: Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках. Сочинения в 2х томах. Т.1. М. 1989.
2. Кант И. Критика чистого разума. М. 2008.
3. Лекторский В.А. Можно ли совместить конструктивизм и реализм в эпистемологии? // Конструктивизм в теории познания [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. В.А. Лекторский. М.: ИФРАН, 2008, с. 31-42. 171 с.
4. Микешина Л.А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования: учеб. пособие. М., 2005. 464 с.
5. Молчан Э. М Влияние цифровизации на формирование духовно-нравственных ценностей субъектов взаимодействия в эпоху глобализации// Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки 2019, № 2.
6. Пиаже Ж. Психология интеллекта. Санкт Петербург, 2004. 192 с.
7. Пуанкаре А.. Наука и гипотеза. СанктПетербург, 1906. 238 с.
8. Glasersfeld von E. Radical Constructivism. L., 1996.
9. Meinong A. Psychologischethische Untersuchungen zur Werttheorie. Lpz 1894.
Meinong A. Psychologischethische Untersuchungen zur Werttheorie. Lpz 1894.

ГУМАНИЗМ В ЭПОХУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ

Вяткин А.Н.,

руководитель проектно-учебной лаборатории «КИБЕРЛАБ»,
Институт права Уфимского университета науки и технологий,
г. Уфа, Россия, e-mail: van-88888@yandex.ru

Аннотация: Актуальность задачи правового регулирования сферы создания, применения генеративного искусственного интеллекта сохраняется и повышается по мере его совершенствования. В настоящее время исследователями констатируется отставание в нормативном обеспечении применения языковых моделей, технологий генерирования изображений и звуков, иных разновидностей передовых для сегодняшнего дня технологий, для которых понятие «искусственный интеллект» является обобщающим термином. Столь же очевидно, что это отставание является весьма значимым фактором сдерживания как применения уже созданных программных средств, так и дальнейшего их развития.

Ключевые слова: нейросети, искусственный интеллект, рациональность, гуманизм, этичность, справедливость, мораль, нравственность

HUMANISM IN THE ERA OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: A NEW READING

Vyatkin A.N.

Head of the project-training laboratory "CYBERLAB",
Institute of Law, Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russia, e-mail: van-88888@yandex.ru

Abstract: The challenge of legally regulating the creation and application of generative artificial intelligence remains relevant and is increasing as it matures. Researchers are currently noting a lag in regulatory support for the use of language

models, image and sound generation technologies, and other advanced technologies for which the term "artificial intelligence" is an umbrella term. It is equally clear that this lag is a significant constraint on both the application of existing software and its further development.

Keywords: neural networks, artificial intelligence, rationality, humanism, ethics, justice, morality, morality

Генеративные нейросетевые технологии, или так называемый «искусственный интеллект», входят в перечень наиболее актуальных и острых вопросов в современном обществе, самых различных его составляющих социальных группах. К настоящему времени нейросети продемонстрировали столь масштабное влияние на социальные и экономические процессы, не исчерпав и малой доли своего потенциала, что настала пора для по меньшей мере предварительной оценки возможности их негативного влияния. Здесь вполне уместно использовать правовую категорию «степени общественной опасности».

Так, согласно п.18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 №1 «по смыслу статьи 1079 Гражданского кодекса РФ источником повышенной опасности следует признать любую деятельность, осуществление которой создает повышенную вероятность причинения вреда из-за невозможности полного контроля за ней со стороны человека...». В равной степени положения названной статьи распространяются на случаи использования предметов, веществ, механизмов при отсутствии объективной возможности полного контроля такого применения, его последствий. Вполне очевидно, что известные сегодня характеристики нейросетей указывают именно на признаки источника повышенной опасности. Между тем, их использование и развитие происходит вне правового поля, что представляется поразительным.

Возможно предположить, что коль скоро само появление «искусственного интеллекта» знаменует собой очередную промышленную революцию [10, с. 158], ее кумулятивный эффект не позволяет использовать стандартную процедуру нормотворчества, рассчитанную на эволюционный путь развития

правовой системы. Очевидно, что подготовка законопроекта в этой сфере потребует переосмысления ряда понятий, прежде не вызывавших особых споров относительно их природы: гуманизм, рациональность, этичность и даже справедливость. Споры исследователей главным образом состояли в признании наличия либо отсутствия перечисленных терминов как свойств какого-либо конкретного явления, события, акта правотворчества или правоприменения [1, с. 43].

Таким образом, «искусственный интеллект», являясь сложнейшим феноменом, до конца не постигнутым самими его разработчиками [2, с. 219], наименование которого содержит взаимоисключающие характеристики, стал катализатором пробуждения интереса общества к уяснению понятий гуманизма, рациональности, этичности и справедливости. Для всех очевидно, что термин «интеллект» – относится к биологическим категориям, характеристикам личности разумного существа биологического происхождения [7, с. 143]; «искусственный» – исключает принадлежность к таковым. Однако, общество без особой критики восприняло названный противоречивый термин, сформированный исключительно в маркетинговых целях [6, с. 29], с той же легкостью на фоне созданного медиапространством романтического флера наделив «искусственный интеллект» в своем воображении гуманизмом, рациональностью и этичностью, якобы присущими тому от природы (или с момента его создания) [5, с. 1124].

Обращаясь к дискуссии о природе нейросетей с позиции права, как отправной точки для урегулирования складывающейся важнейшей сферы общественных отношений, несколько абстрагируясь от лежащих в основе их создания технологий из сферы наук точных, в обобщенном виде они предстают как основанные на предустановленных алгоритмах программы систематизации оцифрованных данных [3, с. 87]. В этом качестве они представляют собой эффективный инструмент для оперативного решения не только рутинных задач, что является объективно необходимым для всех органов управления, правоохраны и даже судебной системы, но и более сложных.

Рациональность выбора предлагаемого нейросетями решения обусловлена субъективными настройками программы, и не является присущим от природы качеством. В равной степени в настройках алгоритма реализуются субъективные представления инженера-разработчика о гуманизме, этике и справедливости. Отметим, что специалисты, исследующие сущность перечисленных категорий на фундаментальном уровне – философы, социологи, правоведы, к участию в создании алгоритмов по общему правилу не привлекаются. Напротив, в ряде случаев крупнейшие компании-разработчики «искусственного интеллекта» упразднили подразделения по этике, пренебрегая ею. В результате научные исследования по этике, в том числе нейросетей, производятся параллельно с инженерными исследованиями, что недопустимо с учетом их реального и потенциального влияния на социальные, политические и иные процессы, степени общественной опасности.

В то же время, происходящее стало поводом для переосмысления обозначенных гуманитарных феноменов, необходимости и возможности выработки основанных на них четких, формально определенных правил, способных быть реализованными в строгих математических алгоритмах. Обязательность их использования может быть установлена только нормативно, поскольку иначе непременно будет игнорироваться инженерами как досадное препятствие развития технологий.

В свою очередь, складывающаяся ситуация актуализирует необходимость соблюдения тех же критериев гуманизма, этичности и справедливости в нормативно-правовой базе. Очевидно также, что присущие правовой системе современности недостатки в виде многочисленных пробелов, противоречий в процессе правоприменения нивелируются посредством присущих человеку разумному представлений об этике, справедливости, чувства сопереживания (эмпатии). Однако подобные изъяны делают невозможным использование несовершенных норм права в качестве основы для математического алгоритма. Именно поэтому в настоящее время «искусственный интеллект» не способен к отправлению правосудия, где доля усмотрения превалирует.

Вместе с тем, на фоне развития нейросетевых технологий открывается перспектива совершенствования нормативно-правовой базы посредством выявления с их помощью противоречивых норм и пробелов, несоответствия концептуальным основам гуманности, справедливости, этичности. Здесь следует отметить, что в обобщенном виде под гуманизмом понимается ценность жизни, присущей человеку (*humanus*) от природы [8, с. 61]; справедливостью – источник права [9, с. 25]; этичностью – соответствие общечеловеческим критериям морали и нравственности [4, с. 86].

Представляется, что использование «искусственного интеллекта», которому массовое сознание необоснованно сообщает свойство гуманизма и этичности, позволяет с математической точностью измерить уровень подлинной этичности в нормативно-правовых предписаниях, способствовать ее повышению.

В конечном итоге применение нейросетей может способствовать реализации справедливости как в нормах законодательства, правоприменительной, в том числе административной, следственной и судебной практике, уровню законности и правопорядка в целом. Усовершенствованная таким образом правовая система позволит обеспечить полное соответствие гуманизму и этичности алгоритмов «искусственного интеллекта».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вовк Е. В. Справедливость как критерий разграничения «правовых» и «неправовых» законов // Северо-Кавказский юридический вестник. 2020. № 4. С. 43–49.
2. Головки Е. Е. К вопросу о принципе прозрачности искусственного интеллекта в контексте феномена «черного ящика» // Молодой ученый. 2025. № 15 (566). С. 219–221.
3. Ибрагимов И. Б. Смыслы и алгоритмы: как искусственный интеллект трансформирует гуманитарное знание // Тенденции развития науки и образования. 2025. № 122–5. С. 87–90.

4. Карпов В. Э. К вопросу об этике и системах искусственного интеллекта // Философия и общество. 2018. № 2 (87). С. 84–105.

5. Кудряшев А. Ф. Процесс творчества в системах с искусственным интеллектом // Вестник Башкирского университета. 2016. Т. 21, № 4. С. 1124–1129.

6. Ларчев Д. В. Искусственный интеллект: понятие, признаки, классификация // Правовой альманах. 2024. № 1 (32). С. 29–34

7. Мышкин И. Ю. Психофизиологические аспекты исследования интеллекта // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 2 (20). С. 143–147.

8. Остряков Д. А. Понятие принципа гуманизма в уголовном праве // Экономика, право, общество сегодня: оценки, проблемы, пути решения: Сборник статей VIII Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 25 сентября 2023 года. Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И. И.), 2023. С. 61–65.

9. Тищенко А. В. Историко-правовая регламентация понятия справедливости // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. № 2 (29). С. 24–28.

10. Хабаров В. И. Развитие Искусственного интеллекта в период Четвертой промышленной революции // Развитие науки и практики в глобально меняющемся мире в условиях рисков : Сборник материалов XVI Международной научно-практической конференции (шифр – МКРНП), Москва, 15 февраля 2023 года. М: ООО «Издательство АЛЕФ», 2023. С. 158–161.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ПУТЬ К СВОБОДЕ ЧЕЛОВЕКА ИЛИ ДОРОГА В ЦИФРОВОЙ КОНЦЛАГЕРЬ

Лукьященко А.В.,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии,
Московский государственный юридический университет им. О.Е.
Кутафина, г. Москва, e-mail: avluk58@mail.ru

Аннотация: Модернизация всех сфер общественной жизни – экономической, социальной, политической и духовной, – определяется внедрением новых технологий с использованием искусственного интеллекта, всеобщей цифровизации. Это не только расширяет возможности человечества по освоению природы, раздвигает возможности социума на пути к еще большей свободе выбора путей развития, но и таит в себе возможные риски «закабаления» человека, превращения его в придаток «нового технического монстра», отчуждения от собственного Я, создания «одномерного служебного человека», человека – функции. В условиях новой «ментальной войны», «войны умов», формирующегося на планете Мира Постправды чрезвычайно важно сохранить суверенитет человеческого Я, еще глубже проникнуть в тайны собственного субъективного внутреннего мира, преодолеть рецидивы тоталитарной идеологии, сформировать новые мировоззренческие смыслы, раздвинуть творческий потенциал человека-творца.

Ключевые слова: цифровизация, искусственный интеллект, человеческая субъективность, внутренний мир человека, цифровой концлагерь.

LOVE AND THE ETHICS OF CAREFREE DATING SPACE

Lukyashenko A.V.,

PhD (Philosophy), Associate Professor of the Department of Philosophy and
Sociology, Kutafin Moscow State University, Moscow
e-mail: avluk58@mail.ru

Abstract: The modernization of all spheres of public life—economic, social, political, and spiritual—is driven by the introduction of new technologies using artificial intelligence and universal digitalization. This not only expands humanity's capabilities to master nature and advances society's path to even greater freedom in choosing development paths, but also carries the potential risks of "enslaving" people, turning them into appendages of the "new technological monster," alienating them from their own selves, and creating a "one-dimensional servant," a person who is merely a function. In the context of the new "mental war," the "war of minds," emerging on the planet in the Post-Truth World, it is crucial to preserve the sovereignty of the human self, to penetrate even deeper into the mysteries of one's own subjective inner world, to overcome the relapses of totalitarian ideology, to develop new worldviews, and to expand the creative potential of the creative individual.

Keywords: digitalization, artificial intelligence, human subjectivity, human inner world, digital concentration camp.

Современный, динамично изменяющийся мир демонстрирует нам мучительный поиск философско-методологических, мировоззренческих, идеологических и социально-политических оснований обретения Россией подлинного суверенитета. Модернизация общества возможна только на путях преодоления наследия тоталитаризма во всех сферах общественного бытия, переосмысления истинного места и роли человека в общественно-историческом процессе.

Сегодня каждый из нас не может не ставить перед собой вопрос о смысле своего бытия, суверенности собственного мышления и духа, о смысле жизни и самодостаточности собственного Я. Перед каждым мыслящим и социально активным индивидом стоит задача «очертить» границы своего собственного внутреннего мира, устроить его самым гармоничным образом, сделать той суверенной социокультурной «территорией», в которой он сможет свободно и творчески реализовать свои сущностные силы.

В условиях отчуждения человека от многих общественных ценностей, отсутствия общенациональных идеалов, затянувшихся поисков национальной самоидентификации, тотального манипулирования общественным сознанием, настоятельных и не санкционируемых попыток проникновения в духовную жизнь человека, познание человеком самого себя обретает не столько теоретический, сколь сугубо практический характер.

В глобальных условиях информационного общества интернет и другие электронные СМИ предстают уже не столько средством массовых коммуникаций или общения, но той идеальной (виртуальной) средой, в которой осуществляется эффективная манипуляция человеческим сознанием, реализуется скрытый контроль за человеческим Я, задаются ценностные и идеологические установки, «зомбируется» человеческая психика, программируется не только символическая форма реального социального протеста. «Эффектные» и эффективные «цветные» революции в северной Африке и на постсоветском пространстве – яркий пример применения новых информационных политтехнологических методик.

Мучительные поиски нового целеполагания, новой национальной идеи, переосмысления и понимания особенностей современного этапа цивилизационного развития России идут сегодня в условиях, по меткому выражению советника министра обороны РФ А. Ильницкого, новой «ментальной войны», «войны умов», в условиях формирующегося на планете Мира Постправды.

По мнению американских аналитиков, уже к 2025 году в мире наступившей постправды людей «отучат» от критического мышления, от стремления к истине. Утвердится так долго пестуемый прагматически-утилитаристский принцип – «истинно, то, что полезно». Объективная реальность нашего социального бытия должна быть трансформирована и заменена на реальность виртуальную, в которой можно будет легко манипулировать общественным сознанием на уровне смыслов, эмоций, еще

более эффективно воздействовать не только на умы и даже на подсознание человека.

В этой ментальной войне на кон поставлена судьба суверенной личности, суверенитета человеческого Я, который должен превратиться в подконтрольного квалифицированного потребителя, в «служебного человека». Ныне в условиях новой гибридной войны идет системная работа наших оппонентов (по всему западному периметру России созданы специальные центры для ведения гибридной войны) по приучению с помощью новых информационных технологий наших граждан к мысли о неизбежности цивилизационной и мировоззренческой конфронтации.

Цель этой современной ментальной войны – уничтожение Русской цивилизации, ее традиционной культуры, морали, семьи, системы ценностей, традиционных для России форм религиозного сознания. И если со времен Ливонской войны информационно-психологическая война против России велась с использованием современного для того времени новейшего изобретения – печатного станка Гутенберга, позволившего наводнить Европу памфлетами о Иоанне Ужасном и диких ордах московитов, угрожающих мирным европейским государствам, то сегодня таким инструментом стал интернет или «всемирная паутина».

Ни в коей мере не умаляя колоссальных потенциальных возможностей этих новых технологических изобретений человеческого Разума, нельзя не предположить и наличие столь же грандиозных потенциальных угроз. Нам трудно даже представить ужасающую эффективность открывающихся новых возможностей воздействия этими современными средствами на сознание и подсознание человека. Над вопросами реформирования сознания (особенно молодежи и подрастающего поколения) идет работа серьезных научных центров и организаций.

Сегодня мы являемся свидетелями высокой степени озабоченности высших должностных лиц Российской Федерации опасностями и потенциальными угрозами, которыми сопровождается процесс внедрения

цифровизации. Так, заместитель главы Совета безопасности России Д.А.Медведев, подчеркивает, что экономическую эффективность, которую дает цифровизация, нельзя покупать ценой «цифрового тоталитаризма»³. Важно провести четкое разграничение между благами, которые дает цифровизация и угрозой появления «цифрового Большого Брата», ограничений фундаментальных прав и свобод человека.

Зачастую, в войне за умы и души людей часто недооценивают фактор образования и воспитания. Как тут не вспомнить фразу Бисмарка о том, что это прусский школьный учитель выиграл битву при Садовой – когда немцы разгромили австрийцев, и всё встанет на свои места.

В выступлении на Круглом столе, организованном Министерством обороны РФ «Психологическая оборона. Война за историю, война за будущее», президент Курчатовского института М.В.Ковальчук указывал, что против России ведется гибридная холодная война, а ее цель «максимальное ослабление государства. Атаке подвергаются все сферы: образование, культура, экономика, оборона и безопасность. Реализуется технология порабощения. Интернет дает возможность создавать цифровой Гулаг. Человеку объяснят, что все написано в википедии, учиться не надо, все есть в интернете.»⁴.

Раскрывая внутренние механизмы организаторов цветных революций, М.В.Ковальчук подчеркивает, что задача здесь «сначала всех одурачить, упростить до ЕГЭ, чтоб отвечали на тесты, одурачить по-максимуму, вручить всем айфоны, повесить спутник – и все готово. Управление массовым сознанием через рубильник».⁵ Сам же замысел мировой закулисы направлен на выведение нового подвида «служебных людей», которым будет свойственно ограниченное сознание, управление рождаемостью и дешевый корм.

---

³ «Медведев: эффективность от цифровизации нельзя покупать ценой «цифрового тоталитаризма»» [Электронный ресурс]: <https://tass.ru/ekonomika/8743475>.

⁴ «Ментальная война. Война на уничтожение Русской цивилизации» [Электронный ресурс]: https://ruskline.ru/opp/2021/05/15/mentalnaya_voina_voina_na_unichtozhenie_russkoi_civilizacii

⁵ См. там же

Побочным (а, может быть, и основным) продуктом работы над совершенствованием искусственного интеллекта является новая технология выведения «служебного человека», из *сознания которого следует изъять их «индивидуальную привязанность к семейным традициям, национальный патриотизм и религиозные догмы.*

Эти «гуманистические цели» имеют давнюю предысторию, восходящую к трудам теоретиков «Римского клуба» (см. доклады Римского клуба: «Пределы роста» (1972 г.); «Человечество на перепутье» (1974 г.); «Цели для человечества» (1977 г.); «За пределами роста» (1989 г.); «Первая глобальная революция» (1991 г.); «Пределы роста: 30 лет спустя» (2004 г.); «Очерк теории роста человечества: Демографическая революция и информационное общество» (2006 г.); «Выбирая наше будущее: альтернативы развития» (2015 г.).

Сегодня эстафету «гуманизации» человека и общества принял глава Давосского клуба Клаус Шваб, опубликовав свою «Великую перезагрузку».

В глобальных условиях информационного общества интернет и другие электронные СМИ предстают уже не столько средством массовых коммуникаций или общения, но и той идеальной (виртуальной) средой, в которой осуществляется эффективная манипуляция человеческим сознанием, реализуется скрытый контроль за человеческим Я, задаются ценностные и идеологические установки, «зомбируется» человеческая психика, программируется не только символическая форма реального социального протеста. «Эффектные» и эффективные «цветные» революции в северной Африке и на постсоветском пространстве – яркий пример применения новых информационных политтехнологических методик.

Амбициозные задачи руководства нашей страны по модернизации общества предполагают не только смену парадигм традиционного мышления общества потребления, но и раскрепощение внутреннего потенциала каждого из нас. Только осознанный, свободный и творческий процесс самореализации способен раскрепостить сущностные силы человека, направить их на

гармонизацию всех сторон человеческой жизни, помочь осмыслить и понять цель и смысл исторических преобразований.

Исторический прорыв в модернизации нашего общества возможен исключительно на условиях добровольного, творческого раскрытия потенциала субъективного внутреннего мира человека. При этом, ведущую роль в процессе исторического преобразования должны играть не внешние социальные условия человеческого бытия, но сам человек как субъект истории. Раскрепощение человеческой субъективности возможно лишь как акт свободной воли, включающий в себя элементы веры в торжество справедливости и гуманизма, свободы человеческого духа. Не случайно сегодня во многом больному и раздираемому как внешними, так и внутренними противоречиями обществу и человеку требуется не только материальная, но и духовная, пастырская помощь и поддержка.

В этом смысле перед всем гуманитарным знанием в полный рост встает задача исследования философско-методологических оснований анализа субъективного внутреннего мира человека, мира человеческой духовности и субъективности.

Внутренний мир человека должен быть понят не только как мир человеческого сознания, человеческой души. Внутренний мир как мир человеческой субъективности гораздо более богат, чем мир человеческих чувств, мыслей, эмоций и переживаний. Субъективная реальность человека или его субъективность в отличие от реальности объективной имеет иной модус бытия: она не может существовать сама по себе, ее существование всегда производно и зависимо от субъекта, понятого в самом широком смысле – как субъекта деятельности, познания и общения.

Человеческая субъективность всегда интенциональна, внутренний мир человека имеет смысл только в его связи с внешним миром, но не со всем, а только с той его частью, в которой реализованы, опредмечены сущностные силы человека, с миром человеческой культуры.

Эта интенциональность человеческой субъективности направлена в конечном счете на гармонизацию отношений человека с миром, на создание его «непосредственной среды обитания», на формирование его внутреннего мира как той социокультурной реальности, в которой человек, по словам Чингиза Айтматова, «кочует навстречу себе, узнаваясь в другом».

Суверенитет человеческого Я, его честь и достоинство, вся система его традиционных морально-нравственных, религиозных ценностей является залогом против самоуничтожения всего человечества, против «цифрового концлагеря», в котором, как это было еще немногим более 70 лет назад, – вместо «газовой камеры» человек может быть отключен не только от систем его биологического жизнеобеспечения, но и от норм мышления. А любое отклонение обитателя «цифрового концлагеря» от установленных «великими кормчими» норм поведения будет признано в соответствии с романом Оруэлла «1984» «мыслепреступлением» [9], которое будет жестоко караться.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ватин И. В. Человеческая субъективность. Ростов на Дону: Изд.во Ростовского университета, 1984. 197 с.
2. Дубровский Д.И. Психика и мозг - результаты и перспективы исследований. // Мозг и разум. М.: Наука, 1994. С. 3–18.
3. Иванов Е.М. Проблема поиска субстрата субъективной реальности. М., ИНИЦ «Патент», 1993. 80 с.
4. Мегрелидзе К.Р. «Основные проблемы социологии мышления».- Тбилиси: Мецниереба. 1973. 240 с.
5. Джордж Оруэлл: «1984» и эссе разных лет : сб. М.: Прогресс, 1989. 384с.

